9(С1)
О-94
6751

нет стр. 75 99 РФ

Очерки по истории колонизации Севера

Выпуск 1.

Петербург
1922 г.

Д К 92

КОМИТЕТ СЕВЕРА ПРИ РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

9(С1)
К-94

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРА

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

I. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера. Г. Ф. Чиркин.
II. Очерк Новгородской колонизации Севера. С. Ф. Платонов и А. И. Андреев.
III. Очерк колонизации Севера в XVI и XVII веках. А. И. Андреев.
IV. Очерк Низовской колонизации Севера. С. Ф. Платонов.
V. Очерк старообрядческой колонизации Севера. В. Г. Дружинин.

ЧІТАЛЬНА
Обл. Центр. Бібліотекалби
— Сиктывкар —

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

20/III-67				

Тип. им. Котлякова. 16—7 000 000. 4/I-65 г.

Р. В. Ц. Петербург.
Гиз. № 921 Отпечатано 1.500 экз.

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

Предисловие . . . . . 5—6

I. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера . 7—26

Историко-экономическое исследование колонизации объясняет современную картину размещения населения Севера.—Оазисный характер колонизации Севера новгородцами.—Предпринимательско-торговый характер первоначальной монастырской колонизации.—Зависимость трудовой крестьянской колонизации от боярской заимки и монастыря на Севере. Роль бывших удельных князей, как колонизаторов северных пустошей. Московские монастыри на Севере, как стержни, вокруг которых происходит хозяйственный оборот культивировки диких земель и освоение их земледельцами.—Географические, социальные и инородческие преграды колонизации, их влияние на процесс колонизации.—Причины экономического подъема Севера XVI и XVII в.в. и его упадка в последующее время.—Влияние историко-экономических факторов на слабую заселенность некоторых районов Севера.—Данные нового времени, свидетельствующие о пригодности Севера в колонизационном смысле для сельскохозяйственной колонизации.—Синтез прошлого Севера с явлениями нового времени, устанавливающий основание для положительного творческого колонизационного строительства на Севере. *Г. Ф. Чиркин.*

II. Новгородская колонизация Севера . . . . . 26—37

Значение Великого Новгорода в деле заселения Русского Севера.—Пути от Новгорода в Поморье.—Колонизациею Севера руководит новгородская знать.—Промысловый характер боярских заимок на Севере. Крестьянская и монастырская колонизация.—Крестьянские «миры» в Заволочьи и Подвинье, «Низовские князья на Севере».—Печора, Вятка и Пермь.—Поморье, Двина.—Заволочье.—Крайний северо-восток.—Географические и хронологические данные распространения Новгородской колонизации по Северу в XIII—XV веках.—Районы встречи Новгородской колонизации с Московской.—Борьба Новгорода с Москвою.—Победа Москвы (1478 г.). *С. Ф. Платонов* и *А. И. Андреев.*

III. Колонизация Севера в XVI и XVII веках . . . . . 37—46

Районы колонизации конца XV века.—Распространение колонизации в XVI веке.—Колонизация Каргопольского края.—Появление Кирилло-Белозерского монастыря.—Колонизация Кольского полуострова и Печенгский монастырь.—Роль в заселении восточного побережья Онежской губы—Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей.—Колонизация Чаронд-ской округи.—Колонизация Важской области в XVI и XVII веках. Колонизаторская роль Антоново-Сийского монастыря. — Колонизация Мезени и Пинеги.—Колонизация крайнего северо-востока Поморской области. *А. И. Андреев.*

IV. Низовская колонизация на Севере . . . . . 47—69

Первоначальное заселение Владимиро-Суздальского края.—Сдвиг населения от Владимира на запад (к Москве и Твери) и на Севере (за Волгу).—Ранние низовские заимки на Севере.—Ростовские, Белозерские и Ярославские княжеские волости в Пошехонии и Заволочьи.—Первые Московские приобретения в этих волостях и борьба Москвы с Новгородом за Двину.—Монастырская колонизация Севера.—«Пустынные» монастыри; значение их для крестьянской колонизации Севера.—Крестьянская колонизация Костромского и Галицкого края. — Переход ее с Сухоны на Вятку.—Вятка и Пермь.—Иноземный торг на Севере. *С. Ф. Платонов.*

V. Старообрядческая колонизация Севера . . . . . 69—7

Церковный раскол, как побудитель передвижения населения от центра к окраинам.—Роль Соловецкого монастыря в старообрядческой колонизации Севера.—Заселение бассейна реки Выга.—Раскольничьи скиты в Олонецких лесах. История возникновения Выговской пустыни. Ее колонизационная роль.—Закрытие Выговской пустыни.—Самосжигание старообрядцев в Палеостровском монастыре. *В. Г. Дружинин.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Появление в свет настоящих «Очерков по истории колонизации Севера» обязано следующим обстоятельствам.

В конце 1919 г. предпринято было обследование Севера в колонизационном отношении особыми колонизационными экспедициями. В своих работах экспедиции, исходя из того положения, что *прошедшее* является основой для будущего, приступили к собиранию исторических данных, объясняющих современную картину размещения населения на Севере.

Эта мысль с особенной рельефностью была подчеркнута в совещании в Москве при Колонизационной Части Комиссариата Земледелия (б. Переселенческое Управление). В этом совещании, где обсуждались основания работ Северных Колонизационных Экспедиций на 1920 г., профессором М. М. Шульгиным и другими участниками совещания было выставлено положение, что промышленная колонизация Севера и его возрождение даст надлежащие результаты, если это промышленное завоевание будет протекать параллельно с завоеванием земледельческим, вернее сказать, с *реставрацией* земледельческого хозяйства в этом крае. Здесь было отмечено, что в XVI и XVII веках Северный край нередко снабжал хлебом Москву, т.-е. край этот был не ввозящим, а вывозящим хлеб. И вообще историческое прошлое Севера позволяет смотреть оптимистически на сельское хозяйство будущего нашего Севера. А потому, прежде чем пускаться в строительство будущего, необходимо оглянуться на прошлое.

В соответствии с таким заключением, Северными Колонизационными Экспедициями при участии академика С. Ф. Платонова, была составлена программа очерков по истории колонизации Севера и приступлено было к составлению карты исторических путей заселения Севера. В составлении очерков, кроме того, приняли участие профессора В. Г. Дружинин и А. И. Андреев. С. Ф. Платонову принадлежит вводная часть очерка «Новгородская колонизация Севера» (стр. 26—32) и очерк «Низовская колонизация Севера». В. Г. Дружининым составлен очерк «Старообрядческой колонизации Севера». А. И. Андрееву принадлежит очерк «Новгородская колонизация Севера», за исключением вводной части, и очерк «Колонизация Севера в XVI—XVII веках».

Очерк «Историко-экономические предпосылки колонизации Севера» составлен Г. Ф. Чиркиным на основании работ названных профессоров и других исследователей. Этот очерк является результатом доклада Г. Ф. Чиркина в «Северном Комитете» при Русском Географическом Обществе и обобщает исторические изыскания очерков с явлениями и запросами нового времени.

В виду того значения, которое, по мнению Совета Комитета Севера при Русском Географическом Обществе, имеют эти очерки для освещения и выяснения научно-практических разнообразных запросов нашего Севера, Совет Комитета Севера постановил помочь Северным Колонизационным Экспедициям их напечатать.

Настоящие очерки являются в виде первого выпуска. Вторым выпуском Комитет Севера предполагает их продолжить. Во второй выпуск войдут очерки: «По истории колонизации Пермско-Вятского края», «Истории колонизации Сибири» и «Иноземный торг на русском Севере в XVI и XVII веках».

Приложенная карта исторических путей заселения Севера составлена Г. Ф. Чиркиным и Ю. П. Иорданским при содействии С. Ф. Платонова и А. И. Андреева.

I.

Историко-экономические предпосылки колонизации Севера.

По мнение профессора Менделеева, высказанному им в его книге «К познанию России», исторические интересы при обсуждении проблемы земли и населения должны стоять на первом месте. Разумная сознательность, по его заветам, внушает твердую мысль о том, что всякие перемены в государстве, если оно сохраняется в целости, должны совершаться путем исторической эволюции [1]). Это тем более важно потому, что земля навсегда останется первою основою народности и государственности. Если положение это верно, то для работ по организации малонаселенных территорий, в особенности с таким большим и интересным историческим прошлым, как Русский Север, историко-экономические предпосылки являются существенно важными. Без историко-экономических изучений нельзя объяснить, например, непонятное на первый взгляд явление, что на картах сравнительной населенности России 1724, 1858 и 1897 годов, приложенных к первому тому «Очерков по истории русской культуры» П. Милюкова [2]), *неизменно* остается пустынным, закрашенным в белый цвет, значительный по своим размерам район водораздела реки Унжи и Ветлуги. Без такого изучения нельзя понять, почему до настоящего времени пустует район реки Чагодощи, притока реки Мологи, составляющей звено Тихвинской водной системы.

При взгляде на карту Русского Севера, нельзя не усмотреть крайне причудливой гнездовой группировки населения на небольших сравнительно площадях, при громадных, разделяющих эти площади друг от друга, пустующих пространствах. Объяснить это явление одним условием, что население Севера размещалось преимущественно по рекам, было бы далеко не полно. Только изучение историко-экономических материалов прошлого русской колонизации Севера вскрывает, что далеко не одни географические особенности обусловили такое размещение населения на Севере, но весьма существенную роль в указанном явлении сыграли факты историко-социологические. Такое изучение, помимо научного интереса, облегчает в то же время и практическую работу по планомерности (последовательности) вовлечения в народно-хозяйственный оборот пустующих и мало-населенных земельных пространств. В таком изучении наука и практика получают необходимый жизненный синтез, столь необходимый в деле государственного строительства.

---

[1]) См. Д. Менделеев. «К познанию России». СПБ. 1906 г., стр. 99.

[2]) См. П. Милюков. «Очерки по истории русской культуры». Часть I. Изд. 5-е. 1904 г. Карты сравнительной населенности России, приложенные к стр. 32—33.

Заселение Севера русскими людьми пошло из Великого Новгорода. В XIII веке территория В. Новгорода, хотя и слабо заселенная, уже не удовлетворяла тогдашним потребностям его населения. Земледелие не являлось для новгородцев основным промыслом. Энергия новгородцев направлялась на другую дорогу. Новгородцев прельщали дорогой соболь, чернобурая лисица, куница, выдра и бобры в богатых зверем лесных угодьях, лежащих к Северу от Новгородских пятин. Слухи о золоте и морских зверях, дающих дорогой белый мех и очень ценный «рыбий зуб», как называли в старину клыки моржа в далекой неведомой Биармии, знание спроса западного рынка от посещавших издавна Новгород ганзейских гостей—все это питало жажду наживы у предприимчивых новгородцев и заставляло уходить их все дальше и дальше на север и северо-восток от своих пятин.

Рекою Свирью, озером Онегою, мхами и озерами, рекой Емцой и Северной Двиной, а также реками Выгом, Сумою и Нухчей и от Ладожского озера через «дикую» лопь—добрались новгородцы до берегов «Студеного моря».

Инициатива в колонизационном движении новгородцев на север принадлежала верхним слоям новгородского общества—боярству и «житьим» людям. Добытый в Поморье товар новгородские бояре и дети боярские продавали заморским немцам, и товар заморских немцев отправляли на юг и юго-восток, обменивая его на хлеб и воск.

Доставка товаров из Поморья в Новгород требовала больших организационных средств и капиталов. Порой удерживать места своих промыслов на далеком Севере новгородцам приходилось силою. Вооруженной защиты требовали нередко и дальние пути сообщения к промыслам среди инородцев Севера—чуди, лопи и карелов. В таких условиях только *политически и экономически* сильные люди могли основывать в Поморье промышленные поселки-фактории. Соловецкие грамоты и новгородские летописи содержат прямые указания, что первыми колонизаторами Поморья были новгородские *именитые* люди: посадники, бояре, дети боярские и прочая новгородская знать. Пустопорожние, никем не занятые места, выгодно расположенные для промысла или звероловного и рыбного стана, но совершенно дикие,—осваивались *снаряженными* новгородским боярином «холопами сбоями». Двигаясь по рекам на своих «ушкуях», перетаскивая их по болотам и волохам, эти боярские ватаги из боярских холопов выходили на берега Студеного моря. Здесь и по рекам они занимали приглянувшиеся им места большими площадями, порой целыми районами, и устраивали там ловчие станы, рыболовческие поселки и, где можно было, соляные варницы. Все это производилось на имя *своего боярина*. Там, где природа располагала к земледелию, из тех же «сбоев и холопов» появлялись «страдомные» деревни и «орамные земли».

Оседая «врозни», эти промышленные и земледельческие поселки не соприкасались один с другим, а отделялись дикими пространствами и лесами. «Большая часть новгородских *вотчин* в Поморье,—отмечает профессор Ключевский,—даже у мелких собственников не представляла округленных владений, а состояла из раздробленных мелких участков, рассеянных по прибрежным островам, по морскому берегу и *«рекам морским»*, как выражались грамоты, на огромном расстоянии друг от друга. При неизбежной, в таком порядке заимок, чересполосице выходило, однако, что сильные бояре-колонисты, заняв для себя десятки мест, *закрепляли* за собой всю эту область, втягивая своих мелких соседей в круг своего влияния». Так, знаменитые Борецкие овладели промыслами и пашенными угодьями на Летнем

и Поморском берегу. То же делали Своеземцовы, известная Марфа Посадница и другие новгородские именитые бояре.

За новгородским боярином, по проторенным путям, пошли и «обычные» новгородские люди—мелкие промышленники и пахари из крестьян и пахари из иночествующей братии. Эти мелкие люди, приходя в Поморье и будучи маломощными выходцами из Новгородских пятин и не располагая запасами необходимых для жизни продуктов, попадая в зависимость от хозяина, снабжавшего их предметами первой необходимости, обусловили особую форму взаимоотношений труда и капитала, ставшую известной впоследствии под именем «покруты», и вынуждены были селиться по соседству с хозяином, а не на свободно выбранных местах.

Так, оазисами, а не сплошным заселением шла первоначальная колонизация Севера новгородскими людьми, и в силу изложенных обстоятельств трудовое население группировалось не там, где, быть может, оно оседало бы при других социально-экономических факторах, а сосредоточивалось преимущественно *возле* капиталистической боярской фактории, обходя местности, по природным условиям более удобные для народного освоения. Так, своеобразный путь первоначальной капиталистической колонизации Севера новгородцами придал тот облик расселению русского племени в Поморье, с последствиями которого приходится считаться и в настоящее время. Этим и объясняется в значительной степени такая причудливая группировка населения, которую мы наблюдаем на карте Севера.

По тому же пути шла на Север и монастырская колонизация из Великого Новгорода, уступившая затем место монастырской колонизации сначала из Низовской земли, а затем Московского Великого Княжества.

Инок, приходя в Поморье, стремился освоить землю, как и боярин, в свою собственность, иногда вступая в пререкания за землю с боярином. Так, основатели Соловецкого монастыря выдержали не легкую борьбу с «боярскими рабами», приплывавшими к Соловецкому архипелагу, гнавшими иноков и утверждавшими, что «острова по отечеству наследие наших бояр». Но иноки победили и получили от Великого Новгорода жалованную грамоту на весь архипелаг.

Новгородские монастыри на Севере, а впоследствии и московские, продолжали дело новгородских именитых людей. Монастыри эти выявились на Севере по преимуществу, как колонизационные торгово-промышленные фактории, сменившие в конце-концов собою торгово-промышленную факторию новгородского боярина. Соловецкий монастырь уже в XV веке стал распространять свои владения по Терскому берегу Лапландии. Реки Умба и Варзуга составили церковный приход и волость, принадлежащую Соловецкому монастырю. Рыбная ловля, звериные промыслы, земледельческие хозяйства, постройка судов, торг с заграницей—все это взял на себя Соловецкий монастырь. Порой он принимал на себя и защиту государства. По примеру Соловецкого монастыря, возникают и другие с такими же задачами, что и Соловецкий. Так, на далекой Кокшеньге, притоке реки Ваги, обосновался монастырь св. Феодора, а на Вели—монастырь Иоанна Богослова с селами «со страдными землями и поземлями».

Продолжая свое колонизационное наступательное движение на Север и сменив силою политических обстоятельств колонизаторское пионерство новгородского боярина-капиталиста, многочисленные монастыри и монастырские поселки обосновались по всем берегам Белого моря, достигли границ Норвегии, распространились до Чешской губы. Часть из них гибла,

не будучи в силах приспособиться к трудным условиям инородства, но большая часть упорным трудом и духом предприимчивости осваивалась с новыми условиями жизни и создала ряд зажиточных селений, разбросанных, как и боярские заимки, одиноко по обширному Поморью, по Пазе реке, Печенге, Туломе, Коле, Кеми, Онеге, Мезени и даже Печоре.

Позже монастырская колонизация Севера, питаясь представителями зажиточного класса старообрядцев уже Московского государства, приносила на вольный Север еще больший дух предприимчивости. Этой старообрядческой монастырской колонизацией призван был к жизни Север Олонецкого края. Основанная здесь на реке Выге братьями Денисовыми Выгорецкая обитель быстро обросла крестьянско-иноческим миром, достигшим к концу XVII в. численности 12 тысяч человек обоего пола, объединенным, под наименованием «суземка», в особую административную единицу, подчиненную обители. Скитов и поселков в суземке числилось свыше 30. Жители суземка, привлекая новых переселенцев, разделывали леса, устраивая в них обширные расчистки для пашни, разводили в изобилии скот, строили мельницы, завели кожевенные и кирпичные заводы. Вместе с тем жители обители занялись рыбной ловлей на море и торговлей, завели свою пристань на Онежском озере, именуемую Пигматкой, с которой по водным путям отправляли северные товары: рыбу, лен, шкуры, заграничные (гамбургские) сукна в Россию и с которой получали скупленный в России хлеб для продажи его на Севере. Потянулись они на Белое море, добыли собственные суда и посылали с торгом и за тюленями на Новую Землю и на Грумант (Шпицберген).

Так монастыри притягивали население на Север, группируясь опять-таки, как и новгородские боярские заимки, в соответствии со своим хозяйством в определенных местностях, *уединенных и разбросанных в виде островов по лесному морю* Севера, какими оказывались и сами монастырские фактории.

Итак, и боярские новгородские заимки и новгородские предпринимательские монастыри, а впоследствии и монастыри московские, исторически делали на Севере одну общую колонизаторскую работу на капиталистических основаниях, закладывая очаги, группировавшие население к *отдельным разобщенным* большими друг от друга расстояниями площадям, приуроченным в свою очередь к экономическим выгодным пунктам, оставляя разделяющие эти очаги обширные пространства пустыми.

За новгородским боярином и монастырем-предпринимателем шел на север и рядовой крестьянин. Чем время шло дальше, тем крестьянское движение на север становилось шире. Крестьяне шли в одиночку, или же малыми дружинами в 10—12 «другов». Из этих-то дружин, поясняет профессор С. Ф. Платонов [1]), и слагалось мало-по-малу веками то свободное население Поморья, которое в последующее время образовало в крае демократическую основу русского населения в погостах или волостях. Свое привычное земское устройство русские насельники прививали и туземцам, когда крестили «дикую лопь» или «карельских детей» в православную веру. Карел и лопарь, принимая христианство, вместе с новой верой и русским именем принимали и весь облик русского человека, «крестьянина», складывались в погосты вокруг церкви и начинали жить русским обычаем. Чем южнее и теплее место и хлебороднее почва, тем сильнее и заметнее в Поморье этот мелкий демократический «крестьянский» элемент и тем менее развит элемент боярский капиталистический освоения края.

---

[1]) См. стр. 29 настоящих очерков.

Если боярская колонизация особенно характерна для областей по южному и западному побережью Белого моря, то на реке Онеге и Северной Двине уже в глубокой древности заметны более демократические организации—волости и погосты с населением из простых земледельцев. Особенно сильным оказался крестьянский мир на Северной Двине и в бассейне ее левого притока реки Ваги. Оседая и занимая здесь земли, новгородцы заводили хлебопашество. В грамотах XIV и XV веков не раз упоминаются пахотные «стародомные» земли. Наиболее хлебородными и густо заселенными оказались местности по рекам Вели, Кокшеньге, Пемже и в верховьях Ваги. Отсюда через Вель и Каргополь установилась в Новгород правильная хлебная дорога, по которой хлеб шел отсюда на новгородский рынок и в Москву.

Двинская земля, замечает профессор А. И. Андреев [1]), была заселена новгородцами к концу XIV века почти в тех же пределах, в которых и теперь сидит население на Двине, ее притоках и по морскому берегу. Дошедшие до нас двинские грамоты XV века еще в большей степени подтверждают это и своими указаниями служат древнейшими источниками для истории тех или других поселений.

Но еще в XIV веке новгородские колонизаторы края, как Двинского, так и Важского, должны были столкнуться с колонизационной волной, шедшей с юга. Важнейшим путем Важской области, пересекающим ее с юга на север, были в старину река Вага и река Кокшеньга с Устьей, верховья которой близко подходят к реке Сухоне. Этот более прямой, нежели обычный по Сухоне и Северной Двине, путь с юга на север, особенно выгодный зимой делал Вагу и Важскую область местом усиленных торговых сношений с югом. Отсюда хлеб нередко по этому пути доставлялся и в Москву. Через эту дорогу на Мурманский берег через Колу, Кандалакшу и озерами—через Кереть—сухую дорогу в Москву сообщался с центральными областями Московского государства.

Путем договоров с Великим Новгородом низовским князьям еще в XIII веке удалось приобрести права на берега Студеного моря (Зимний и Терский берега). Пользование этими правами делало низовских князей хозяевами занятых их ловцами мест и порождало интерес к делам Севера вообще. Колонизация Поморья становилась мало-по-малу их собственным делом и будила в них мысль о полном освоении Новгородской окраины.

Когда в XIII веке средоточие русских народных сил—пространство между Волгой и Окой—стало подвергаться ударам татар и притеснениям баскаков, начался отход населения с Волги на север в Заволочье и Поморье. Это были первые эшелоны Низовской и Московской колонизации Севера.

Удары татар повторялись, притеснения баскаков усиливались. Жители людного Суздальского края, на который всего больше обрушивались набеги татар, уходили на запад и в Костромские, Галицкие и Вологодские места. Века XIV и XV—это время усиленной колонизации Заволочья с юга на север, пересеченным колонизационным потокам, струившимся в Заволочье из Великого Новгорода.

С ростом Московского княжества и превращением Москвы в собирательный русский центр на долю некоторых лишившихся своих уделов и вотчин многочисленных князей, подпадавших под высокую руку Московского великого князя, выпадала новая историческая задача. Уступая свои земли властной Москве, часть бывших удельных владетельных князей уходила на

[1]) См. стр. 34 настоящих очерков.

Север и здесь вознаграждала себя заимками, на *пустопорожних* землях. В начале XV века многие из бывших удельных князей оказались владельцами новых земель на реке Ваге, на Северной Двине, на реке Емце и Мехренге.

Наиболее предприимчивым из удельных князей, обосновавших заимки на Севере, оказались князья Ростовские и Ярославские. Из Ростовских князей, как колонизаторы, выделились князья Белозерские. Новые владения их кольцом расположились вокруг Белоозера и по бассейну реки Шексны. Из них князья Кемские разместились по реке Кеми, с севера впадающей в Белоозеро, князья Ухтомские—по реке Ухтоме. Князья Сугорские, Белосельские, Андомские и Вадбольские заняли все местности по верхней Шексне, по рекам Суде и Андоге. С новыми владениями Ростовских князей перемещались заимки князей Ярославских. Из этих последних, как колонизаторы, выделились Заозерско-Кубенские князья, освоившие земли вокруг озера Кубенского.

На эти заимки князей Ростовских и Ярославских потянулись и рабочие люди, бывшие подвластные Ростовских и Ярославских владетелей. Сюда же приходили люди, уходившие от татарских притеснений. Все они получали в новых вотчинах перечисленных князей надлежащий прием. Новым пришельцам князья отводили земли, выдавали ссуды деньгами и натурой, словом, проявляли хозяйственное благоустройство, выгодное для новых засельщиков из трудового люда и полезное для устроителей новых вотчин. Такая попечительно-хозяйственная деятельность Ростовских и Ярославских князей и была причиной того, что в отмеченных местах довольно *плотно сгустилось* население, тогда как *рядом* расположенные владения других князей по географическому положению и по природным условиям *не худшие*, оставались *пустыми*, или слабо заселенными. Ростовские и Ярославские князья, выражаясь термином, взятым из практики переселенческого дела предреволюционного времени, были хорошими подрайонными переселенческими начальниками, сумевшими заселить и окультурить свои подрайоны. Объясненными причинами обусловливается и густота населения вокруг Белого и Кубенского озер и некоторых рек, текущих в эти озера.

Удачная колонизаторская деятельность Ростовских и Ярославских князей вновь устанавливает то положение, которое вскрывается при изучении колонизаторской роли боярской новгородской заимки, что размещение и расселение русского племени по Северу во многом *обусловливалось историко-социологическими причинами*. Колонизаторская деятельность бывших удельных князей продолжалась недолго. Следом за ними на Север шла Москва в лице ее великого князя, собирателя Руси. «Добром и злом, силой и лаской,—по выражению С. Ф. Платонова,—собирала Москва Северную Русь». Чем мельче были владельцы и князья, тем быстрее и легче было Москве отбирать земли как от князей, так и от их подданных, не получивших защиты у своих «государей». Лишь один сильный соперник Москвы на Севере—Великий Новгород долго не поддавался Москве. Шла долгая борьба. Но, наконец, в 1478 г. Иван III окончательно захватил у Новгорода и Двину и все его северные волости. В Поморье не стало иного государя, кроме Московского великого князя. Все земельные владения, все заимки и все инородческие земли на Севере вошли в состав единого Великорусского государства и *стали «вотчиною» великого государя «всея Руси»*. На него легла отныне забота о дальнейшем заселении Поморья. И в этом помогли ему народные силы и *народная* колонизация, шедшая стихийно по «неведомым» путям.

Показателем тех «неведомых» путей, по которым расходилось крестьянское население по Северу, по замечанию профессора Ключевского, могут служить направления, по которым двигались на Севере «пустынные» монастыри. Стихийная народная колонизация Севера началась одновременно с колонизацией «княжеской». В Заволочье и Поморье шел инок отшельник, «желавший тишины и душевного спасения», и пахарь, искавший «безопасности и пропитания». Инок искал для себя «пустыни». Но «пустынь», основанная в необитаемой глуши, в свою очередь притягивала к себе население, искавшее свое хозяйственное устроение на заимках. «Пустынь» уходила от «мира» и в то же время влекла «мир» за собой. Взаимодействие монастыря и крестьянской деревни в истории колонизации Севера постоянно обнаруживается в бытовых рассказах—«житиях святых». Правда, это «взаимодействие» не всегда было взаимным «содействием». Нередко поле колонизации обращалось в поле классовой борьбы. Но как бы случаи вражды поселян и иноков часто ни происходили, они не определяли собою обычного отношения крестьянства и иночества в деле колонизации. В основе, по выражению профессора Ключевского, «монах и крестьянин были попутчиками, шедшими рядом, либо один впереди другого, и монастырская колонизация имела очень важное и полезное значение для колонизации крестьянской». «Лесной пустынный монастырь,—говорит профессор Ключевский,—сам по себе, в своей деревянной или каменной ограде представлял земледельческое поселение: монахи расчищали лес, разводили огороды, пахали, косили, как и крестьяне [1]). Вокруг пустынного монастыря образовывались мирские, крестьянские селения, которые вместе с иноческою братиею составляли один приход, тянувший к монастырской церкви. Впоследствии монастыри исчезли, но крестьянский приход с монастырской группой оставался. В житиях есть намеки на то, что отшельники, строя церкви и при них монастыри, нередко имели в виду доставить расходившимся по заволжским лесам переселенцам возможность помолиться, постричься и похорониться в недалеком храме с обителью. Так, Дионисий Глушицкий по Верхней Сухоне строил в разных местах один храм за другим «на прихождение православному христианству», ибо «не бяше тогда церкви на том месте», а деревни вокруг все множились.

Трогательную повесть о единении иночества с крестьянами приводит, на основании жития преподобного Макария Желтоводского, профессор С. Ф. Платонов в его очерке «Низовская колонизация Севера» [2]). Преп. Макарий Желтоводский начал с того, что основал пустыньку около Решмы, по правому берегу Волги (близ Кинешмы), где его хижина привлекала к себе мирское население. Конечного ради безмолвия он оставил эту свою обитель, ушел на левый берег Волги и поселился в «зело малой пещере», среди озер на Желтых водах (в пределах нынешней Нижегородской губернии). И здесь народ нашел его: «к нему отовсюду стекахуся миряне множайше», потому что «братолюбив бяше зело в общем жительстве». Даже окружающие новую обитель Макария черемисы относились к нему хорошо, так как видели «нестяжательное в пустыне его пребывание». Они приносили ему «яже на потребу» пшеницу и мед и «славили его», а он и этих «сарацин» любезно приемаше и успокоиваше». Но не пощадили Макария татары, завоевавшие этот край (1439 г.). Они разорили монастырь и его села, а остатки живых, и в том числе самого Макария, взяли в плен. Однако, татарский воевода

---

[1]) Проф. Ключевский. «Курс русской истории». Часть II, стр. 317.
[2]) См. стр. 57 настоящих очерков.

освободил старого настоятеля, отдал ему всех уцелевших его людей, но с условием оставить Желтые Воды, «понеже (сказал он) земля та наша есть, Казанскому царству прилежащая». Макарий увел остаток своей паствы, иноков и мирян с семьями, на север в область Галича. Дойдя до реки Унжи, они здесь осели, но сам Макарий скоро отделился от спасенных им сожителей. Он в третий раз отыскал себе место «достойно молчания» и построил хижину в 15 верстах. Здесь прожил он еще пять лет, не оставляя своими заботами близких ему людей. Среди них он и скончался (1444 г.), завещав похоронить себя «в пустыне его, идеже житие имяше». И пустынь почитаемого отшельника вскоре разрослась в значительный Макарьево-Унженский монастырь, где возникло большое поселение,—ныне город Макарьев, Костромской губернии.

Пустынные монастыри на Севере основывались по преимуществу людьми, которые отрекались от мира, уходили в пустынь, там становились руководителями собиравшегося к ним братства и сами вместе с ним изыскивали средства для построения и содержания монастыря. Иногда основателем монастыря становился человек «прямо из мира еще до пострижения», как Сергий Радонежский, но «большинство проходило иноческий искус в каком-либо монастыре, обыкновенно также пустынном, и оттуда потом уходило для лесного уединения и создавало и свои пустынные обители, являвшиеся как бы колониями старых. Три четверти пустынных монастырей XIV и XV века были такими колониями, образовались путем выселения их основателей из других монастырей, большей частью пустынных же. Из обители Сергия Радонежского в XIV веке вышло 13 пустынных монастырей-колоний и 2—в XV веке. Потом ее ослабевшую деятельность продолжали ее колонии и колонии колоний, преимущественно монастырь преподобного Кирилла Белозерского [1]), унаследовавший от Ростовских князей большие вотчины и заменивший их колонизационную роль на Севере.

Насколько движение русского иночества в лесную глушь Севера стало быстро расти с конца XIV века, можно судить по тому, что пустынные монастыри, возникшие в этом веке, числом сравнялись с новыми городскими (42 и 42), в XV веке превзошли их более чем вдвое (57 и 27), в XVI веке—в полтора раза (51 и 35).

«Если вы проведете,—говорит профессор Ключевский,—от Троицко-Сергиева монастыря две линии, одну по реке Костроме на р. Вычегду, другую по реке Шексне по Белоозеро, то этими линиями будет очерчено пространство, куда с конца XIV века усиленно направлялась монастырская колонизация, из монастырей центрального междуречья Оки-Волги и их колоний. Небольшие речки, притоки Костромы, Верхней Сухоны и Кубенского озера, Нурма, Обнора, Монза, Лежа, Глушица унизывались десятками монастырей, основатели которых выходили из Троицко-Сергиевой обители, из Ростова (св. Стефан Пермский), из монастырей Каменки на Кубенском озере и Кириллова Белозерского. Водораздел Костромы и Сухоны, покрытый тогда дремучими лесами, Комельским лесом стал русской Заволжской Фиваидой [1])».

Московские монастыри освоили на Севере громадное пространство земель и стали там на смену удельных вотчинников новгородских бояр крупнейшими и влиятельнейшими землевладельцами, устроителями экономической жизни Севера, не ограничиваясь своими районами. Так, Кирилловский Белозерский монастырь водворил и устроил несколько деревень в

[1]) Проф. В. Ключевский. Курс русской истории. Часть II. стр. 313—315.

Каргопольском уезде, где то же делал и Соловецкий монастырь, владевший к концу XVI века здесь 11 деревнями. Благодаря деятельности этих двух монастырей было заселено восточное побережье Онежской губы. Насколько широко развивалось земледельческое хозяйство монастырей, можно судить по тому, например, что по данным генерального межевания 1785 г. за Выговской пустыней значилось 2.344 десятины пашни и 4.658 десятин покоса. Колонизация Севера плотно связала его с Московским центром. Насколько крупно было значение Севера в обще-экономической жизни страны, можно судить по тому факту, что по торговой дороге от Вологды через Ярославль в Москву ежедневно проезжало по 700—800 возов с зерном. В 1582 г. Троице-Сергиев монастырь построил в Тотемском уезде на реке Сухоне на устье Толмицы амбар, чтобы покупать здесь на монастырь хлеб и другие товары.

Изучая картину движения и роста монастырской колонизации Московской эпохи заселения Севера и следя по карте путей колонизации за крестьянскими переселениями, размещавшимися возле опорных пунктов—новых монастырей, вновь нельзя не притти к заключению, что группировка и оседание населения по Северу обусловились преимущественно социологическими факторами. Монастыри оказывались стержнями, вокруг которых происходил оборот хозяйственной культивировки диких земель и их освоения трудовым людом. Отсюда опять очаговая, пятнистая, разобщенная пустырями картина расселения, порожденная скорее факторами социологического характера, чем характера природы страны.

Суммируя высказанное о монастырской московской колонизации Севера, нельзя не притти к выводу, что монастыри на Севере явились передовыми бойцами колонизации Севера. Через них народные массы, поднятые с юга татарскими погромами, освоили все Заволье между реками Шексной и Унжей. Дальнейший же выход отсюда был затруднен. На западе лежали новгородские пятины, откуда шла на северо-восток своя волна колонизации, правда, слабая в земледельческом отношении. Сами новгородские пятины были слабо заселены земледельцами, и коренное их население не склонно было искать в земледелии основного своего промысла. На севере, на волоках между Волжским бассейном и Северо-Двинским, залегали громадные леса. С большим трудом и длительными усилиями москвичи пробились на Сухону и отодвинули новгородскую границу колонизации с водораздела Кострома—Сухона на водораздел Сухона—Вага, переведя тем самым Вологду, Тотьму и Устюг Великий в сферу московской колонизации. Колонизационное движение на восток через реку Унжу было остановлено до XVII столетия. В лесах между Унжей и Ветлугою с XIV века осели черемисы, сдвинутые сюда с юга мордвою. Все попытки русских от Галича и Костромы подвинуться к Ветлуге через Унжу встречали отпор со стороны этой народности. Когда же в XV веке черемисы подчинились Казанскому татарскому царству, дело для русских стало еще хуже. Черемисы сделались активнее, и в Унженских лесах «беспрестанно жила черемисская война». Набеги черемис на Галич и на волоки по Сухоне стали обычными явлениями и сильно беспокоили молодое русское население. Даже с подчинением Казани Москве (1552 г.) замирение Черемисской земли достигнуто не было. Несмотря на то, что в Черемисской стороне было сооружено несколько крепостей: Козьмодемьянская, Цивильск, Кокшайск, Санчурск, Уржум и проложен новый путь от Нижнего через Яранск к Вятке, дело колонизации Черемисской стороны не двигалось. В XVI веке, по известиям Герберштейна, в стране на юг от Вятки черемисы владычествовали беспредельно. Первая четверть

XVII века была также неблагоприятна для русской колонизации, вследствие волнений между черемисами. «Жители Кукарки,—свидетельствует профессор Смирнов,—должны были огораживаться от своих соседей черемис острогом, часть населения разбежалась, бросая возделанные земли, которые зарастали хвойным лесом».

Русская колонизация, шедшая из Московского государства, достигнув Сухоны, принуждена была в своем распространении на восток огибать дугой с Севера Черемисскую сторону и через реки Юг и Молому двигаться в Вятскую землю. Так, Вятская земля заселилась с севера *обходным*, а не прямым движением с юга. К XVII веку Вятская земля, впитавшая в себя с северо-запада устюжан, двинян, важан, вычегжан, ярославцев, переяславцев, насчитывала 10—12 тысяч дворов. К этому времени присоединение Казани и инородческих областей по Средней Волге к Московскому государству связало Вятскую землю с Москвою через Яранск, а завоевание Сибири поставило Вятку на пути между Московским центром и Сибирью. Из недавно заселенной Вятской земли с этого времени и через Вятскую землю пошла русская колонизация в Пермь и Сибирь. До этого просачивание русского населения в Пермь и Сибирь шло из Поморья с Севера. С этого времени через Пермскую землю от г. Кая по р. Каме до Слыкамска и Чердыни пролегает государева дорога в Сибирь. Недавно колонизованные Заволчье, Придвинье и Вятская земля стали отдавать значительную часть своего населения на колонизационную работу Перми и Сибири, и многие местности Поморья *опустели* из-за отлива населения за камень (Урал).

Размещение населения и прилив его извне в Поморье или на Север Европейской России закончился к XVIII веку. Последующие три века XVIII, XIX и XX силы русского народа идут всецело на сложную, длинную и тяжелую работу колонизации сначала дикого поля за Окою, затем все дальше и дальше на юг и юго-восток, заволжские степи, Башкирии, Киргизии и Зауральских владений. Русский Север, достигший к этому времени в исторической жизни России своего возможного по ходу исторической жизни, расцвета, умаляется в своем значении для русского народного хозяйства и слабо увеличивает свое население за счет скромного естественного своего прироста, обессиливаемого хотя и небольшим, но все же отливом своего скудного населения в другие части нашего отечества.

Профессор Кизеветтер в своей работе «Русский Север», отмечая, что Московская Русь получала от промышленного подъема русского Севера обильные плоды, объясняет это тем, что в XVI и XVII веках север был связан с остальными частями страны *общностью* приемов тогдашней промышленной техники. Но другие историки на-ряду с этим вскрывают и другие исторические причины былого экономического подъема Севера.

Так, по мнению проф. С. Ф. Платонова, русский Север в составе Великорусского государства XVII века стал одною из важнейших экономических областей—по обилию тех естественных богатств, какими наделила его природа, и по тем удобствам хозяйственной жизни, каких не знал Московский центр и государственные окраины.

«В центре и по границам западным и южным народный труд подвергался частой опасности вражеского нашествия. Население пограничных и центральных областей не только было обременено постоянными военными повинностями для защиты страны, но оно стало военным и по самой своей внутренней организации. Необходимость сражаться на три фронта, с «немцами», «литвой» и «татарами», заставила правительство создать значительное

войско, которое было бы всегда готово к действию. Десятки тысяч «детей боярских великого князя» были размещены по границам и в тылу пограничных позиций, в Замосковьи, на государевых землях—«поместьях». Весь запас личных великокняжеских и крестьянских земель, за немногими исключениями, был пущен «в раздачу» служилым людям для их обеспечения, чтобы с этих земель они могли поспевать на государеву службу по первому зову. Земля должна была кормить войско прикрепленным к ней трудом земледельческого крестьянского населения, и всякий «сын боярский» вместе с государевым поместьем получал право на даровой крестьянский труд. Для обороны государства все служили: одни—«своими головами», «копьем и мечом»; другие—обязательным трудом в пользу служащих «головой». Так война и оборона тяготела над всем населением центра и окраин, внедряя в общественную жизнь начало «крепости»—или служебной перед государством или трудовой перед помещиком.

Этого тяжелого условия московской общественности Север не знал, по крайней мере в тех острых формах, какие наблюдаются в центре. Мелкое поместье на севере, в области беломорских рек, вовсе не существовало. Оно не переходило за волоки от волжских притоков нигде, кроме разве окрестностей Вологды и Белого озера. Но и там поместные земли не становились господствующим видом землевладения. Над крестьянским населением не тяготела власть землевладельца. Служилый вотчинник или помещик не был надобен на Севере с его службою, дорого обходившеюся государству. Слишком много стоило бы правительству содержание помещика и его конной дворни в крае, где полевая конница не была пригодна, потому что враг или приходил на ладьях по морю и рекам, как «свейские» и «каянские» немцы, или же держался в лесах и топях, пустоша страну «изгоном», набегами, как делали инородцы на востоке. Крупные же землевладельцы на Севере, монастыри, не разрушали в этих волостях «мирского» устройства. На громадном же большинстве поморских земель их действительным хозяином со всеми чертами собственника был крестьянин, владевший «своими деревнями» «на государевой земле», образовавший своеобразную податную общину в государстве и своеобразный «погост-приход» в церкви. Свободный от всяких частных воздействий и зависимости на черных (государственных) и дворцовых землях, крестьянский «мир» жил и работал с полною самостоятельностью «в государевой вотчине, а в своем поселье». В недрах этого «мира» не все было ладно и приглядно; но главное условие общественного благополучия—свобода труда и почина—там было налицо. Когда во второй половине XVI столетия Московский центр стал жертвою жестокого экономического кризиса, подвергся хозяйственному запустению и обезлюдел вследствие усиленного выселения трудовых масс, Поморье удержалось на прежней степени хозяйственного расцвета. Мало того, именно в эту пору, в середине XVI века, в жизни Поморья произошло крупнейшее событие, послужившее причиною еще большего оживления русского Севера [1]).

Этим крупнейшим событием было появление торговых иноземцев в русских северных гаванях, Печенге, Коле и Двинском устье, и начало морского торга русских с англичанами и голландцами. До середины XVI века русский отпуск за границу шел через Новгород и Псков и «немецкие» гавани Балтийского моря. В 1581 году была потеряна Нарва, а через

[1]) См. стр. 65—67 настоящих очерков.

ЧІТАЛЬНА
Обл. Центр. Бібліотекалбн
— Сыктывкар — 2

два года Москва потеряла и все Финское побережье. Вся западная граница государства была заперта для русских купцов, и торговое общение с Балтикой стало под недружелюбный контроль враждебных соседей. Вот почему появление на севере торговых судов, голландских и датских в Печенге и Коле и английских в устьях С. Двины, было для Москвы очень важно.

С 60-х годов XVI века торг на севере достиг большого оживления. Русские промышленники ходили в норвежские гавани; так, в Вардегусе побывал Печенгский игумен Трифон с монахами его монастыря для торга рыбой, рыбьим жиром и другими товарами. В Печенгу и Колу в свою очередь приходили норвежцы, датчане и всего чаще голландцы.

Проникая внутрь страны, иноземцы крепко обосновались на московской почве и создали на русском севере оживленное торговое движение. В отношении заграничного торга Русь, если можно так выразиться, обратилась в XVI веке лицом к северу, к «божьей дороге» великому морю-океану. Отторгнутая от балтийских берегов, она радовалась, что ее северные берега свободны: «и которую дорогу Бог устроил, великое море-океан, и тое дорогу как можно затворити», говорили русские люди [1]).

Сосредоточение внешней торговли в Архангельском порту повело за собою важные последствия для всего севера. Пути из Московского центра, ведшие на север, стали быстро оживляться. Среди них сразу же стал важнейшим путь от Москвы на Холмогоры и на Двинское устье ко вновь основанному (1584 г.) городу Архангельску.

Он шел через Ярославль, Вологду, Устюг, и в этих пунктах к нему примыкали боковые пути с разных сторон. Около Устюга сходились дороги с востока—с Вычегды и юга—соединявшие с магистралью Вятку, Пермь и Урал. Став в узле двух особенно оживленных в исходе XVI века путей, связывавших Москву с ее единственным портом и с новой провинцией Сибирью, Устюг быстро вырос до первенствующего значения в крае и в начале XVII века стал даже больше Холмогор, уступая только Вологде и внешними размерами и торговым значением.

Положение же Вологды стало исключительно важным. Она явилась посредницей между Поморьем и центральными московскими волостями, как бы воротами в Поморье. Вологда оказалась распределительным пунктом, откуда начинался речной путь, «судовый ход», к Архангельску для всех товаров, подходивших туда сухопутьем. Здесь товар должен был перегружаться с телег и саней на суда, или обратно, и выжидать полой воды или же зимнего пути. Весь средне-русский отпуск в Архангельский порт сосредоточивался весною в Вологде и перед погрузкою на суда подвергался таможенному досмотру. Иноземцы, главным образом англичане, сами являлись в Вологду для закупки товаров по более сходной цене, стараясь миновать лишних посредников, и сами же везли с моря товары по Двине и Сухоне до Вологды, устроив здесь для них склады. Вологда заняла одно из самых видных мест во всем Московском государстве, как по своему торговому значению, так и по количеству жителей. Зимой, по английским известиям, товары от Москвы до Архангельска на громадном расстоянии доставлялись в 14 дней. Оборот Архангельской ярмарки доходил до 3 миллионов рублей. Чтобы уяснить размеры этого оборота, нужно вспомнить, что цена денег того времени была много выше стоимости денег предреволюционного времени. В начале XVI века один рубль стоил приблизительно около 100 рублей

[1]) С. Ф. Платонов. Очерки низовской колонизации Севера. Стр. 67.

на наши современные, обращавшиеся до последней войны, *золотые* деньги [1]). К тому же население всего Российского государства к началу XVII века не превышало 12 миллионов человек, и весь государственный доход в 1724 г. был исчислен в 8 миллионов рублей. Сопоставляя эти цифры с размерами ярмарочного оборота Архангельска, нельзя не признать их весьма крупными по тому времени.

Так русский Север «на глазах историка, при свете летописных и документальных данных, превращается из полудикой пустынной области в арену оседлой промышленной культуры» [2]).

Торговое оживление Севера, созданное архангельскою торговлею, стало упадать при Петре Великом. Основание Петербурга в устьях Невы и завоевание других Балтийских гаваней создавало для русской торговли новые условия: оно давало возможность более удобного общения с европейскими рынками. Петр Великий не стал ждать, пока сами купцы, иностранные и русские, предпочтут Балтийские гавани Архангельску, и принял ряд мер к ограничению Беломорского торга. В 1718 г. последовал указ, воспрещавший торговлю в Архангельске хлебом, парчею и шелковою материей. Допускался вывоз только пеньки. Таким образом громадное большинство всех товаров должно было итти через Петербургский порт. В 1721 году запрещен был вывоз и пеньки. К Архангельскому порту могли итти товары только из областей, которые прилегали к системе Сев. Двины без переволоков землею. Результаты таких мероприятий скоро сказались: в 1724 и 1725 годах пришло кораблей к Петербургу 240 и 242, к Риге 303 и 386, к Нарве 115 и 170 и Архангельску только 22 и 12. Так Петр ускорил естественный процесс перегруппировки торгового оборота: Балтийское побережье перетянуло к себе товары с Поморья и торговая Россия, смотревшая в XVII веке на север, повернулась теперь лицом на запад. Северные пути обезлюдели, города на них стали глохнуть, и «золотой век» русского севера миновал. Север понемногу превратился в глухую заброшенную окраину, захолустный крестьянский и инородческий край. К такому тупику влекли Север и другие внутренние процессы местной жизни.

Историк северно-русского земства профессор М. М. Богословский [3]) яркими чертами вскрывает причины упадка земства на севере и приписывает его действию различных причин. Во-первых, податная система, *действовавшая в XVII веке*, разборяла население как тягостью податного бремени, так и способом взимания податей. «Москва в это время становится настоящим военным станом, главным штабом армии», отмечает Н. Н. Милюков, «которая опирается на северную—единственно тогда колонизованную половину России, с тем, чтобы вести завоевание и колонизацию южной половины». Из 8 миллионов бюджета государства 5 миллионов приходится на подушную подать, большая доля которой падает на черносошный Север. Север оказался таким образом тем сундуком, из которого брались средства на колонизацию южной половины государства. Во-вторых, социальная борьба *внутри северных* земств разлагала их внутреннее единство и порождала острую вражду между различными слоями местного населения. То и другое вело к расстройству самоуправления, терявшего прежнюю жизненность

[1]) Н. А. Рожков. Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI века. Ист. Журн. «Дела и дни», стр. 60.

[2]) Кизеветтер. Русский Север.

[3]) М. М. Богословский. «Земское самоуправление на Русском севере в XVII веке». Т. II, стр. 287—311.

и мало-по-малу уступавшего власть и влияние органам бюрократии, а расстройство самоуправления вызвало усиленный выход из общин трудового населения, искавшего новых мест и лучших условий для своего труда. В результате «*задавленные тяглами*», лишенные *свободы*, как необходимой основы самоуправления, истерзанные внутренним *разладом* и борьбой, пустующие и хиреющие северные земства оказались беспомощны и бессильны».

Со времени вступления Поморья под Московскую власть вся земля, занятая крестьянским населением, почиталась «*государевою*». Однако, как уже замечено было выше, живя «в государевой вотчине, а в своем поселье», крестьяне были действительными хозяевами своей земли. Они почитали себя и на самом деле были собственниками своих деревень; в общем *владении* «*складников*»—хозяев были земли и угодья, эксплоатируемые ими сообща, товариществами; наконец, в общинном пользовании находились те земли и угодья, которыми крестьянские волости-общины владели нераздельно в целом своем составе. Крестьяне свободно распоряжались своими собственными деревнями, дворами и долями в складничествах; они их завещали, продавали и дарили, не испрашивая согласия или дозволения у власти. Но власть со своей стороны никогда не признавала поморских крестьян собственниками «черной» (т.-е. государственной) земли. Она допускала существование у крестьян земельного оборота и пресекала лишь те сделки на землю, которые передавали тяглые (податные) участки в руки «беломестцев» (не податных владельцев). Но власть понимала все занятые крестьянами земли не иначе, как наделы *казенной* земли, а в незанятых землях, «казенный земельный запас, раздаваемый из казны за оброк как волостям, так и отдельным лицам». Право пользования казенною землею обусловливалось обязанностью нести «тягло», т.-е. всю ту сумму казенных платежей и повинностей, которая в XVII веке, после великой *московской* смуты, достигла громадного размера и составила непосильное для большинства плательщиков бремя». «В XVII веке казенное тягло (говорит М. М. Богословский) задало местным обществам непомерную работу: всецело *поглотив* все внимание этих обществ, оно не только отодвигало на второй план все местные интересы, но совершенно их душило и потому убивало в обществе всю необходимую для самоуправления энергию». Обязанности по распределению и взиманию податей поглощали все силы выборных местных властей, и местное самоуправление постепенно обращалось в фискальное орудие правительства, действовавшее под руководством приказной администрации. Податное бремя должно было распределять, по мирской раскладке, сообразно налогоспособности каждого отдельного податного хозяйства, но непомерная его тяжесть вела к тому, что все ловкие и влиятельные члены общин стремились или «избыть тягла», *переложив* его на других, или же выйти из общины и действовать мимо нее и часто против нее. В общинах произошло расслоение их состава на простую демократическую массу, самый «мир», и на плутократические элементы—«миропродавцев»,—кулаков и ростовщиков, главною целью которых была скупка крестьянских земель и выход из-под ферулы общины на простор личной предприимчивости и «мироедства». В результате этой скупки земель было обезземеление значительной части крестьянства и обращение ее в «половников», т.-е. в крепостных людей своего же брата мужика. Спокойная и согласная жизнь самоуправляющихся общин прекратилась в XVII веке: она заменилась борьбою или глухою сварою «мира» с угнетающими его кулаками и даже с собственными «выборными старостами» и «судьями», которые при новых условиях непосильного тягла были вынуждены

работать на государство и казну несравненно более, чем на пользу своих избирателей. Внутренние нестроения в крестьянских «мирах» естественно приводили к вмешательству администрации в жизнь общин и к торжеству того воззрения, что вся вообще находившаяся в руках крестьян земля составляет не крестьянскую, а казенную собственность. Уже в XVII веке появляются правительственные распоряжения, направленные к стеснению и прекращению сделок на землю в крестьянском Поморье. В 1649 г. была запрещена продажа и залог крестьянских земель в Заонежских погостах; в 1651 г., 1663 г. и дальнейших годах следовали такого же рода распоряжения, направленные к удержанию черных земель на севере в тяглых крестьянских руках. В межевой инструкции 1754 г. ясно проведено требование вернуть в руки черносошных крестьян все земли, отошедшие от них к лицам, не положенным в подушный оклад. Межевая инструкция 1766 г. уже твердо стала на требования пресечь всякое отчуждение земель в «государственных черносошных волостях» и возвратить «к государственным землям» те земли, которые «под видом собственных своих» крестьяне успели заложить или продать на сторону. Эта инструкция выводила при черносошных волостях всех посторонних крестьянству владельцев и прекращала продажу и заклад земель не только посторонним лицам, но и между крестьянами одной и той же волости. К началу XIX века новый порядок крестьянского землевладения и новый характер крестьянской поземельной общины на севере обозначались уже вполне. Древние формы крестьянского землевладения отошли в область преданий, а вместе с ними стало преданием и древнее крестьянское самоуправленце севера: «прежние широкие всеуездные организации разрушились (говорит М. М. Богословский), и волостные земские миры обратились в чисто сословные волостные самоуправления государственных крестьян».

Забытый в течение трех веков обширный край—русский север, щедро снабжавший в свое время Московское государство, и до ныне сохраняет в общих чертах ту картину размещения населения, какая здесь сложилась под влиянием изложенных историко-экономических факторов к XVII веку. Та заселенность оазисами, то сосредоточие населения по берегам рек, былым колонизационным путям, и бесконечные, трудно проходимые лесные пространства, то безлюдье, которое бурого медведя делает до сих пор хозяином лесов—не изменилось за все три века.

Одни районы, как, например, Черемисская сторона, обойденная колонизацией XVI и XVII веков с севера, оставались пустовать до XX в. в силу того, что в то время как явилась возможность ее колонизации, народные силы в течение трех веков были заняты колонизацией южной половины нашей страны. Как только исчезла опасность татарских набегов, население центральной России бросилось на богатую почву юга и поспешило не только нагнать, но даже перегнать населенность центрального суглинка. Когда же к концу XIX века перенаселенность черноземных губерний стала такова, что они оказались на первом месте по выходу из них переселенцев, переселенцы отсюда волнами пошли в Сибирь, где сосредоточились все силы государственного аппарата по подготовке земель к переселению. А север, и в том числе Черемисская сторона были вне внимания в этом отношении государственной власти. Район этот в то же время не мог явиться в значительном размере и объектом вольной народной колонизации. Автор историко-этнографического очерка «Черемисы», профессор Смирнов, слабую народную колонизацию в XIX веке луговой Черемисской полосы объясняет тем,

что на юге от нее, на правом берегу Волги, население (притом больше инородческое) имеет в своем распоряжении достаточное количество черных земель, с востока—из Казанского и Мамадышского уездов избыток населения охотнее пробирался за Каму в Уфимскую губернию, с запада—из-за реки Ветлуги редкое русское население не имеет еще пока поводов переселяться, а с севера—от Вятских колонистов этот край прикрывает толстая стена лесов. При этом, если принять в соображение и то, что к XIX веку все водораздельное пространство между Унжею и Ветлугою и к востоку от Ветлуги до рек Кокшаги и Илети оказалось в обладании уделов и частных крупных владельцев, некоторые владения которых достигали 200 тысяч десятин, то станет совершенно ясным, что историко-социологические факторы не могли представить сколько-нибудь благоприятных условий и для развития здесь и вольной народной колонизации.

Вот те исторические причины, которые объясняют то явление, что на картах сравнительной заселенности 1724, 1858 и 1897 г.г. Черемисская сторона, т.-е. район к западу и востоку от реки Ветлуги, обозначается белым пятном.

Другие районы севера, как, например, район реки Чагодощи с примыкающим к нему северо-восточным углом Боровичского уезда Новгородской губернии и Тихвинским уездом, мало освоены земледельческим населением в силу того, что местность эта исторически оказалась пространством, разделяющим пути направления Новгородской и Московской колонизации Севера. На ряду с этим в Новгородской области уже в XVI веке процесс отлива населения сопровождался сильным упадком земледельческой техники. Писцовые книги 80-х годов XVI века свидетельствуют, что в области Новгорода перелог в 16—20 раз превосходил пашню. Те же писцовые книги обнаруживают, что к XVII веку от 70 до 97% всей территории Новгородских пятин составляли поместья. Упадок же техники сельского хозяйства в поместьях оказался еще резче, чем на черносошных землях, а потому запустение этой области сказалось очень сильно. Таким образом, кризис и запустение Новгородской области являлись следствием господства здесь служилого поместья. В писцовых книгах имеются прямые указания на то, что помещики и «запустошили» и разорили свои поместья. К XIX же веку здесь сложились ходом государственной жизни такие условия, что громадные лесные пространства оказались в частном обладании. А хищническая лесная эксплоатация частновладельческих лесов повлекла за собой отвлечение сельского населения от земледельческого промысла и превратила этот район в заболоченные пространства. Из общей площади одного Тихвинского уезда в 1.500.000 дес.—1.200.000 дес. (т.-е. около $^5/_6$ края) оказалось в обладании частных владельцев, около 100.000 дес. принадлежало казне и только 200.000 дес. числились в обладании земледельческого крестьянского населения. Между тем край, при принятии колонизационных мероприятий, какие имели место в дореволюционное время в Сибири, будучи расположен вблизи (180 верст) мирового порта Петрограда—мог бы дать большие народнохозяйственные результаты. Климат и почва этого края ничуть не хуже климата и почвы заболоченного Каинского уезда Томской губернии. А Каинский уезд, вовлеченный в хозяйственный оборот страны мелиоративными и колонизационными мероприятиями, связанными с сооружением Сибирской дороги, является ныне одним из первых уездов Сибири по вывозу сливочного масла. Не худших результатов можно было достигнуть и в Тихвинском уезде, если бы одновременно с сооружением Северной железной

дороги было приступлено к мероприятиям мелиоративно-колонизационного характера, как то имело место в Каинском уезде Томской губернии.

Зырянский край с его царством нетронутых земель и лесов, замкнутый рекой Вычегдой, верховьями реки Камы, железной дорогой Пермь—Котлас и заселенной полосой Вятской губернии, не дался в руки человеку по основаниям формальной неустроенности в поземельном отношении ничтожного в своей численности старожилого населения.

Неустроенность в поземельном отношении роковым образом отразилась на колонизации и всего русского Севера. Там, где на Севере производился в XIX столетии отвод земель в надел местному населению, он был произведен как общее правило механически, без соображений о хозяйственной пригодности. Земли отводились по составу угодий крайне односторонне, обычно вытягивались десятками верст вдоль рек. По составу угодий, обращение в культурные земли становилось частью, в виду односторонности этих земель, или невозможным или крайне трудным. В Архангельской же губернии и в северо-восточной части Вологодской землепользование ограничивалось до самого последнего времени планами генерального межевания конца XVIII века. Это же межевание производилось без каких-либо надельных норм, что и повело к крайне неравномерному распределению земли. При таких условиях поземельного устройства на севере и произошло обесценение междуречных пространств. Практика же администрации по отношению запросов земельных нужд населения к казенным дачам носила противоречащий самой себе характер. Разделка земель под сельскохозяйственные угодья из-под леса в черте казенных дач и дач генерального межевания то поощрялась, то запрещалась, то становилась в зависимость каждый раз от изменчивых взглядов центральных властей и местных лесных администраторов, крайне узко понимавших свои задачи. В конце-концов, хаотичность в этой области правил и настойчивые преследования лесной администрацией «подсек» и «расчисток» в лесах повели почти к совершенному прекращению их в лесах Севера, и население, тем самым, поставлено было перед необходимостью прекратить естественную колонизацию края и свое распространение по северным дебрям. А запрещение «чищоб» под сенокосы повело к тому, что не стало хватать удобрения, без чего посевы на севере немыслимы, и размеры хлебопашества пошли на убыль.

Так, не столько леса Севера, сколько сам человек в пренебрежении и узком понимании широких государственных задач поставил предел даже скромному проникновению местной людской энергии туда, где запросы на нее давно предъявляются.

Распространенное мнение, что *исключительно* природные условия северных водораздельных пространств, покрытых моховыми и сфагновыми болотами, прижали население Севера к узким речным долинам и породили неудачное в хозяйственном отношении землепользование, не подтверждается данными исследованиями. Так, исследования северных колонизационных Экспедиций в пределах Тотемского уезда, водораздельных пространств Сухоны и Унжи, Сухоны и Ваги, обнаружили, что на водоразделах залегают почвы, которые наиболее пригодны и для земледелия и для сенокошения. И на этих водоразделах сельское хозяйство у местного населения имеет гораздо более видное значение, чем в долине реки Сухоны.

Пригодность Севера вообще в *положительном* смысле для сельскохозяйственной колонизации всесторонне освещена на основании длинного ряда материалов и мнений авторитетных местных работников. Профессором

А. А. Кауфманом в «Материалах и соображениях по вопросу о колонизации свободных земель северо-восточных губерний» эти материалы и данные собраны достаточно полно. Об этом здесь нет надобности распространяться.

Небезынтересно будет привести только те опыты и наблюдения над условиями сельскохозяйственной жизни различных районов Севера, относящихся к концу минувшего века и началу нынешнего, для сопоставления их с изучениями прошлого.

По свидетельству С. А. Приклонского, обширные Олонецкие сенокосы явились в недавнее время на местах, где в прошлом столетии расстилались никуда негодные болота. Начиная с 1912 г., крестьяне принялись за осушку болот. Многие селения соединились в одну рабочую общину и дружно ополчились против болот. Так, 33 селения, лежащие в Туксинской даче, соединились вместе для осушки болота, два года рыли канавы, потом два года выжигали болота и, наконец, засеяли горелое место хлебом. Посев дал почти баснословный урожай—сам-25.

Возьмем другой район—в восточной части нашего севера: Межевский переселенческий подрайон Вологодской губернии, вблизи Пермь-Котласской железной дороги. Здесь, «когда в 1911 г. я лично ознакомился с условиями развития переселенческого дела,—пишет С. Нат [1]),—мне приходилось встречать цветущие поселки, все старшие жители которых страдали грыжами поголовно от надрывной работы и расчистки лесов под пашни. Все виденное мною довольство, вся зажиточность: богатые поля пшеницы, прекрасные сельскохозяйственные постройки и сильный живой инвентарь—все это бьющее в глаза благосостояние не могло успокоить того чувства справедливой досады, какое возникло при воспоминании другой стороны медали,—что все это благосостояние добыто тяжелым надрывным трудом, доведшим до тяжелой болезни и сведшим раньше времени многих из этих тружеников в могилу». Приведенное положительно-отрицательное показание исследователя свидетельствует о культурной восприимчивости в сельско-хозяйственном отношении упомянутого района нашего севера и указывает на необходимость, в целях облегчения труда и сохранения жизни будущих колонизаторов Севера, взять государству на себя заботу широкому содействию колонизаторам при превращении диких лесов в сельскохозяйственные угодья.

Ученый лесовод А. А. Битрих в докладе в Географическом Обществе 9 июля 1919 г. утверждает, что оживить и поднять сельское хозяйство в Сысольском и Вычегодском крае и превратить эти местности из потребляющих в производящие может только приток колонистов. Для такой радикально-экономической эволюции, по его свидетельству, налицо все данные. Достаточно указать на тот факт, что еще в недалеком прошлом, а именно до периода больших лесозаготовительных операций архангельскими заводчиками, Сысольский край считался житницей восточной части Вологодской губернии. В 50-х годах прошлого столетия он производил столько хлеба, что хлеб отсюда являлся предметом вывоза в Архангельск. До сих пор плодородные суглинки Корчемской и Усть-Куломской волостей вполне обеспечивают хлебом все свое население. Даже и на Печоре и в далекой Удоре вполне возможно земледелие, что видно из обеспеченности хлебом Чернутьевской волости на реке Мезени под 63° северной широты.

---

[1]) С. Нат. «Леса и земельный фонд». Доклад съезду Союза Лесоводов 29 сентября 1917 г.

Обширные луга и пожни Северного края, конечно, нуждаются в соответственных мелиорациях, и одни лишь дары природы в этой области, как бы они ни были щедры, еще не в состоянии обеспечить кормом те сотни тысяч голов скота, которые должны обогатить наш Север при необходимой рациональной постановке этой важной отрасли народного хозяйства. Неиспользуемые луга вдоль течения Вычегды могут дать широкий простор развитию промышленного скотоводства и маслоделия. «Ныне Сольвычегодский уезд с селом Черевковым снабжает Вологодскую губернию мясом», говорит В. Трапезников в своей статье «Очередные задачи экономической политики на Севере», а «промышленного маслоделия здесь нет, и капризное течение рек заносит песком и илом большие пространства превосходных лугов. Трудно охватить глазом необъятный простор лугов по реке Сысоле и Вычегде». Но маслоделие, дающее в Вологодской губернии до полумиллиона пудов масла ежегодно, обосновалось не здесь, за отсутствием людей и путей сообщения, а в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах, где заливные луга составляют только от 4 до 7% покосной площади и где они дают 80—100 пуд. сена с десятины в сравнении с 120—250 пуд. урожайности Вычегодских и Сысольских лугов.

Население даже самой северной губернии Северного края—Архангельской, по данным новейших исследователей, главное свое достояние черпает из сельскохозяйственного промысла. Агроном И. Тулубьев, изучавший быт населения губернии, не по волостным полицейским источникам, а на основании личного обследования сельскохозяйственной действительности губернии и работ отдельных исследователей, доказательно утверждает, что будущее ее лежит в земледельческом, а не ином промысле [1]). Наличность акклиматизированных местных сортов хлебных злаков: ячменя, ржи и овса, а также поразительные результаты, достигнутые в огородном хозяйстве пригородных волостей, заставляет оптимистически смотреть на возможное будущее земледельческое хозяйство губернии. Данные о высеве и сборе урожая и сена в период с 1895 и 1906 г. указывают на постепенное увеличение запашек и луговых площадей и на сокращение их за счет развивающейся лесной промышленности. За указанный период посевы увеличились на 16 тысяч четвертей и сбор урожая на 78 тысяч четвертей. Общий сбор сена в 1895 г. составил 12 миллионов пудов, а в 1906 г.—15 миллионов пудов. Количество рогатого скота за это время увеличилось на 13%, а лошадей на 20%. Для большинства крестьянского населения губернии сельское хозяйство является главным источником, дающим ему средства к жизни, составляя до $^2/_3$ годового бюджета семьи.

Какой же вывод можно сделать из синтеза поучительного давнего прошлого нашего Севера и его сравнительно недавнего состояния?

Вывод этот тот, что прошлое Севера, в связи с явлениями позднейшего времени, дает нам твердые основания на пустынные леса Севера и суровую природу края взирать глазами не отчаяния, а широких колонизационных надежд. Прошлое Севера содержит в себе ключ понимания его настоящего и тем облегчает выработку основ творческой колонизационной работы в будущем. Для того, чтобы в необъятные пустыни лесов мог вливаться поток новой освежающей жизни, необходимо жизненно разрешить сложные вопросы местного землепользования и действительные земельные нужды

---

[1]) Тулубьев. «Об особенном значении мелиоративного кредита в деле развития земледельческого промысла в Архангельской губернии».

местного населения. Без полного уяснения последних не представляется возможным и правильное выявление колонизационного фонда, т.-е. той именно операции, которая должна быть положена в основу здоровой и правильно понятой колонизационной политики на Севере. И здесь вскрытие исторических путей колонизации и влияние на нее своеобразных исторических факторов ясно свидетельствует, что для того, чтобы на нашем Севере забила творческая работа, которая бы на благо всей России мобилизовала естественные богатства края, нужно поставить, как правильно выразился профессор Кизеветтер, этот край в надлежащие условия технического оборудования. И прежде всего, конечно, необходим согласованный с запросами народного хозяйства план мелиоративного, железнодорожного и водного строительства, согласованнаго с планом колонизации. Синтез прошлого с явлениями нового времени и запросами к лесным богатствам Севера внутреннего и мирового рынка, устанавливает то исходное положение, что колонизация для Севера тот рычаг, который, будучи правильно поставлен, повернет Север на тот путь былой здоровой жизни, идя по которому в свое время Московская Русь получила от промышленного подъема Севера обильные плоды. И наш Север тогда, с его огромными площадями и природными рессурсами явится тем источником, от которого поступят новые силы в обескровленный организм России. Порукой тому будет историческое прошлое.

II.

Новгородская колонизация Севера [1]).

Первоначальное заселение русского Севера славянским племенем пошло из Великого Новгорода. Историческая наука не располагает точными данными о том, когда и как началось это заселение. Но общее знакомство с историей хозяйственной жизни Новгорода позволяет восстановить общую обстановку, в какой совершалось освоение новгородцами громадных пространств по берегам «Студеного» моря и впадающих в него рек. В пору окончательного образования Новгородского государства, в XIII веке, когда сложились основы политической самостоятельности Новгорода, территория «господина Великого Новгорода» уже не удовлетворяла всем потребностям его населения. Земля Новгородская, за малыми исключениями, была «неродима»: она давала скудные урожаи, а часто и вовсе их не давала, если морозом побивало жито. Новгородцам необходимо было пахать землю только потому, что они не могли рассчитывать на правильный подвоз хлеба с русского юга и востока. Если бы такой подвоз был обеспечен, силы новгородцев целиком были бы направлены на иные виды труда. Но пока восточные и южные князья имели возможность «засечь пути» к Новгороду и «не пустить в город ни воза», до тех пор новгородцам приходилось держаться за соху и «страдать» на пашне при самых неблагоприятных климатических и почвенных условиях. Тем не менее земледелие для новгородцев было все-таки только подспорьем, а главные их усилия были направлены на иную добычу. «Природных богатств в такой стране (говорит А. И. Никитский, лучший знаток Новгородской истории) нужно ожидать не от почвы, а от массы лесов и вод, покрывающих ее в полном изобилии [2]).

---

[1]) Стр. 26—32 принадлежат С. Ф. Платонову, а стр. 32—37 А. И. Андрееву.

[2]) А. И. Никитский. История экономического быта В. Новгорода М. 1893, стр. 5.

«Действительно, лесные и рыбные промыслы были развиты сравнительно сильно и давали новгородцам не только кров, пищу и одежду, но и дорогие товары, питавшие новгородские рынки и поднявшие новгородскую торговлю до значительного напряжения. Только эти товары новгородцам приходилось добывать не в коренных своих областях. Там, в пределах Новгородских пятин, составлявших государственную землю В. Новгорода, богатства вод и лесов оскудели, повидимому, довольно рано, и все рассказы новгородцев о сказочном обилии их страны относились уже не к пятинам, а к окрайным Новгородским «землям», освоенным новгородскою колонизациею вне их государства. Это на Северной Двине, на берегах Белого моря, на далекой Печоре и в Приуральской Югре, водились в изобилии редчайшие звери, птицы и рыбы и даже из туч будто бы падали новорожденные векши и «оленци-мали» и, подросши, расходились по земле [1]). Таких чудес новгородцы дома у себя не видали уже в XII и XIII веках; напротив, терпя нужду на своей «неродимой» земле, они уже тогда тянулись за богатством на далекий Север и Северо-Восток. В этой тяге на Север, суровый и холодный, но обильный и суливший счастливую добычу, нашла свой исход энергия новгородцев, утесненных столь же суровыми условиями быта на их родине. С великими усилиями проложили они несколько путей на Северную Двину и Белое море. Выходя р. Свирью на оз. Онего, они шли по озеру на север вдоль обоих берегов, западного и восточного: у них был налажен «судовой ход Онегом озером на обе стороны по погостам», и в прибрежных погостах расположено шесть рынков—«рядков». С восточного берега озера новгородцы двигались далее на восток и северо-восток, пользуясь главным образом речками и озерами, так как «тележных дорог» не было и ехать было возможно только «с нужею: зашли мхи и озера и перевозы через озера многие». Один путь на восток, на р. Онегу, шел от озера рекою Водлою (Водла, ее приток р. Черева, оз. Волошево или Волоцкое, р. Поча, Кенозеро и р. Кена). Этим путем выходили на р. Онегу пониже Каргополя и по Онеге направлялись к морю, или же от пристани Маркомус переходили на верховья р. Емцы и по ней добирались до Сев. Двины. Другой путь на восток направлялся от нижнего течения р. Вытегры к оз. Лаче какими-то не совсем для нас ясными волоками и выходил к г. Каргополю, откуда открывались уже торные пути на Северную Двину и к морю. От северной оконечности Онежского озера, от нынешнего Повенца, через Маткозеро, шли пути в Заонежские погосты на реки Выг, Суму и Нюхчу прямо к берегам Онежской губы. Наконец, от старинного Новгородского городка Корелы (Кексгольм), при Приладожье, был путь в «Лопские погосты», в «дикую лопь», т.-е. в северо-западный угол Олонецкой губернии, а оттуда на Корельский берег Белого моря. Так разными путями Новгородцы добрались до заветных мест Белого моря, где надеялись найти желанную добычу—рыбу, морского зверя, соль и меха.

Почин и руководство в колонизационном движении Новгорода на Север принадлежали верхним слоям новгородского общества—боярству и житым людям. Чтобы ясно представить себе эту роль новгородской знати, надобно вспомнить, как вообще сложился кругооборот новгородской торговли. Новгород для своего торга ничего, или почти ничего, не добывал и не производил на собственной почве. Он был только торговым посредником между своими соседями, извлекая для себя пользу из самого посредни-

[1]) Ипатьевск. лет. под 6622 годом.

чества. Если представить дело в простейшем его виде, то можно сказать, что новгородцы добытый ими на Севере, в Поморье, товар предлагали «заморским» немцам, а товар, полученный в обмен, от немцев, отправляли на русский юг и юго-восток и за него получали с юга и с юга-востока воск и хлеб. Самый Новгород при этом играл роль главнейшего рыночного пункта, на котором сходились товары поморские, немецкие и русские и на котором совершались все важнейшие сделки. Доставка товаров с далекого севера, да и самая добыча их на севере требовали больших средств и твердой организации. Обороты с иноземными покупателями, хорошо организованными в свою очередь, нуждались в точном определении взаимных отношений между новгородским и немецким купечеством. Мелкому промышленнику и торговцу было бы не по силам вести в одиночку добычу, доставку и продажу малых партий товара в условиях того времени, когда приходилось вооруженною рукою удерживать за собою место промысла и пути сообщения на инородческом севере, когда были надобны громадные усилия для возки товаров по болотистым волокам и порожистым рекам, когда на самом новгородском рынке русский купец встречал ловких и хитрых контрагентов, покупателей и продавцов, «немцев», крепко хранивших свой интерес и соединенных тесною взаимною связью. В таких условиях только экономически сильные и политически влиятельные люди могли предпринимать поездки из Новгорода на Север, в Поморье, и могли основывать там промышленные поселки. Скупой на подробности Новгородский летописец и древнейшие Соловецкие и Двинские грамоты дают немногие, но очень вразумительные указания на первых новгородских насельников Поморья и Подвинья.

Это все «именитые» новгородские люди—посадники, бояре и прочая новгородская знать. Об этих людях В. О. Ключевский в своем очерке «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» говорит, «что около половины XV века многие имели там *отчины*, у некоторых были уже *отчины* и *дедины*». Стало быть, в XV столетии там сидело уже третье поколение новгородских заимщиков. Иные являлись за добычей в виде простых насильников. Так, в 1342 г. новгородский боярин Лука Валфромеев, «не послушав Новграда», собрал дружину, «скопив с собою холопов сбоев (удальцев) и поеха за волок на Двину и постави городок Орлиц» (ныне Орлицы, верстах в 30 от Холмогор). Оттуда, из своего городка, начал он войну по Двине и взял было «все погосты на щит». Но местные люди встали на насильника, и он погиб от их рук. Об этом узнали новгородцы, и началась из-за Луки смута в самом Новгороде, где нашлись сторонники и почитатели убитого боярина. Приключения Луки имели в своей основе грубое желание завладеть уже заселенным краем в личную собственность смелого предпринимателя с целью торгово-промышленного использования местных богатств. Грубое насилие вызвало отпор и повело к смуте. Иначе обходилось дело в тех случаях, когда энергия новгородцев направлялась на дикие, никем не занятые пространства, еще ожидавшие людского труда. Боярские «холопы сбои», мирно снаряженные своим господином—боярином, выходили на морской берег по одному из указанных выше путей и в своих ладьях («ушкуях») шли вдоль берега, заходя в попутные бухты и устья морских рек. Везде, где можно было устроить становище, они занимали места на имя своего боярина и немедля устраивали промысел. Так возникали соляные варницы, рыболовческие поселки, ловчие станы, а за ними появились и «страдомые деревни» или

«орамые земли»—в тех местах, где возможно бывало занятие земледелием. По общим свойствам края, и промысел и пашня могли возникнуть не всюду, а только там, где природа давала к тому счастливое сочетание необходимых условий. Поэтому промышленные и земледельческие поселки «сидели в розни», отделялись друг от друга дикими пространствами болот и леса. «Большая часть Новгородских вотчин в Поморье (говорит В. О. Ключевский) даже у мелких собственников не представляла сколько-нибудь округленных земельных владений, сосредоточенных в одной местности, а состояла из многих раздробленных, мелких участков, рассеянных по прибрежным островам, по морскому берегу и по *рекам морским*, как выражаются грамоты, часто на огромном расстоянии друг от друга» [1]). При неизбежной в таком порядке займок чересполосице выходило, однако, так, что сильные бояре-колонисты, заняв для себя десятки мест в одной какой-либо области Поморья, закрепляли за собою всю эту область, втягивая своих мелких соседей в круг своего влияния. Так, знаменитые Борецкие, овладев промысловыми и пашенными угодьями на Летнем и Поморском берегах Белого моря, оказались господами в этих областях. Когда же падение самостоятельности Новгорода сломило силу этого боярского рода, его вотчины и дедины перешли постепенно в обладание Соловецкого монастыря, и монастырь стал главным землевладельцем и хозяином на южном и западном берегах Белого моря.

За первыми насельниками Поморья, новгородскими боярами, по проторенным ими путям, шли на Север и более «обычные люди»—простые промышленники и пахари из мирских людей и не менее простые поселенцы из числа иночествующей братии. Этот мелкий люд селился в Поморье среди бывших там искони туземцев—лопи и корел и, повидимому, не враждовал с ними за землю, которой хватало всем. Иноки и миряне одинаково легко осваивали занятые места в полную собственность, иногда лишь вступая в пререкания за эту собственность со своими земляками—боярскими людьми. Так, основатели Соловецкого монастыря выдержали борьбу с «боярскими рабами», которые приплывали к их острову и гнали иноков прочь, говоря, что «остров по отечеству наследие наших бояр». Иноки отстоялись на занятом месте и потом закрепили его за собою формально, получив на свой архипелаг жалованную грамоту господина Великого Новгорода.

В таких чертах рисуется первоначальное заселение ближайших к Новгороду областей Поморья и Двинской земли. Главный мотив колонизационного движения—поиски товаров для новгородского рынка; вожаки движения—новгородские бояре, распорядители новгородского рынка; господствующий вид русского поселка на Севере—промышленная займка, стан охотников или рыболовов; преобладающий тип поселенцев—боярские люди, «холопи-сбои», работающие на своих господ-бояр. Им принадлежало первенство в освоении Поморья. За ними уже шли другие поселенцы—монах и крестьянин, садившиеся на малые участки и работавшие на себя, совсем в одиночку или же малыми «дружинами» в 2—3 «друга», в 10—12 «другов». Из этих-то «дружин» и слагалось мало-по-малу, веками, то свободное население Поморья, которое в последующее время образовало в крае демократическую основу русского населения—крестьянского в «погостах» или «волостях» и иноческого в монастырях. Свое привычное земское устройство русские насельники прививали и туземцам, когда кре-

[1]) В. О. Ключевский. Опыты и исследования, стр. 6.

стили «дикую лопь» или «корельских детей» в православную веру. Корел и лопарь, принимая христианство, вместе с новой верой и русским именем принимали и весь облик русского человека, «крестьянина», складывались в погосты вокруг церкви или часовни и начинали жить русским обычаем в такой мере, что по старым грамотам нет возможности отличить коренного новгородца от инородца-новокрещена. Чем южнее и теплее места и хлебороднее почва, тем сильнее и заметнее в Поморье этот мелкий демократический, «крестьянский» элемент населения и тем меньше развит элемент боярского, капиталистического, если можно так выразиться, освоения края. Если боярский захват особенно характерен для областей по южному и западному побережью Белого моря, то на р. Онеге и Северной Двине уже в глубокой древности заметны более демократические организации — волости и погосты с населением из местных «двинских бояр» и простых землевладельцев. Особенно на С. Двине и ее левых притоках был силен крестьянский «мир» и было относительно слабо воздействие новгородской знати. Здесь в конце XIV века произошло даже явное отложение от Новгорода: бояре Двинские и все двиняне «задалися» за Московского великого князя, а от Новгорода «отнялися», причем двинские вожаки «воеводы Иван и Конон с своими други волости Новгородские и бояр новгородских поделиша себе на части». Новгородцам надобно было силою возвращать себе отпавшую область: они послали на Двину рать, числом в 3.000 человек. Эта рать одолела московскую «засаду» (гарнизон) в городке Орлеце и заставила двинян сдаться. Воеводы Иван и Конон «с други» были схвачены и казнены, а прочие вожаки, «кто водил Двинскую землю на зло», были закованы и потом в Новгороде замучены или же заточены по монастырям. На двинян наложена тяжелая контрибуция (2.000 рублей и 3.000 коней, по копю на каждого новгородского воина); а городок Орлец «разгребоша» (т.-е, срыли) [1]). Двинская земля еще на 75 лет осталась во власти Великого Новгорода, но потом окончательно перешла к Москве. Строптивость двинян по отношению к новгородской власти объясняется тем, что область их (называемая то Двиною, то Заволочьем) была ареною не только Новгородской, но и «Низовской» (или Московской) колонизации. Через волоки, отделявшие Волжские притоки от Сухоны и Ваги, шло на север население с Поволжья, и сами Низовские князья с Волжских верховий принимали участие в эксплоатации северных богатств, заключая с Новгородом особые на этот предмет соглашения. Они, например, посылали через Двинскую землю, на реки Пинегу, Кулой, Мезень и Печору «ватаги» своих сокольников за ловчими птицами и при этом особыми грамотами обеспечивали сокольникам свободу передвижения через Двинскую землю, «како поидут с моря с потками» («пътъка»—птица). На основании княжеских грамот XIV века можно даже заключить, что на севере у Низовских князей были не одни только случайные ловища: местное население было повинно им «по пошлине» кормами и подводами «с погостов» для поездок княжеских ловцов; а в некоторых местах (на Терском берегу и в погосте Кегрольской волок на р. Пинеге) сидели княжеские приказчики, и новгородцы обязывались в те места не ходить и не вступаться. Таким образом путем договоров с Новгородом князьям весьма рано удалось приобрести некоторые права на самой удаленной новгородской окраине на Зимнем и Терском берегах Студеного моря. Пользование этими правами делало князей хозяевами

[1]) Новгородская первая летопись под 6905 годом.

занятых их ловцами мест и порождало в них интерес и вообще к делам на Севере. Колонизация Поморья становилась мало-по-малу их собственным делом и будила в них мысль о полном освоении далекой Новгородской окраины, или, точнее, тех путей, которые вели на морские княжеские промыслы.

Еще слабее, чем в Подвинье, было напряжение новгородской колонизации на крайнем русском северо-востоке, в области Печоры и северного Урала. Отдаленность, суровость и дикость этих мест делали их доступным только для самых предприимчивых людей, и то не с целью селитьбы, а лишь для поиска дани среди дикого «югорского» (вогульского и остяцкого) населения. Такого рода поиски новгородцы предпринимали уже в XI и XII веках. В 1187 году на Печоре и в Югре были уже новгородские «данники» (сборщики дани), и новгородцы считали Югру и Печору своими государственными «волостями». Для того, чтобы держать инородцев югорских в страхе и повиновении, из Новгорода снаряжались туда военные экспедиции, взимавшие там дань и каравшие строптивых. Но эти экспедиции встречали иногда упорное сопротивление от местных югорских князей, не желавших над собою новгородской власти. Таким образом в состав мирных Новгородских «волостей» югорские места не входили, и селиться в них новгородцам было рисковано. Самые сношения Новгорода с Печорою и Югрою были затруднены, и не только дальностью расстояния, но и тем, что северный путь по р.р. Пинеге, Пезе и Цыльме был очень неудобен, а южный—по р.р. Сухоне и Вычегде рано попал в руки Низовских (Ростовских) князей и потому не всегда мог хорошо служить новгородцам. Так, в 1323 г. «заратишася устюжане с новгородцами, изымаша новгородцев, кто ходил на Югру и ограбиша их». То же и в 1329 г., «избиша новгородцев, котории были пошли на Югру, Устюжскии князи» [1]). При этих условиях нельзя, конечно, говорить о сколько нибудь заметном «заселении» новгородцами Печерского и Югорского края.

Точно так же трудно сказать что-либо определенное о начале сношений новгородцев с Пермским краем и Вяткою. Новейшие изыскания привели только к упразднению легенд, связанных с древнейшей историей этих областей. Уже Костомаров сознавался, что «известия о способе владения Новгорода этою отдельною (Пермскою) землею до того скудны, что нет возможности вывести что-нибудь точное». Исследование А. А. Спицина доказало, что «повесть о стране Вятской» передает простую басню, лишенную всякой фактической основы, говоря о том, как «в лето 6682 (1174) отделившася от предел Великого Новгорода жители новгородцы самовластцы с дружиною своею и, шедше», основали город на р. Каме, затем перешли на р.р. Чепцу и Вятку и завоевали на Вятке «чудские» городки. В них новгородцы «начаша общежительствовати самовластвующе, правили и обладали своими жители... и прозвашася вятчане реки ради Вятки». Красивая легенда о далеком «народоправстве» создалась, повидимому, в самом конце XVII века путем книжных измышлений [2]). Точные же летописные записи дают сведения о вятчанах и Вятке не с XII, а только с XIV столетия, и притом сведения краткие и неопределенные. Совершенно ясно одно, что ни в Перми, ни на Вятке сплошных оседлых новгородских поселений не было до самого московского завоевания, а Москва нашла

---

[1]) Новгородская первая летопись под 6695, 6831 и 6837 г.г.

[2]) Костомаров, Северно-русские народоправства, I (СПБ. 1886), стр. 404; А. А. Спицын, «Один из источников истории Вятского края».

там инородческое «общежительство», которое новгородцы эксплоатировали наездами.

Первые наиболее достоверные сведения о русских на Севере находим у норвежского мореплавателя Отера, посланного англо-саксонским королем Альфредом в конце IX века к берегам Биармии для добывания моржевых зубов и кож. Доплыв до устья р. Северной Двины, Отер нашел здесь многочисленный народ, занимавшийся судоходством, ловлей морских зверей и земледелием. По сказаниям исландцев начала XI века, на берегах Двины стоял уже большой торговый город, куда летом приезжали на ярмарку купцы из Скандинавии; недалеко от города было богатое кладбище, посреди которого стоял истукан бога Иомаллы, украшенный золотом и драгоценными камнями; одежда бога представляла своею ценою груз трех самых богатейших кораблей. Те же сказания говорят нам об интересных приключениях на этом кладбище норвежцев Торера и Карла, отправленных для торговли в Биармию королем Олафом, современником Ярослава Мудрого. До начала XIII века (1222 г.) норвежцы продолжали ходить на своих кораблях к берегам Двины. Если справедливо крайнее мнение, что саги скандинавских скальдов дают только поэтизированную идею факта, то несомненно во всяком случае, что задолго до так-называемого образования Русского государства Биармия была известна скандинавам, как страна богатая и торговая, с которой они, западные европейцы, торговали не только непосредственно, но и транзитом с камскими болгарами, и через них с Востоком, как о том свидетельствуют местные находки англо-саксонских и немецких монет X и XI стол. и сассанидских V и VI в.в.

Но в'каком месте Северной Двины находился тот город, который являлся центром торговли северной части Биармии? На этот счет было высказано не мало догадок, более или менее остроумных. Если верить, однако, Крестинину, что на месте Холмогор существовали чудские поселения (Курцево, Качково и Падрокурье), то правдоподобна догадка Соколова, автора описания города Холмогор, что Холмогоры и являются центром наиболее древних поселений края. Последнее подтверждается и свидетельством названий местностей, ближайших к Холмогорам; эти названия также говорят о своем до-русском происхождении (ср. Ухт-остров, Кур-остров, Наль-остров и др.).

Есть, однако, и бесспорное свидетельство XII века, указывающее на Холмогоры и его окрестности, как на одно из древнейших поселений *новгородцев* в этом крае. Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича, избранного на место Всеволода в 1137 г., о количестве десятины от дани, вир и продажи в пользу св. Софии, знакомит нас с поселениями новгородцев по берегам Онеги и Двины. В числе северных погостов, названных грамотой, встречаем Иван-погост, который вместе с упомянутыми выше деревнями, вошел позднее под наименованием Ивановского прихода в состав Холмогор, как один из его посадов. О тождестве Иван-погоста с Ивановским посадом можно заключить также по тому, что после перечисления погостов «в Онеге» грамота 1137 г. вслед затем упоминает местности, недалеко отстоящие от Холмогор, как Ракула, Пинега, Кегрела, устье Емцы, усть Вага и др.

Та же грамота дает нам драгоценные сведения и о прочих местах, уже освоенных новгородцами еще до 1137 г. Далеко, однако, не все названия, упоминаемые грамотой, могут быть приурочены к современным географическим названиям. Но во всяком случае район этих наиболее ранних из из-

вестных нам новгородских поселений должен быть ограничен с одной стороны Двиной и ее правыми притоками Пинегой и Тоймой (которой не указано), ее левым притоком Вагой, притоком Ваги—Велью, Мошей—притоком Онеги, самой Онегой и «морем». Любопытно отметить при этом, что на-ряду с названиями погостов чисто русскими встречаем наименования, несомненно, «чудские»,—знак бесспорный, что инородческое население уже перемешалось с русским. С большим трудом удается приурочить местности «Обонезьского ряда», упоминаемые той же грамотой. Повидимому, здесь новгородские поссления еще не далеко заходили за пределы Свири (севернее ее лишь один Олонец); среди же погостов Обонежских некоторые носят, несомненно, корельское наименование (напр., Юскала). Таким образом, уже в XII веке начался процесс постепенного оттеснения корелов не только с крайних восточных границ их, но и южных. Имею в виду под первыми поселения корелов по берегам Белого моря и в частности в пределах нынешних уездов Онежского, Архангельского и Холмогорского. Но во всяком случае границей смешанных поселений долго оставалась р. Онега, за которой, повидимому, начинались чисто корельские. И только в XIII веке внедрение новгородцев и в эту область становится более интенсивным. В 1227 г., по летописи, «князь Ярослав Всеволодович послал крестить множество корел, мало не все люди». В течение следующего столетия корелы стали поводом к вражде новгородцев со шведами и нередко принуждены были вести междуусобную войну; так, в 1338 г. шведы со своею корелою напали на корелу Обонежскую, находившуюся под властью Новгорода, а новгородцы со своею корелою воевали корелу городецкую, принадлежавшую шведам и живущую около Выборга. В 1339 г. новгородцы помирились со шведами, и новгородские послы положили, чтобы шведы рубили и вешали у себя корелу, перебегавшую к ним из новгородских пределов, а новгородцы обязались делать то же самое с беглецами из шведской корелы. И лишь после того, как были разграничены сферы влияния, возможны были мирные поселения новгородцев в Заонежьи и к востоку от Онеги. Теснимые и с юга, и с востока корелы уже к XV веку отступили на юго-западный берег Белого моря (Корельский берег), их поселения тогда же появляются на южном берегу Кольского полуострова (Корельский погост в Варзуге). Этот медленный процесс освоения богатого промыслами Заонежского края не оставил нам каких-либо документальных следов. Если новгородцы, дарившие и продававшие свои владения основанному в начале XV века Соловецкому монастырю, называли их своими отчинами и даже динами, то вероятно предположение, что уже в начале XIV века они довольно прочно утвердились здесь. Договорная грамота 1265 г. упоминает среди волостей новгородских Колу и Тре, а от начала того же XIII в. есть известия, что жители Терского берега были уже данниками новгородцев, но говорить о постоянных поселениях их здесь в эту раннюю эпоху не приходится. Из названных же двух волостей Тре стала, повидимому, впервые известна новгородцам, поселившимся в устьях Двины, но уже со второй половины XIII в., по договорам с великими князьями, доступ в «Терскую сторону» был затруднен новгородцам. В таких слишком общих чертах, по отсутствию источников, представляется нам процесс освоения новгородцами края до XIV в. Если к изложенным выше прибавить два известия о написании в Новгороде пролога «за Волок в Шенкурье» (1229 г.) и (1271) паремейника «матигорцам за Волок», то, кажется, будет исчерпан весь запас наших сведений о поселениях новгородских в Беломорском крае до начала XIV века.

Несколько в лучшем положении наши сведения по истории новгородской колонизации севера за XIV в. К этому времени заметнее уже следы деятельности в указанном направлении не столько Новгорода, но Москвы, так как от времени Ивана Калиты являются грамоты московских князей, и начинаются их походы в этот край. Более обильными указаниями на места новгородских поселений отличается уставная грамота 1397 г. велик. князя Василия Дмитриевича, которая особенно важна еще и потому, что уясняет значение прежних отрывочных сведений о составе Двинской земли; она указывает, повидимому, полный перечень местностей, причисленных к ней. По грамоте 1397 г., местопребывание княжеского наместника предположено в Орлеце—и от него считаются езды и позовы «дворянам» за вызов к суду из различных местностей края. Крайними пунктами Двинской земли вверх по Двине является к концу XIV века попрежнему Тойма (Нижняя), а по морскому берегу—Уна. Таким образом, Двинская земля была заселена новгородцами к концу XIV века почти в тех же пределах, в которых и теперь сидит население по Двине, ее притокам и по морскому берегу. Дошедшие же до нас двинские грамоты XV века еще в большей степени подтверждают это и своими указаниями служат древнейшим источником для истории тех или других поселений.

К XIV веку относятся и некоторые новые сведения о дальнейшей колонизации, соседней с Двинской, Важской области. Замечательный собиратель исторических данных о Ваге М. Н. Мясников полагал, что уже в XI веке здесь воссияла христианская вера «и первое правление было новгородских первосвященников... Потом от Новгородского правительства присылаемы были на Вагу для управления по гражданской части посадники; во время посаднического правления из Новгорода на Вагу были многие выходцы и селились по разным местам по реке Ваге, Пежме и Кокшеньге». Сведения Мясникова о столь раннем распространении здесь христианства с полным основанием оспаривают последующие исследователи, но весьма вероятно, что новгородский владыка имел здесь земли: владычен волостель с Вели и волости св. Софии упоминаются летописью под 1398 г. Счастливый случай сохранил нам несколько грамот XIV в., которые, подтверждая сообщения Мясникова, дают не мало интересных черточек о новгородской колонизации этого края в том же XIV веке. Неизвестно точно, когда, но во всяком случае, в промежутке между 1314—1322 г.г. «старосты» Азика, Харагинец, Ровда и Игнатец, «прпехав от своей братии», заключили в Новгороде перед князем Афанасием мировую с Василием Матвеевичем о землях Шенкурского погоста; в силу договора, все земли погоста за 20 тысяч бел переходили к Василию и его потомству с оговоркою, что право собственности сохраняется за теми лицами, которые купили земли в том «заводе» ранее заключения мировой; грамота определяет и границы погоста—с юга «ростовские межи, с севера р. Ваймуга (левый приток Двины); «завод» же землям определялся р.р. Сельменгой, Паденгой, Сулондой (приток р. Пуи), «Понцой» (Почей) и Шеньгой. Несколькими годами позже внук Василия Матвеева—Евстафий Ананьин—написал духовную, по которой, кроме отчины и дедины Шенкурского погоста, передавал своему сыну ряд новых приобретений его самого и его отца, среди них—Кокшенгский погост. Духовная сына Евстафия Федора и раздельная его внука Василия Федоровича с племянником Василием Степановичем—документы уже первой половины XV века, содержат ряд новых ценных данных по интересующему нас вопросу; любопытно отметить при этом, что в грамотах XIV века «села» упоминаются в виде редкого исклю-

чения—иная картина по мере приближения к середине XV века: «страдные земли», которые «делают» из сел, все чаще упоминаются в числе передаваемого имущества. Из новых же поселений в южной части Важской земли духовная Федора Евстафьевича отмечает, между прочим, «два села с третью» на одном из правых притоков Кокшеньги-Заячьей. Приобретения путем купли и иных сделок, а равно путем разработки еще невозделанных земель, продолжались и при потомках Василия Матвеева в XV веке. Еще в первой половине XV в. на Кокшеньге упоминается уже монастырь св. Федора; недалеко от Шенкурска, при впадении в Вагу речки Пенешки, около 1450 г. в устроенном им городке названный выше Василий Степанович созидает другой «общежительный» монастырь во имя апостола Иоанна Богослова, наделяет его селами «со страдными землями и пожнями» и здесь в монастыре под именем Варлаама оканчивает дни своей жизни; сын основателя, Иван Васильевич, дает в 1470 г. Богословскому монастырю еще два села по р. Паденге, а его родственник Исаак Семенович—пять «деревень» в Мидляше и на Пенешке. В своей данной Василий Степанович называет себя «новгородским посадником», он, вероятно, тождественен с двинским воеводою Василием Шенкурским, который ходил вместе с Михаилом Яковлевым в неудачный поход на Югру в 1445 г., а может быть и с новгородским посадником, упоминаемым в 1446 г. и 1456 г.

Потомки Василия Матвеева, без достаточных оснований получившие у историков фамилию Своеземцовых, явились не единственными колонизаторами Важского края—список новгородских земель на Ваге, отошедших к Москве в 1478 г., упоминает, кроме Василия Степановича и его родственников, также Василия Селезнева, Григория Тучина, владыку новгородского Иону и др. видных представителей новгородской знати.

Еще в XIV в. новгородские колонизаторы края, как Двинского, так и Важского, должны были столкнуться с колонизационной волной, шедшей с юга. Когда и Двинская и Важская земли в 1478 г. были окончательно присоединены к Москве, были составлены выписки «из списков судейских (новгородских) о Двинских землях», где, кроме перечисления ряда населенных пунктов Двинского и Важского края и указания тех лиц, которые спорили о данных землях, находим любопытные примечания, повидимому, московского происхождения, что многие из земель Важского края и некоторые из земель Двинского принадлежали в свое время князьям Ростовским (из них названы Иван Владимирович, Иван Александрович и Константин Владимирович), причем земли ростовских князей (Константина Владимировича, ум. 1415 г.) по левому берегу Двины доходили будто бы до р. Вайгуги; другими словами, почти вся Важская земля составляла вотчину ростовских и их преемников московских князей. Здесь не место входить в подробности и доказывать голословность подобных утверждений московских дьяков времени Ивана III—отмеченная выше мировая времени новгородского князя Афанасия (Даниловича) (1314—1322 г.г.) в достаточной мере опровергает эти притязания московских князей. Но та же мировая отмечает, однако, какие-то ростовские межи, причем дает основание полагать, что они были где-то к югу от Шеньги, правого притока Ваги. Последующая колонизация значительно продвинула эту межу к югу; область Кокшеньги и ее притоков заселялась новгородцами еще в XIV в.; из рассказа же об изгнании новгородцами в 1398 г. бояр великого князя, занявших было Двину и Вагу, видно, что на Вели ранее сидел владычен волостель, и Вель, как отмечено уже выше, принадлежала св. Софии. Другим словами, уже в XIV в.

граница новгородских поселений на Ваге должна была проходить где-то югу от Ваги и Кокшеньги.

Несомненно, важнейшим путем Важской области, пересекающим ее с юга на север, была в старину сама р. Вага и р. Кокшеньга с Устьей, верховья которой близко подходят к Сухоне. Об этом пути мы хорошо знаем из событий московской смуты середины XV в. После битвы под Галичем Шемяка на некоторое время утверждается в Устюге и отсюда склоняет на свою сторону часть Важской области, между прочим, Кокшеньгу. Появившиеся в Устюге великокняжеские войска прогоняют Шемяку, и одна часть преследует Шемяку по Двине, а другая спешит наказать кокшаров—жителей Кокшеньги. «А князь великий Иван (в 1452 г.)... пошел... на Кокшеньгу воюючи; а город Кокшеньгский взял, а кокшаров сек множество, а с Кокшеньги на Вологду... а князь Дмитрий побежа к Новгороду; а воеводы, то слышав, на усть Ваги, и воротились по Ваге вверх на Кокшеньгу же». Этим же путем вятчане в 1466 г. прошли тайком мимо Устюга на Кокшеньгу и воевали Кокшеньгу, а назад шли вниз по Ваге и вверх по Двине до Устюга. Этот более прямой, нежели обычный по Сухоне и Сев. Двине, путь с юга на север особенно выгодный, конечно, зимой (когда и был поход 1452 г.), отмеченный и Герберштейном (XVI в.) и Патриком Гордоном (конец XVII в.), делал и Вагу и Важскую область местом усиленных торговых сношений с югом. Но та же Вага через Вель находилась в постоянном общении с Новгородом через Каргопольский край. Что касается торговых сношений, то в числе главных предметов их необходимо отметить хлеб. Скупая и захватывая земли в этом крае, новгородцы прежде всего заводили хлебопашество; в грамотах XIV—XV в.в. не раз упоминаются пахотные-«страдомые» земли. Наиболее хлебородными, а потому гуще заселенными, были местности по р. р. Вели, Кокшеньге, Пежме и в некоторых частях Ваги, преимущественно ближе к верховьям.

Борьба Новгорода и Москвы за Двинскую и Важскую земли, продолжавшаяся около двух веков, окончилась присоединением края к Москве. Москва, как известно, постепенно подготовляла это присоединение; ниже (см. главу «Низовская колонизация на Севере») рассказано об этом подробно. Последний, более сильный, нажим на Новгород был сделан в 1471 г.; часть земель Двинского края была передана Москве; сохранившийся, так-называемый, первый—список новгородских земель перечисляет те двинские волости, главным образом, в устье Двины и по морскому берегу до устья р. Онеги, которые поступили в ведение дворцового управления московских князей; среди этих земель попадаются принадлежавшие представителям новгородской знати. В 1478 г. к Москве перешли и прочие земли края. Акты XV в., в достаточном количестве дошедшие до нас, дают представление о вновь присоединенном крае—о результатах колонизации его как новгородцами, так и Москвой. Известно, что до событий 70-х г.г. XV в. часть Двинской земли, именно волости по Пинеге, Мезени, Вые, Пинежке, Немьюге и Суре «поганой» переданы были Москве еще при великом князе Василии Васильевиче, и там сидели уже в середине XV века княжеские волостели; попытки новгородцев, начавшиеся тогда же, отнять эти земли, окончились неудачным походом их туда в 1471 г. и выдачей новгородским вечем отказной грамоты на эти земли великому князю Московскому. Сохранившиеся частные акты XV в. не дают нам сведений об этой части Двинского края, так как относятся, главным образом, к поселениям у устьев Двины и ее нижнем течении и отчасти по морскому берегу. По актам же устанавли-

вается, что еще к новгородскому времени, а именно к XV в. относится возникновение монастырей Двинского края: Михайло-Архангельского, Николаевского Чухченемского, Николаевского Корельского и, вероятно, Успенского Лявленского. Те же акты отмечают многочисленные церкви в Двинском крае, из них наиболее южная св. Рождество, вероятно, тождественна с Рождественскою церковью в нижнем Ступинском приходе в 32 в. от Холмогор и была перенесена сюда из города Орлеца, разоренного в 1398 г. Многочисленность же церквей и существование на небольшой территории четырех монастырей, возникших почти одновременно, свидетельствует о значительности постоянного населения края.

К последнему веку новгородского владычества относится и усиленная колонизация Поморского и Корельского берегов Белого моря. О деятельности новгородских поселенцев и Соловецкого монастыря в достаточной степени рассказано во введении к очерку. Напомню, что первые и главные земельные приобретения сделаны были Соловецким монастырем на нынешнем Поморском берегу, где к середине XV в. с наибольшей силой развилась новгородская колонизация. Одними из первых и наиболее значительными были вклады Марфы Посадницы; ею подарены монастырю по р. Суме, между прочим, несколько стародомых деревень. Другие новгородские землевладельцы дарили монастырю свои участки по прибрежным островам и по рекам Поморского и Корельского берега: Суме, Вирме, Выгу, Сороке, Шуе, Кеми и Поньге. Со второй же половины XV в. Соловецкий монастырь стал распространять свои владения и по Терскому берегу—по рекам Умбе и Варзуге, из поселенцев монастыря в последней волости в 1491 г. составился церковный приход и устроена монастырем церковь. Таким образом, вотчины монастыря тянулись на громадном пространстве по прибрежным рекам от Сумы до Поньги и по Терскому берегу; до середины XVI в. у нас нет, однако, известий о том, чтобы они шли далее р. Сумы к востоку: на реках Колежме и др. до Онеги не было значительных участков до середины XVI в. Впрочем, колонизация коснулась и этих берегов: в начале XVI в. из русских поселений по р. Унежме уже составилась небольшая волость.

III.

Колонизация Севера в XVI—XVII веках.

В результате колонизационного движения на Север до конца XV века оказались более или менее заселенными побережья Белого моря, берега Терский, Корельский, Поморский, отчасти Летний, а равно земли, входившие позднее в XVI в. в состав Заонежских погостов и уездов Кольского (самая южная часть), Двинского (Мезенский в XVI в. входил в состав Двинского), Важского; слабее всего был заселен Каргопольский у. Едва ли отсутствием только данных можно объяснить отмеченную малую населенность Каргопольского у. (по р. Онеге с ее притоками). Население его стало увеличиваться, повидимому, лишь в XVI в.; на это намекает любопытная выдержка из писцовой книги Обонежской пятины 1565—66 г.: в погосте Спасском на Выгозере книга указывает ряд запустевших обеж; жившие на них крестьяне «вымерли, а иные розошлися в Белозерщину и в Каргополье». Эта заметка писца XVI в. говорит нам о том, что один из колонизационных путей на Север—а именно западный, из новгородских пятин, остался и в XVI в. Изучение же состава поселений XVI в. Белозерского и Вологодского

края устанавливает с бесспорностью, что и колонизационные пути южный и юго-восточный не потеряли своего значения в XVI в. Приходя в Вологодский край из Костромского и Ярославского, население, повидимому, не оставалось долго в его пределах; замечается и в XVI в. отлив его в другие места и уход, с одной стороны, на Север, в Каргопольский и Важский уезды, с другой стороны—на северо-восток по течению Сухоны, Двины и Вычегды.

Заонежские погосты продолжали привлекать население и в XVI в. Список владений Соловецкого монастыря за XVI в., к востоку от реки Сумы, пополнился рядом недавно возникших поселений. В середине XVI в. у монастыря были земли по р.р. Колежме, Нюхче, Унежме и др. Сохранившиеся писцовые книги по Обонежской пятине дают возможность судить не только о заселенных местах края, но позволяют сделать наблюдение о запустении края к концу века и об отливе, как уже сказано, населения, с одной стороны, в Белозерский и Каргопольский край, а с другой стороны, на Север—на Кольский полуостров.

Прилив русского населения на Терское побережье Кольского полуострова заметно усилился в XVI в. Сотная выпись 1563 г. по Варзуге, начинавшей заселяться в конце XV в., насчитывает в ней 124 дв. и в них 167 челов., отмечая при этом уже 26 дворовых мест и 5 дворишек «пустых». Соседняя с ней Умбская волость, повидимому, тоже росла количественно: в ней, кроме Соловецкого монастыря, в качестве владельца многих луков и дворов с 70-х г.г. XVI в. появляется Кириллов-Белозерский монастырь. Далее, к западу по побережью появляются новые поселения, как Порья губа, Кандалакша и др. Наконец, Керецкая волость в 1562—63 г. насчитывает 60 дворов волостных крестьян и среди них много пришедших сюда из Каргопольского уезда, а в 1574—75 г. это число падает до $46^1/_2$ дв., а в промежутке же между этими двумя описаниями цифра упала в 1570 г. до 19 дворов. Писцовая книга дает при этом любопытное объяснение причин запустения, замечающегося и здесь, как и в лежащих южнее Заонежских погостах: «а запустели те дворы от Басаргина правежу и мору». Некоторые подробности об этом правеже сообщает Салинген,—отмечая при этом, что запустение коснулось, кроме Керети, также Шуи, Кеми, Кандалакши и Умбы. В конце века, повидимому, население продолжало убывать из этого края: близко наблюдавший жизнь Кольского полуострова Салинген отмечает в своих записках, что после 1574 г., в виду возникшей между Москвой и шведами войны, «а также еще по причине тирании, бывшей в то время в России, народ бежал не только из Корелии, но и из прочих мест России»,—бежал по словам того же Салингена, в Лапландию.

С XVI в. началась русская колонизация Кольского полуострова, сначала в западной части, а во второй половине того же века и в восточной. Духовная великого князя Ивана III (1505 г.) отдает его сыну Василию, между прочим, лопь лепую и дикую; жалованная же грамота Василия III крещеным и некрещеным лопарям Новгородского у. имеет в виду только лопарей, живших по берегам р.р. Шуи и Кеми. Такие глухие упоминания, когда речь идет о громадном крае, становятся понятными, если вспомнить рассказ Салингена, по которому действительное освоение русскими этого края началось лишь с 60-х г.г. XVI в. Правда, знакомство русских с этим краем относится к более раннему времени. Есть основания полагать, что русские данщики еще в конце XV в. заходили далеко за пределы нашей недавней границы с Норвегией,—доходили до Тромсе, а русские промышленники еще в середине XVI в. ходили промышлять «рыбу ловити и жем-

чугу копати» на Теную (Тану) реку. Далекий Мурманский берег имел обычное сообщение не только с Белым морем через Колу и озера в Кандалакшу, но и с центральными областями Московского государства—более краткий путь проходил по западному берегу Белого моря—мимо Кеми, Керети, Шуи, берегом до Онеги, а оттуда через Каргопольскую дорогу в Москву; с западного берега Белого моря попадали, как мы знаем, и в Новгород—по р. Выгу, оз. Выгу, Повенецкой губе Онежского озера, р. Свири, Ладожскому оз. и Волховом в Новгород; последний путь был хорошо известен и в XVIII в. выгорецким раскольникам. Эти пути на Мурман, повидимому, давно уже были налаженными, но только в первой половине XVI в. можно заметить там постоянные поселения. В обширном крае появляются церкви—в 1526 г. в Кандалакше, в 1532 г.—в Коле и Печенге; вокруг церкви св. Николая на р. Печенге возникает в 30—40 г.г. монастырь; такой же монастырь появляется и в Кандалакше и значительно позднее, после 1565 г., в Коле во имя св. апостолов Петра и Павла. С конца 60-х г.г. XVI в. начинается дипломатическая переписка между датчанами и русскими о «захватах» последними в пределах западной части полуострова; в этой переписке особенно отмечается колонизационная деятельность основанного преп. Трифоном и Феодоритом Печенгского монастыря; в той же переписке перечисляются некоторые населенные места края—Нявдема, Паз-река, погост Мотоцкий, Кола, Порья губа и др.—«и в них живут наши люди русские и корельские и лопь крещеная и некрещеная, кончанская и терская». Но действительный рост населения западного Мурмана начался с 60-х г.г. XVI в., со времени появления здесь в 1565 г. голландцев. По словам современника, «и монастырь (Печенгский) и вся торговля в Лапландии вскоре после (1565 г.) стала с каждым годом все больше и больше разрастаться... (и) всякий год земли все гуще заселялись...» До этого Кола была маленьким поселком, насчитывающим три двора, через десять лет там было уже 44 двора, а в 1607 г.—94 дв. Кола в последней четверти XVI г. настолько заметный пункт на Мурмане, что в 1582 г. московское правительство посылает туда уже воеводу (Аверкия Палина), который строит в Коле гостиный двор, а в следующем году из Москвы получается распоряжение об устройстве там острога. Из трех монастырей края наибольшее значение в его жизни имел упомянутый выше Печенгский монастырь. Монастырь уже в эти годы являлся не только крупным промышленником и торговцем, но и колонизатором края. Интересуясь преимущественно владениями монастыря «в Мурманском конце», т.-е. по границе с Норвегией, Салинген, близко наблюдавший жизнь края во 2-й половине XVI в., утверждал, что уже к началу 70-х г.г. XVI в. монахи заселили своими людьми все прибрежное пространство от Вайды губы до Варангер фиорда. «Но когда в 1573 г. русские бояре или послы обревизовали Лапландию, то они положили границей Паз-реку или первый монашеский фиорд». Насколько можно судить по дошедшим до нас отрывкам писцовой описи 1573 г., Пазрецкую губу с впадающей в нее р. Нявдемой решено было считать границей русских поселений на будущее время.

Позже появились русские поселения в восточной половине Кольского полуострова. Еще до 1575 г. на р. Поное была поставлена для крещеных лопарей—по их просьбе—церковь во имя апостолов Петра и Павла, но та церковь «запустела от сильных людей насильства», лопари жаловались при этом на притеснения, чинимые им «корелянами», варзужанами и двинянами. Несмотря на государеву грамоту 1575 г., поручавшую восстановление церкви старцу Феогносту, храм оставался без пения, пока в 1581 г. Троице-

Сергиев монастырь, заинтересовавшись, повидимому, приписанными к храму рыбными ловлями в половине реки Поноя, не обязался «к тому храму устроить попа и дьячка и пономаря во всяким церковным строением», действительно, спустя три месяца при Поноиской церкви уже был священник (Федор Рогуев), дававший, между прочим, лопарям деньги под заклад их угодий—рыбных ловель по р.р. Поною и Еконге. Сам же Троице-Сергиев монастырь сдал в том же 1581 г. свои промысла в р. Поное на шесть лет двинянам колмогорцам Вас. Скорнякову с товарищи. В начале XVII в. (1617 и 1621 г.г.) Троице-Сергиев монастырь получает в доле с Понойскими жильцами рыбные ловли на Пулонгском берегу (на Терском берегу к востоку от Варзуги); в 20-х г.г. XVII в. на том же Пулонгском берегу появляются промыслы Антониева Сийского монастыря. В первой половине XVII в. р. Поной с притоками находилась в оброчном держании у Антониева Сийского монастыря и боярина Ив. Никит. Романова, а в 1658 г. вместе с погостом Понойским перешел к монастырям Крестному (при устье р. Онеги) и Воскресенскому (на Истре Московск. уезда); оба монастыря промышляли в р. Поное и заселяли своими крестьянами погост Понойский до середины XVIII в. В 1684 г. Воскресенскому монастырю был пожалован соседний с Понойским Семпостровский погост.

Помимо крайнего Севера, население шло из Заонежских погостов в соседний Каргопольский у., который стал усиленно заселяться еще в первой половине XVI в. Нельзя не поставить этого в связь с развитием промышленной деятельности в крае таких монастырей, как Соловецкий и Кириллов-Белозерский. Первый из них по сотной 1555—56 г. владел в Каргопольском уезде $11^2/_3$ дер.; приобретения второго в пределах того же уезда начались позже, в 1568 г., а по жалованной грамоте 1569 г. у монастыря были уже угодья по р. Золотице и Пушлахте. Благодаря главным образом деятельности этих двух монастырей, было заселено восточное побережье Онежской губы. По описанию 1555—56 г., в Каргопольском уезде насчитывалось 1.617 деревень, 8 починк и 21 пустошь; спустя шесть лет отмечена убыль поселений: их всего $796^1/_2$, кроме того, 3 починка и 114 пустошей... Население уходило, с одной стороны, на запад и северо-запад, на Мурман, с другой стороны—на восток. Вместе с тем в уезде попрежнему было много пустых мест: по жалованной грамоте 1577 г. Александрову Ошевенскому монастырю отводится угодий на 5 верст вокруг, а основанному в 1546 г. «на черном лесу на диком, промеж Вологодского уезда и Каргопольского и Важского на речке на Воднице на Великой» Преображенскому монастырю дается угодий на 3 версты кругом.

В связи с развитием в XVI в. торгового движения по р. Онеге (Онежский порог—Турчасово—Каргополь—Короткое) начинает также расти число поселений в конце этого пути—вокруг оз. Воже и по рекам, впадающим в него и в оз. Лаче с южной стороны; совокупность этих поселений еще в XVI г. образовала так-называемую Чарондскую округу. Выгодное положение Чаронды делало ее очень ценным пожалованием в конце XVI в. Дмит. Годунову, затем М. В. Скопину и позже М. Г. Салтыкову. Число дворов ее особенно заметно росло в первой половине XVII в. и позже, когда к прежним монастырям, промышленникам Каргопольского края, присоединились вновь основанные Крестной и Воскресенский монастыри, получившие, как отмечено выше, богатые промысла за морем, по р.р. Поною и Еконге, и пользовавшиеся преимущественно Онежским путем для перевозки рыбы в центральные области.

Одной из самых заселенных областей Севера к началу XVI в., несомненно, являлась Вага. Выписки из судейских списков, относящиеся (второй список) к 1478 г., отмечают по Ваге и ее притокам сравнительно большое число населенных пунктов. Правда, в них отсутствуют указания на некоторые правые притоки Ваги, как Устья, но это только подтверждает сделанное выше наблюдение, что до конца Новгородского владычества население приходило сюда преимущественно с двух сторон—из Новгородской области—через Каргопольский уезд и из Центральной Руси, главным образом, с юга через Вологодский у. Вместе с тем колонизация Важской области в XVI—XVII в.в. подтверждает то же наблюдение. Еще в первой половине XVI в. Верховажской чети при церкви Воскресения на р. Уздре (притоке Пуи) возникает пустынь, строитель которой в 1548 г. получает жалованную грамоту не только на владения по р. Пуе, но и на следующие земли и угодья: оз. Туменское (Тюмевское) «да по реке по Тюменке до росохи по обе стороны ставити деревни и починки и луги расчищати... да оз. Яхренское (через него протекает р. Яхренка, впадающая в реку Кубену с левой стороны) и потоки по обе стороны, деревни ж ставити и луги расчищати... да на Двиницу речку... да за Ковду (приток Песьей Деньги, впадающей в Сухону)... и по Кулуп реке рыба ловити». Со второй половины XVI в. начинается заселение юго-восточной части Важской обл. В 1576 г. на р. Тарнаге (левый приток Кокшеньги) возникает монастырь Николаевский—Агапитова пустынь; в 1584 г. выборные судьи Кокшенгского стана получают грамоту об отводе монастырю «земель порожжих, пустошей и лесу пашенново... к Шебенской волости до Коржи реки на четыре версты, да по Корже вниз на Тормагу реку, против Коржинского устья, за реку за Торнагу, да к озеру Семинскому в дикой лес, да от Семчинского озера на Устюскую дорогу... от монастыря пять верст... да по Тарнаге вверх в дикой лес до верховья, да с Тарнаского верховья да по Коржи вверх дикой лес, урочищ нет, да по Коржи вверх три версты от мосту, от Шебенской дороги, да до Тарнавского верховья», грамота добавляет при этом, что «теми пустошми и лесом не владеет никто и к волости нигде не приписаны». Несколько позже, в 1619 г., на р. Печенге (правом притоке Кокшеньги) старец Матвей на черном лесу верстах в 25 от жилого места от Верх-Кокшеньгской (Ромашевской) вол. построил часовню во имя Всемилостивого Спаса; в течение двух лет часовня была пуста, пока в 1621 г. здесь не поселился старец Филарет с братией; в 1623 г. он обратился в Москву с просьбою об отводе монастырю порожней земли по р. Печенге «для строения и им старцам на прокормление, на росчисть и на распашку»; просьба была уважена,—причем местным властям было приказано составить отводные книги; отводу предшествовало описание монастыря и того, что сделано старцами за шесть лет их работы (описание относится к 1627 г.)—оно любопытно для характеристики монастырской колонизации XVII в.: «от Верх-Кокшеньгской волости, читаем в описании, вверх по Печенге, горнею дорогою... пустыня... от волости верст за 20, а в той новой пустыни поставлен храм с трапезою Всех Святых, да подле храма возле Печенги реки стоит часовня, а в часовне образы и книги строенье их монастырское, строителя старца Филарета с братнею. А около тое пустыни роспахано черного большого лесу на две четверти в поле, а в дву потому жъ, земля худа, а сенных покосов по смете копен на 50 волоковых, да по речке Яхренке четыре четверти: А против той пустыни озеро, а в озере рыба мелкая; да лесу дровяного и недровяного верст на семь». Было однако, не мало

свободных мест еще в XVII в. и в среднем течении Ваги. Любопытные сведения о колонизации одного из правых притоков Ваги—речки Шренги—дает история возникшей здесь в 1649 г. Вознесенской пустыни, впоследствии (в 1695 г.) приписанной к Холмогорскому архиерейскому дому. С XVI в. началось заселение и южной части Важской области: в состав ее в XVI в. вошли земли на правом берегу Двины по р. Нижней Тойме; возникшая здесь, еще при Грозном, в 12 в. от Н. Тоймы, при устье р. Шидровки, пустынь существовала в течение всего XVII в. На том же правом берегу Двины в Подвинской чети, в 15 верстах от волостей Коценгорской и Ростовской, в XVI в. появляется Клоновский монастырь, владения его уже в двадцатых годах XVII в. переходят к Антониеву-Сийскому монастырю; деятельность Клоновского монастыря на севере Важской области, повидимому, затронула здесь интересы крупнейшего колонизатора южной части Двинского уезда,—и Клоновский монастырь поступил в его ведение...

Отмечая, однако, случаи появления все новых поселений в пределах Важской области, нельзя не указать при этом, что от того же XVI в. имеются сведения об уходе населения. Важская уставная грамота 1552 г., как одно из последствий дурного управления княжеских наместников, отмечает, что «у них в Шенкурье и в Вельску на посадех многие дворы, а в станехъ и в волостех многие деревни запустели», посадские «разошлись по иным городам», а крестьяне ушли «в монастыри без срочно и без отказу, а иные посадские люди и становые и волостные кои куда безвестно разбрелись нарознь». Повидимому, эта картина не противоречила действительности, если сопоставить ее с тем же явлением, отмеченным мною по отношению к соседнему Каргопольскому краю. К сожалению, отсутствие по Ваге писцовых и переписных книг за XVI—XVII в. не дает возможности делать по этому поводу какие-либо прочные заключения.

О колонизационном пути из Каргопольского уезда на восток узнаем из жития преп. Антония Сийского, написанного в XVI в. Антоний был постриженником основанного преп. Пахомием Кенского монастыря (на р. Онеге). Ища уединения, он вместе с двумя пустынниками ушел на р. Шлексу (приток р. Емцы), где были «многи лесы и дебри непроходимые», затем на р. Емцу и далее в «северные страны, прилегающие Двинстей области, и проходивши непроходимы лесы и дебри и дрязги, иже прилежат Студеного моря окияна, и мхи, и блата непостоянные и езера многие», и там на р. Сие, где были «непроходимые дебри и лесы темные и чащи и дрязги великие», основал в 1525 г. свой монастырь, за 5 и более верст «от мирских пребываний». Местность по левому берегу Двины была настолько еще мало населена, что спустя 18 лет после его основания монастырю даются земли, никем не занятые по р.р. Сие, Емце и Ваймуге, на 3 в. в каждую сторону, а в сторону Каргопольского уезда на 5 верст, «а которые леса и озерки пришли круг монастыря и волостные люди... скажут, что те лесы и озерка слободские, и ловят в их со всех сторон приезжаючи, кто ни приедет нестари»... заключает отводная грамота монастырю 1543 г. Благодаря, главным образом, деятельности Антониева-Сийского монастыря произошло заселение левого берега Северной Двины между Ваймугой и Нижним Моржем и противоположного правого до р. Ваенги, которая в XVII в. относилась уже к Важскому уезду и была дана из оброка Антониеву-Сийскому монастырю в 1624 г. Писцы 1622—24 г.г., спустя почти сто лет после возникновения монастыря, отметили за ним старых его владений одно село, слободку и 54½ дер., из них только шесть деревень относятся к волостям

низовским,—все прочие находились в волостях к югу от Пинеги по правому берегу Двины и между названными уже Ваймугой и Н. Моржем по левому берегу; в промежутке же между двумя писцовыми описаниями Двины 1586—87 г. и 1622—24 г. «у их же монастырьских деревень на лесех» стало вновь шесть починков. О возникновении новых поселений в названной части Двинского уезда свидетельствует любопытная в этом отношении государева грамота 1595 г. Двинским данным старостам и «Калейского станку» земскому судье о невзимании митрополичьих пошлин, подвод и кормов с «новой пустыньки» Николаевского Нижнеморжегорского монастыря. И монастырек и «станок», очевидно, появились недавно. По грамоте 1595 г. монастырек —«место пустое», про которое в писцовой книге 1586—87 г. было записано: «на Моржу, на нижней стороне, монастырек нов... пашни новые росчисти середние земли пол-пол-пол-трети обжа». И сам Калейский стан, называемый грамотой уменьшенным именем станка,—оказывается, заключает в себе четыре «волостки» (Калья, Репонема, Морж и Шастки), составлявшие еще до описания 20-х г. XVII в. одно административное целое. Кроме упомянутого Николаевского Моржегорского монастыря, по тому же левому берегу Двины во 2-ой половине XVI в. возникли еще три небольших монастыря: в Емецком стану на р. Двине монастырь Кривецкий, в 1619 г. присоединенный к Антониеву-Сийскому монастырю; в вотчине его к 20 г.г. XVII в. состояло с-цо, 14 деревень живущих и одна пустошь; Покровский мужской и Ивановский женский—вотчины обоих, состоявшие из $12^1/_3$ деревень, перешли также к Антониеву-Сийскому монастырю. За XVI—XVII в. новые поселения в Двинском у. появляются и в других его местах. Если к концу XV в. Яренга была крайним пунктом Двинских поселений на западе, по Летнему берегу Белого моря, то к концу XVII в. граница Двинского уезда с Каргопольским проходила где-то к западу от р. Лопшенги. Акты XVI в. говорят об усиленном солеварении не только в Неноксе и Уне, но и в соседней Луде, погост же Яренга с его пятью дворами по писцовой описи 1622—1624 г.г. был пожалован в 1635 г. Соловецкому монастырю, а на р. Лопшенге были рыбные промыслы Антониева-Сийского монастыря. Появляются в XVI в. постоянные поселения и на Зимнем берегу Белого моря—по р.р. Мудьюге и Кади и далее по р. Куе, где были соляные промыслы Соловецкого монастыря; заселение же Зимней Золотицы, повидимому, дело Антониева-Сийского монастыря, про нее в писцовой книге 1622—24 г.г. читаем: «слободка Золотицкая, а в ней церковь Рождество Пречистыя Богородицы ... а в церкви образы и свечи и книги и колокола и всякое строение монастырское» (Антон. Сийск.); кроме монастырского двора, в слободке 6 дворов церковных и 11 «бобыльских»; «а рыбу ловят в реке в Золотице и на море на монастырь, а ез на р. на Золотице монастырской; а ловят сиги и всякую белую рыбу на монастырской обиход»; кроме того, там же были две монастырских варницы. Наконец, на устье р. Кулуя, по переписным книгам 1678 г., находилась слобода Долгая Щель, которую Антониев-Сийский монастырь получил на «устроение» еще в 1622 г. Река Кулой составляла часть границы Двинского у. с соседним Мезенским, образовавшимся только в XVII в. и до того входившим в состав Двинского уезда в виде особого Мезенского стана.

Поселения по р.р. Мезени и Пинеге и притокам этих рек упоминаются, как известно, еще в списках 1471 г.; ими управляли уже тогда великокняжеские волостели, среди притоков Мезени списки 1478 г. называют Вашку (Удору)—как исконное место великого князя. Вычегодское, отмежеванное

только в опричнину от Сольвычегодского уезда к Мезенскому стану. Но русские поселения в нижнем течении Мезени стали появляться только в XVI в. В жалованной грамоте канинским и тиунским самоедам 1545 г. местом торга самоедов с русскими названа Лампожня, но самоеды останавливались еще ниже—там, где на устье Мезени «стала сокольня ново»—из приписки к грамоте (1551 г.) узнаем, что эта соколья слободка носит название Окладниковой—место нынешнего (основ. в XVIII в.) города Мезени. По течению р. Мезени появляются в XVI в. новые станы и волости. Писцовые книги середины XVI в. (Ив. Заболоцкого и Петра Маркова) отмечали уже; напр., починки на реке Мезени «конец Каращельи»; здесь еще в 1576 г. трудами неких Чирцовых была создана обитель во имя Живоначальныя Троицы, в 1629 г. приписанная к Антониеву-Сийскому монастырю; в 1615 г. появляется в той же Устьвашской волости новая пустынь Рождества Христова, основанная по просьбе крестьян черным священником Иевом, «на пустом месте на Ущелью»; еще позже, уже в 40-х г.г. XVII в., узнаем о существовании новой пустыни с церковью св. Екатерины на р. Пезе. Частные же акты XVII в., относящиеся к тому же краю, также говорят об усиленной расчистке пашен среди леса, новых запмках и др. т. п. Переписные книги 1678 г. Кеврольского и Мезенского стана Двинского уезда, выделившихся после 1614 г. в самостоятельные уезды, отмечают волости, появившиеся после 1620-х г.г. по правому берегу Пинеги—Пиренему и Нюхчу и по р. Мезени—погост Кимжу, волости Козмогородскую, Азопольскую, Юрому, Усть-Вашскую и Койнос,—последняя самая южная, выше устья Вашки.

Интересные данные о движении и средствах монастырской колонизации в этом крае в начале XVII в. дают грамоты об основании на р. Пинеге новой пустыни на Черной горе. Челобитная черного попа Макария 1606 г. указывала, что «по Пенеге реке верст до пятисот все живут крестьяне, а... богомолья общего монастыря у них нет и многие деи люди при старостех своих и по обещанью же даю пиочества, а прибегнуть деи негде и постричись не от кого»; Макарий отыскал подходящее для построения монастыря место, которое «от людей отдалело, на той же Пенеге реке, близко волока Пенежского, в диком лесу, слывет Черная гора», и в течение двух лет разрабатывал его; в дозорной памяти того же 1606 г. отмечены результаты работы братии новой обители—трех старцев и трех трудников; «земли на той Черной горе, читаем в памяти, пашенныя и непашенныя десятин с десять; а чищено прогализнами промежу лесом, с половину тое земли пахано, а другая в пусте; а лная земля под лесом не чищена».

Не менее любопытные сведения о возникновении новых починков на монастырских землях дает грамота с прочетом на Двину 1634 г. об отдаче на оброк тому же Черногорскому монастырю починка Васильевского и сенных покосов по р. Кулмовой. В 1623 г. «порядился» у монастырских властей холмогорец Малетинской деревни Ивашко Афанасьев пахать монастырскую землю и дал им на себя запись, «что ему по той записи та их монастырская земля пахать 15 лет и сено ему ставить и лес расчищать, а хлеб ему пахать из трех долей, а четвертая доля им в монастырь». Когда были на Двине в 1622—24 г.г. писцы, Ивашка «бил челом и у писцов то место, что порядил пахать, назвал новым именем — Васильевым починком; потому что преж его Ивашка ту их землю распахал и двор поставил по записи же (122-го г.) Василий Шолутков... и взял... на оброк». Сохранилась в изложении и порядная запись 122-го г. Василия Шолуткова—по ней он обязался на монастырской земле на Черной горе «пахати и сено

ставити и лесы расчищати восмь лет... а как восмь лет отойдут, и ему та земля после тех осьми лет пахати десять лет из трех вытей, а в монастырь давати хлеба и сена четвертая доля; а как десять летъ пройдет, и ему та земля пахати вперед из дву доль, а в монастырь давати... третья доля».

Заселение же Пинеги, Вашки и Мезени в верховьях, повидимому, принадлежало преимущественно выходцам из Вычегодского края. На это намекает данная в 1591 г. жалованная грамота жителям Глотовой слободки (на р. Мезени) о неверстании их в платеже податей с вымичами, сысольчами и вычегжанами, «потому что у них в Глотове слободке живут все молодчие люди, кормятся пиктою да зверем, а хлеба не пашут и не торгуют ничем; а на Вычегде и на Сысоле живут прожиточные торговые люди, торгуют всеми товарами и хлеб пашут».

Кроме появления новых населенных пунктов, со второй половины XVI в. начинают усиленно расти старые приморские поселения Двинского у. Нельзя не поставить этот факт в связь с начавшимся на Севере иноземным торгом, а также и обращением крупных монастырей не только центральных, но и местных, к усиленной торгово-промышленной деятельности. Если в соседнем Каргопольском уезде в числе крупных монастырей-промышленников выступили монастыри Соловецкий и Кириллов Белозерский, то в Двинском у., кроме этих же монастырей, находим очень рано, еще в 40-х г.г. XVI в. промыслы Антониева-Сийского и Николаевского Корельского, а из верховских монастырей с 70-х г.г. того же века—Троице-Сергиев, и из вологодских—Спасо-Прилуцкого и Спасо-Комельского; к этим монастырям в XVII в. присоединяются Новоспасский монастырь и Патриарший дом. Кроме рыбной ловли в волостях Варзуге и Умбе (входивших в XVI—XVII в.в. в состав Двинского уезда), в приморских поселениях Луде, Уне, Неноксе и Кулуе монастыри стали усиленно заниматься солеварением. В упомянутые поселения—еще в 60-х г.г. XVI в. получивших наименование посадов—наблюдается прилив населения; двинские посады заметно растут и богатеют, богатеют настолько, что в 70-х г.г. XVI в. правительство переводит наиболее состоятельных из посадских Уны, Неноксы и Кулуя в Москву, а в 1583 г. повторяет то же самое для вновь основанного Архангельска.

На вопрос, откуда же приходило население в эти приморские поселения, источники наши дают только намеки. Они отмечают и на Двине уже со второй половины XVI в. запустение сельских поселений; сотная Николаевского Карельского монастыря с писцовых книг 1550—51 г.г. считает в Низовской луке на полторы монастырских деревни живущих двенадцать с половиной пустых, причем запустение некоторых относится еще к первой половине того же века; в сотной Варзужской волости 1563 г. на 124 двора «в живе» отмечено 26 мест дворовых пустых и пять пустых «дворишков»; о сильном запустении монастырских земель Чухченемского монастыря говорит государева «судимая» грамота 1584 г., а выпись из писцовых книг князя Василия Звенигородского на вотчину Архангельского монастыря 1586—87 г.г. указывает не только пустые дворы в монастырских деревнях, но и «пустоши» и «деревни пустые»: на $19^1/_2$ монастырских деревень живущих приходилось $13^1/_4$ пустых и на 36 крестьянских дворов и два бобыльских та же выпись насчитывает 17 дворов пустых. Писцовые и переписные книги XVII в. отмечают также убыль дворов в Двинском уезде. Куда же уходило население?

Среди поселений на побережьи Белого моря на Зимнем берегу возникла, как сказано выше, слободка Золотицкая. Писцов, описывавших ее в 1622—1624 г.г., повидимому, интересовал, между прочим, вопрос, откуда пришли сюда, в крайний пункт поселений по Зимнему берегу, новые жильцы, и писцы среди жителей слободки отметили двух «низовцев» (с устьев Двины) и двух пенежеников» (с р. Пинеги), а в другой слободке, возникшей при самом устье р. Золотицы, указаны, между прочим, бобыльские дворы «мудюженина» (Мудьюжеской вол. по Зимнему берегу), «важенина», «ладаженина» (Ладин берег Двинского у.), трех «заонежанинов» и одного «корелянина». По отписным книгам Николаевского Чухченемского монастыря 1615 г. в деревне Зауличье жил, между прочим, Аноха «Пенеженин», а в дер. Заручевской—Федька «Золотиченин», причем названные лица пришли в эти деревни после 1611 г. Можно было бы привести еще несколько подобных же примеров. На основании их вероятно предположение, что новые поселения образовывались приходцами из других волостей Двинского у., а равно из соседнего Важского и из более удаленных Заонежских погостов; не забудем и тот путь, которым пришел еще в начале XVI в. в Двинский уезд преп. Антоний Сийский: Каргопольский уезд надо думать, дал не мало поселенцев в вотчинах Антониева-Сийского монастыря по левому берегу Северной Двины.

Но среди актового материала XVII в. немало данных об уходе населения, с одной стороны, в сибирские города, а с другой стороны—в Вятскую и Пермские земли, усиленно заселявшиеся в XVII в., между прочим, выходцами с Двины. Изучение же писцовых и переписных книг того же века как сибирских, так и указанных частей Поморья подтверждает наблюдения, сделанные на материалах Двинского края.

В заключение, несколько слов о крайнем северо-востоке Поморской области. Русские поселения на р. Печоре и ее притоках Цильме и Ижме могли появиться не ранее XVI в., когда в результате многократных походов сначала новгородцев, начиная с XI в., а затем московских войск, в последний раз в 1499—1506 г.г. была покорена и замирена югра, жившая по сторонам Камня (Урала). Московские войска шли в 1499 г., кажется, по одному из обычных путей с Двины в Сибирь, проложенному еще в Новгородское время, а именно—по Пинеге, волоком в р. Кулой, далее по Белому морю до устья р. Мезени, р. Мезенью в Пезу, волоком в Цильму, Печору, и так далее до бассейна Оби (приток Печоры—Щугор, волок, р.р. Сыгва и Сосьва, впадающие в Обь). Ко времени похода 1499 г. относится возникновение Пустозерского острога; «самоядь пустозерская», по данным 1574 г., в количестве 40 человек жила от него в расстоянии от 100—200 в. и больше. Два других поселения края—слободка Усть-Цильма и Усть-Ижма возникли в первой половине XVI в. В 1492 г. по случаю открытия серебряных и медных рудников на Цильме Московское правительство послало туда «деловцев»...«кому руда копати», с Устюга 60 человек, с Двины 100, с Пинеги 80, пермичь и вымичь и вычегжан и усоличь 100». Но, повидимому, это переселение не было постоянным, т. к. основание слободки против устья Цильмы произошло лишь 50 лет спустя. По словам англичанина Логана, в 1611 г. в Пустозерске было не меньше 200 дворов, сгоревших наполовину в этом году. Однако, уже в 1638 г. там было всего 44 посадских двора да 10 вдовых дворишков, через десять лет там насчитывалось только 36 посадских и 2 вдовых; что же касается Усть-Цилемской слободки, то по тем же сведениям 1638—1647 г.г. число дворов ее возросло с 15 по 37,—такой же прирост наблюдается и в Ижемской слободке (с 21 двора до 59).

IV.

Низовская колонизация на Севере.

1.

После Великого Новгорода вторым базисом колонизационного движения Руси на Север был московский центр—пространство между верхнею Волгою и Окою. Начиная с XII столетия, этому пространству суждено было стать средоточием русских народных сил. Слабое и разрозненное финское население легко уступало здесь свои места славянам—пришельцам из Новгородской Руси. С незапамятных времен кривичи и словене с варягами проникли в эти места, основали среди финнов-аборигенов свои города (Ростов, Суздаль) и стали от них распространять хозяйственные заимки по Волге и Оке. Позднее в соседстве с северно-руссами подошли сюда с юга и юго-востока и восточно-руссы—вятичи и сели по верхней и средней Оке. Под напором русских племен финны исчезли из края, отодвинувшись на северо-восток или же растворившись в русской стихии [1]).

Таким образом, на пространстве между верхнею Волгою и Окою создалось сплошное русское население и чем хуже складывалась обстановка для Руси на юге под ударами степняков, тем энергичнее двигалась Русь из пределов лесо-степи в «Залесье», на Оку и Волгу, и тем плотнее заселяла она их междуречье. Между северно-руссами и восточно-руссами, суздальцами и рязанцами, не было мира и кипела вражда за колонизуемую землю Вятичи-рязанцы поставили предел распространению северно-руссов на юге за Оку, а последние в свою очередь не пускали на север «полоумных смердов» и «чудищ» рязанцев. Тем не менее быстрое заселение «Залесья» повело к замечательному подъему культуры в крае, вызвало здесь рост народных сил и высоко подняло политическое значение великого княжества Суздальско-Владимирского. В исходе XII века великий князь Владимирский Всеволод Юрьевич представлялся современникам могучим властителем который смог бы «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти», так отзывалось о нем «Слово о полку Игореве», разумея силу его ратей. Памятники вещественной культуры, как ни мало их сохранилось от Суздальщины XII века, свидетельствуют о расцвете художественного вкуса и о материальном богатстве северных князей-храмоздателей, восхищавших население своими постройками. С восторгом летописец говорит о Ростовских и Владимирских храмах, что над ними трудились, «изо всех земель мастеры» и что храмы были так «дивны и велики», как не бывали прежде и не будут впредь. Не раз мелькает в памятниках той эпохи такое восторженное изумление перед деятельностью Владимиро-Суздальских князей и перед успехами северно-русской гражданственности до-татарской эпохи. Конечно, эти успехи стали возможны лишь потому, что Суздальская земля (по словам А. А. Шахматова) «вместе с княжескою властью переняла от Киева его культуру и просвещение». «В течение недолгого своего существования (говорит А. А. Шахматов) Киев успел выработать идею национальной княжеской власти, положить основания своеобразной и устойчивой культуре, приобщить все русские племена к христианству и создать националь-

---

[1]) А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка (1915), введение.—Его же. Введение в курс истории русского языка (1916), стр. 110 след.—С. М. Середонин. Историческая география (1916), стр. 208—215.

ную церковь. Все эти блага цивилизации стали общим достоянием русской земли. Они открыли возможность роста и развития новым центрам, создававшимся при тех или иных новых условиях народной жизни» [1]). Казалось, началам киевской культуры суждено было блестящее развитие на русском северо-востоке. Но пришли татары, и все изменилось в Суздальщине: не только приостановились успехи гражданственности, но совершилось перемещение самого населения и руководящих центров края.

Очень любопытны наблюдения М. К. Любавского над последствиями татарского завоевания XIII века в Суздальской земле. «В XII и большей части XIII века население Суздальской земли (говорит он) группировалось преимущественно в средней ее части и восточной, а западная окраина ее, территория позднейшего княжества Московского и Тверского, была слабо заселена... На такое именно, а не иное размещение населения указывает и самое распределение княжений в Ростово-Суздальской области в XIII веке. Большая часть княжений в XIII веке группировалась именно в средней и восточной частях Ростово-Суздальской области, каковы были: великое княжение Владимирское, княжение Ростовское, Ярославское с Белозерским, Костромское, Галицкое, Юрьевское, Переяславское, Суздальское и Городецкое. В западной части Суздальского края встречаем только два княжения—Тверское и Московское... Если собрать все летописные указания на населенные пункты в Суздальской области за XI—XIII в.в., то совершенно ясно вырисовывается, что в этой области раньше и гуще заселились бассейны средней и нижней Клязьмы и Поволжье от впадения Шексны до впадения Оки» [2]). Именно на эти места и направлялись чаще всего и сильнее всего удары татарских полчищ в XIII столетии. Батый опустошил все это пространство; «то же происходило и после Батыева нашествия, когда Суздальскую землю стали периодически навещать татарские баскаки с отрядами ш в особенности в последние два десятилетия XIII века, когда происходила усобица между сыновьями Александра Невского». Под ударами татар и притеснениями их баскаков население не хотело оставаться. «Вероятно, уже после первого погрома часть населения, попрятавшаяся в лесах, не пожелала вернуться на старые пепелища и предпочла уйти подальше от татар—на запад и север, в более лесистые и пустынные области». И в дальнейшие десятилетия повторялось то же самое: люди уходили с обжитых мест в более безопасные. «Перелив населения с востока на запад Суздальской земли и обусловил естественно возвышение княжеств, лежавших на западе этой земли,—Тверского и Московского» [3]). Отход же населения с Волги на север начал собою первые этапы Суздальской и Московской колонизации Заволочья и Поморья. Соображения М. К. Любавского остроумны и основательны. Они становятся наглядно ясными, если поставить их в связь с обычными маршрутами той эпохи. Между Рязанью и Владимиром не было в ту эпоху прямого пути. Между ними лежала непроходимая болотистая «Мещерская сторона», сквозь леса и топи которой и в позднейшее время не было путей. Это пространство (между нынешними Рязанью, Егорьевском, Покровом, Судогдою, Меленками и Касимовым)

---

[1]) А. А. Шахматов. «Очерк древнего периода истории русского языка», стр. VI—XI.

[2]) М. К. Любавский. «Возвышение Москвы» в издании «Москва в ее прошлом и настоящем», часть I, стр. 69.

[3]) Там же, стр. 70—71. Так же М. К. Любавский, «Лекции по древней русской истории» (1915), стр. 215—218.

надобно было обходить, идя с юга—или вправо на Муром или влево на Москву. Татарские рати избирали первое направление и тем самым оставляли Московские и Тверские места далеко влево от главной арены своих кровавых действий. Их удары обрушивались на среднее и нижнее течение Клязьмы и через Клязьму на Ростов и Волгу. До Твери и Москвы очередь доходила не всегда. В их области уходили те, кто не успевал уйти за Волгу. Москва и Тверь полнились народом так же, как стали полниться бегльцами Костромские, Галичские и Вологодские места. Века XIV и XV—это время усиленной колонизации с юга на север на перерез колонизационным потокам, струившимся в Заволочье из Новгородчины.

2.

История первых низовских заимок на севере очень темна. Из грамоты Владимирского великого князя Андрея Александровича (на рубеже XIII и XIV столетий) мы узнаем, что по договору с Новгородом великий князь посылал «на море» за ловчими птицами «ватаги» своих ловцов и пользовался преимущественным правом «ходити на Терскую сторону», куда новгородцы «не ходят». Так как подобные же грамоты о сокольниках Ивана Калиты определенно говорят о «Печерской стороне», «Кегрольском волоке» и адресуются «на Колмогоры», то можно с уверенностью заключить, что дело в грамотах идет о Зимнем береге Белого моря и Печерском крае, т.-е. о том крайнем северо-востоке, который всегда славился своими соколами. Так как обладание этими «местами», по грамоте князя Андрея Александровича, было его наследственным правом и «пошло (по его слову) при моем отце и при моем брате», то, значит, великокняжеские владения на крайнем севере восходили по крайней мере к середине, если не к началу XIII века. Уже тогда подчиненное Новгороду местное население на С. Двине, Пинеге и Кулое давало «ватагам» великого князя «с погостов корм и подводы по пошлине». Уже тогда великий князь «приказывал» Печерскую сторону с ее ловищами своему приказчику, который при том ведал «Погост Кегрольский волок» по пошлине, «как то было (пишет Иван Калита) при моих дядях и при моем брате при старейшем» [1]). Так намечается важный факт раннего существования ловческих заимок на севере у низовских людей. Раз были эти заимки, были, стало быть, и постоянные пути с юга на север, которыми могли пользоваться не одни, конечно, князья, но и все подвижные элементы низовского населения. В историческом письменном материале нет, однако, точных указаний на то, как и когда в XIII—XIV в.в. началось движение на север по этим путям. Есть только намеки на распространение в северном направлении княжеских вотчин Московских, Ростовских и Ярославских князей и на значительное развитие монастырской колонизации в северном направлении.

Повидимому, ранее других княжеских линий и далее их ушли на север Ростовские князья. Род их рано ослабел и обеднел; многие его линии измельчали, и, потеряв характер владетельных князей, обратились в простых вотчинников с княжеским титулом. Уступая свои коренные земли властной Москве, Ростовские князья вознаграждали себя заимками на севере. В начале XV века многие из них оказались владельцами большого количества земель на реке Ваге и ее притоках, на С. Двине, на р. Емце и Мехренге. Десятками перечисляются эти земли в Московских «списках Двинских

[1]) А. А. Экп. I, №№ 1, 2 и 3.

земель», как выморочное имущество, перешедшее после Ростовских собственников в распоряжение великого князя всея Руси [1]). Столь счастливое распространение княжеских заимок, конечно, сопрягалось с движением на эти заимки и рабочего люда, подвластного Ростовским князьям. Так создавалась на дальнем севере «Ростовщина»—проводница московского влияния и власти.

Одною из отраслей Ростовского княжеского рода была линия князей Белозерских, владения которых «расположились кольцом кругом Белоозера, удаляясь от него на юг в бассейне Шексны, где они встречались с вотчинами Ярославских князей» [2]). Белозерские князья под фамилиями Кемских, Ухтомских, Сугорских, Шелешпанских и др. представляли собою еще более типичные образцы измельчавших владетелей, чем их Ростовские сородичи и соседи. Из них князья Кемские на мелких родовых вотчинах по р. Кеме, с севера впадающей в Белоозеро; князья Ухтомские на р. Ухтоме [3]) в Пошехонье, где их соседями были Сугорские, Белосельские и (через Шексну) Андомские и Вадбольские князья. Вся местность по верхней Шексне, по р.р. Суде, Андоге и по берегам Белоозера была освоена княжескою колонизациею, плодами которой пользовался впоследствии Кириллов монастырь, сумевший исподволь перевести княжеские вотчины в свое обладание.

Не менее Ростовского рода разветвившийся и измельчавший Ярославский княжеский род также тянулся на север, из своих коренных Ярославских мест. «Вотчины Ярославского княжеского рода перемешивались с вотчинами Белозерских князей в бассейне Шексны, Мологи и Кубенского озера; эти реки и озеро с их притоками были центральной областью, в которой сгруппировались владения Ярославских князей, обломки их бывших уделов» [4]). Из Ярославских владений выделился прежде других удел Моложских и (Прозоровских) князей на р. Мологе; затем Новленских князей в Пошехонье и удел Заозерско-Кубенский, состоявший из земель вокруг Кубенского озера. Если сообразить по карте расположение всех этих княжеских владений, Ростовских и Ярославских, то нетрудно заметить, что от Верхней Волги через Мологу, Суду, Шексну, Кубенское озеро и р. Кубену на Вагу и в Подвинье, на далекий север, протянулась цепь колонизационных княжеских заимок, простершихся по С. Двине до самого моря и даже до Терского его берега. Когда Москва окончательно стала торжествовать над своими соперниками и врагами (Тверью, Нижним, Рязанью) и обратилась в собирательный великорусский центр; она наложила свою владетельную руку на мелкие северные заимки ослабевших удельных князей и с необыкновенною быстротою стала обращать их в свою собственность.

Иногда это была «купля» (если старинный термин «купля» понимать в нашем современном смысле приобретения путем торга за деньги или иные

---

[1]) А. А. Э. I, № 94. Сравн. Д. К. Зеленин «Великорусские говоры» (1913), стр. 438—439.

[2]) С. В. Рождественский. «Служилое землевладение в Московском государстве XVI века (1897), стр. 153 и след.

[3]) Рек с названием Ухтома, «Ухтомка» несколько. По актам князья Ухтомские приурочиваются к р. Ухтоме, притоку Согожи, в Пошехонье. Но возможно предполагать их вотчины и на Ухтоме, впадающей в Белоозеро.

[4]) С. В. Рождественский, стр. 158—159.

ценности [1]), иногда это имело форму добровольного присоединения удельного владетеля с его земельными владениями к Москве, как государственному и народному средоточию, иногда же присоединение было явно насильственным делом, даже не завоеванием после открытой и честной борьбы, а простым захватом по праву силы. Уже Ивану Калите приписывались обширные «купли» на Галиче и Белоозере и разного рода мелкие приобретения в Ростовском уделе, в Угличе, на Кержаче; в завещаниях же последующих московских князей мелькает масса «прикупов» и «купель» в северных районах Великорусья. О добровольных челобитьях удельных князей Волжских и Заволжских в службу Москве известия идут с первых же десятилетий московского возвышения. Уже на Куликовом поле в 1380 г. бьются «подручники» Московского князя, многие князья Белозерские, Кемские, Андомские, Ярославские и другие, пришедшие на Москву по приказу Дмитрия Донского, «крепцы суще и мужественны на брань, с воинством своим» [2]). Иногда добровольный и мирный приход в Москву удельных князей на деле совершался далеко не по доброй их воле и по собственному почину, и присоединение к Москве вызывало горькие мысли и слова не только у присоединяемых, но и у сторонних зрителей. Несмотря на страх, внушаемый московской силой, и обожание, вызываемое успехами и подвигами собирателей Руси Московских князей, русские люди осмеливались осуждать их и отзываться с язвительной иронией, или даже с открытым негодованием, на проявление московской жестокости и самовластия. В изученной А. А. Шахматовым Ермолинской летописи нашлись две поразительных статьи, ярко рисующие московские приемы «присоединения» и отношение к ним независимой земской совести. В этих статьях, говорит А. А. Шахматов [3]), «слышится голос современника о событиях, поразивших его своею жгучею действительностью; рассуждая о них, он раскрывает свою душу, прибегая при этом то к энергическому обличению, то к жестокой насмешке. Редко проскакивают подобные места в дошедшие до нас летописи: их стирала рука переписчиков, уже чуждых тех страстей, которые волновали современников; их умышленно изгоняли редакторы официальных сводов (летописных)». Первая из этих статей не имеет прямого отношения к нашей теме: ее автор с чувством сильнейшего нравственного возмущения и протеста рассказывает о жестоких казнях за «измену», учиненных в 1462 г. в Угличе по приказу Великого князя Василия Темного над людьми заточенного там удельного князя. Зато вторая статья дает любопытнейшее описание способов, какими Москва при Иване III «мирно» приобретала Ярославские земли. С неподражаемой иронией летописец под 1463 г. сообщает, что в Ярославль явились чудотворцы «Князь великий Федор Ростиславович Смоленский и с детьми, со князем Константином и с Давидом, и почало от их гроба прощати (т.-е. исцелять) множество людей бесчисленно». Однако, эти чудотворцы «явились не на добро всем князьям Ярославским», так как исцелили или освободили последних от их родового имущества:

---

[1]) В древне-русском языке это слово имело более широкое значение—покупки, торговли, места торга, товара, условия или договора, наконец, совокупления, соединения. И. И. Срезневский «Материалы для словаря древне-русского языка».

[2]) Полн. Собр. Р. Летописей, XI, стр. 52. Летописец перепутал имена некоторых князей, но участие в походе Донского его служилых князей, повидимому, достоверно.

[3]) А. А. Шахматов «Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод». (Известия Отд. р. яз. и слов Ак. Наук, т. VIII (1903 г. IV), стр. 80 и сл. (Отд. оттиск, стр. 9 и сл.) П. Собр. Р. Летоп., XXIII, стр. 157—158.

*

«простился со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь великий против их отчины (т.-е. в воздание за нее) подавал им волости и села». Ядовито замечает летописец, что эта мена политической территории на мелкие частичные земли произошла по ходатайству за Ярославских князей великокняжеского дьяка: «а из старых печаловался (т.-е. заботился, просил) о них князю великому старому (Василию Темному) Алексий Полуектович, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была». Так иронически внесена утрата княжеских земель в число чудес от новоявленных князей-чудотворцев». Но ирония этих слов (замечает А. А. Шахматов) глубже... Ермолинский список позволяет думать об ироническом отношении летописца и к самому чудесному явлению мощей Ярославских чудотворцев». Он говорит далее: «А после того в том же граде Ярославле явился новый чудотворец Иван Огафонович, сущий созиратай (соглядатай, лазутчик) Ярославской земли: у кого село добро, ин отнял; а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя; а кто будет сам добр боярин или сын боярский, ин его самого записал. А иных его чудес множество не мощно исписати и исчести, понеже во плоти сущий дьявол» [1]). Горечь этого обличения так велика, что граничит с религиозным вольнодумством; тем изобретательнее обрисованы приемы «сущего дьявола» Ивана Агафоновича и его предшественника Алексея Полуектовича. Московские дьяки внедрились в чужое княжество его «созиратами»; один заботился об уничтожении политической самостоятельности князей, при которых состоял, и довел дело до добровольной «мены» княжих земель и до подчинения их владельцев Московскому владыке; другой по мелочам подбирал в скрибу и казну великого князя людей и земли, не уступая никого и ничего, и «его чудес множество не мощно исписати и исчести». Оба действовали, так сказать, на законных основаниях без грубых насилий, склоняя слабых к послушному подчинению силе и выдавая вынужденное послушание за добровольное согласие. Но бывали случаи, когда московские агенты не прикрывали своих действий мягкими формами печалования и внешне-правильной записи в службу, а считали возможным действовать открытым «насилованием». В летописной повести о преподобном Сергие Радонежском [2]) находим яркую картину такого насилования. Преподобный Сергий был в свое время одним из влиятельнейших сторонников Москвы и много поработал для ее возвышения; однако, родители его от московских насилий убежали из Ростова в Радонеж, «быша пересельници на земли чужие» и на старости обнищали и оскудели. В детстве своем Сергий видел у родителей своих «худость и старость и во всем скудность и последнюю нищету» и сам «в посте и в труде жестокое житие живяше». Между тем, раньше в Ростове отец Сергия был «един от славных и нарочитых бояр, богатством многим изобилуя». Богатство его таяло от разных причин и прежде всего от татарских «частых тяжких дапей и выходов»; но окончательное разорение насту-

---

[1]) Рассказ о ярославских чудотворцах-князьях и об Алексее Полуектовиче и Иване Агафоновиче был известен до открытия Ермолинской летописи из других летописей, но без конца (кончая именно Ивана Агафоновича без его «чудес») и потому Иван Агафонович слыл за местного чтимого святого, чудеса и подвиги которого неизвестны. Е. Е. Голубинский включил его в список усопших на самом деле не почитаемых, но имена которых внесены в каталоге святых («История канонизации святых в русской церкви», стр. 580 и 345).

[2]) П. Собр. Р. Летописей. XI, стр. 127 и сл.

пило с подчинением Ростова Москве при великом князе Иване Калите. Когда «достася княжение Ростовское к Москве», тогда у Ростовских князей отнята была «власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая, и потягну к Москве». Из Москвы был прислан в Ростов «воевода» Василий Кочева и с ним какой-то Мина; они возложили «велику нужу на град», и не мало ростовцев москвичам «имения своя с нужею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем со укоризною взимающе и тщима рукама отхожаху». Мало того, что простые граждане были граблены и биты, Кочева даже самого «епарха градского (т.-е градоначальника) старейшего боярина Ростовского именем Аверкий» повесил вниз головой («стремглав»), прибил и покинул «поругана, точию жива». «От таких бед, Ростовския ради нужа и насилования и злоб разбегошася людие мнози». Так Москва подчиняла себе Ростов, еще не переставший быть столицей особого княжения, но лишь подпавший Московскому протекторату. Частные имущества переходили в Московские руки, подготовляя этим переход в Московское обладание и всего княжества.

Добром и злом, силою и лаской, собирала Москва северную Русь. Она шла на север следом за слабыми удельными князьями, легко отбирая у них вотчины и самих князей властно «прибирая» на свою службу. Чем мельче и ничтожнее были эти князья, тем быстрее и легче можно было Москве отбирать земли, как от князей, так и от их подданных, не получавших защиты у своих «государей». Сталкиваясь на севере с господином Великим Новгородом, Москва от него одного встречала сопротивление и порою даже должна была ему уступать. В 1397 году, по Новгородскому рассказу [1]), Московский великий князь Василий Дмитриевич послал «за Волок, на Двину» своих бояр, «ко всей Двинской Свободе», предлагая двинянам: «чтобы есте задалися за князь великий, а от Новагорода бы есте отнялися». Москвичи обещали двинянам, «что князь великий хощет вас от Новагорода боронити, а за вас хощет стояти». Двиняне поверили, предались Москве, а Москва начала войну с Новгородом. На этот раз счастье изменило Москве. Новгородцы послали на Двину большие силы, прогнали оттуда московского наместника князя Федора Ростовского и подчинили себе отложившихся двинян. Они перенесли войну даже в Северные Московские волости: «поидоша на великого князя волости на Белоозеро и взяша Белозерские волости на щит»... и «Кубенские волости поимаша и около Вологды воеваша и Устюг город повоевав и пожегоша; и стояша на Устюге четыре недели... и в то время воеваша волости князя великого только за днище до Галича не доходиша». Москва, повидимому, не была готова к такому удару, и великий князь был вынужден помириться с Новгородом и оставить на время свои виды на Двину. Но прошло несколько десятилетий и внук Василий Дмитриевича Иван III уже окончательно захватил у Новгорода и Двину, и все его северные волости. В Поморье не стало иного государя, кроме московского великого князя. Все заимки разных правительств и все инородческие земли на Севере вошли в состав единого Великорусского государства и стали «вотчиною» великого государя «всея Руси». На него легла теперь забота о дальнейшем заселении Поморья и о преодолении еще неустраненных препятствий к свободному движению русского племени на дальний север и северо-восток.

---

[1]) П. собр. Р. Летописей, III, 98—100.

3.

Одновременно с княжескою политическою колонизацией Заволочья и Поморья, шла колонизация народная, главными деятелями которой были инок, отшельник, желавший тишины и душевного спасения, и пахарь, искавший безопасности и пропитания. В наступательном движении на север неизвестно кому из них принадлежало первенство. Иноки искали для себя «пустыни»; они «безмолвия» ради уходили из заселенных мест в еще не заселенную глушь, но отправлялись они обычно из округи уже занятой и хозяйственно обжитой, представлявшей собою недавнюю ступень в общем ходе заселения данной области. В свою очередь «пустынь», основанная иноками в необитаемой глуши, непременно притягивала к себе население, как только бывала находима случайными «приходцами» в их поисках новых хозяйственных займок. Взаимодействие монастыря и крестьянских деревень постоянно обнаруживается в бытовых рассказах (чаще всего в «житиях святых») и в деловых документах той эпохи. При этом взаимодействие не всегда бывало взаимным содействием. Случалось и так, что между монастырями и крестьянскими мирами происходила борьба за землю. Крестьяне нередко не допускали иноков в свое соседство, «боясь, что иноки овладеют их землями». А монастыри иногда и на самом деле испрашивали у князей в свою собственность всю ту округу, где стал монастырь, со всеми деревнями и «со крестьяны». Так, цепляясь друг за друга в своем движении, две общественные силы обращали поле колонизации в арену классовой борьбы. При этом победа почти всегда склонялась на сторону иночества: монастыри успели подобрать себе громадные пространства земель на севере и стали там крупнейшими и влиятельнейшими землевладельцами.

В «Курсе русской истории» В. О. Ключевского [1]) находим прекрасный и обстоятельный очерк распространения монастырей на русском севере и оценку последствий монастырской колонизации для государственного и общественного порядка. Автор замечает, что в XIII веке в северной Руси монастыри строились обычно в городах; «редко появлялась «пустынь», монастырек, возникавший вдали от городов, в пустынной незаселенной местности, обыкновенно среди глухого леса». Из всего количества известных монастырей до конца XIII века (их более сотни) «таких пустынок не насчитаем и десятка». «Зато с XIV века движение в лесную пустынь развивается среди северного русского монашества быстро и сильно: пустынные монастыри, возникшие в этом веке, числом сравнялись с новыми городскими (42 и 43), в XV веке превзошли их более, чем вдвое (57 и 27), в XVI веке — в полтора раза (51 и 35). Таким образом в эти три века построено было в пределах Московской Руси, сколько известно, 150 пустынных и 104 городских и пригородных монастырей».

Исключительно широкое и близкое знакомство В. О. Ключевского с рукописною литературою северно-русских житий святых [2]) дало ему возможность из мелких черт бытового материала в житиях составить яркую картину колонизационного движения иночества «в лесную глушь» русского

---

[1]) Часть II, лекции 34—36. Срвн. Н. Рожков «Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в.» (1899), стр. 317 и сл.; Н. Конопльев. «Святые Вологодского края» (в Чтениях Моск. Общ. ист. и древн., 1895, кн. IV).

[2]) См. его труд «Древне-русские жития святых, как исторический источник». М. 1871 («Я знаю до 250 агиографических произведений более чем о 170 русских святых», говорит Ключевский в «Лекциях», ч. II, стр. 319).

севера. Пустынные «монастыри основывались людьми, которые, отрекшись от мира, уходили в пустыню, там становились руководителями собиравшегося к ним братства и сами вместе с ними изыскивали средства для построения и содержания монастыря». Иногда отшельником и основателем монастыря становился человек «прямо из мира, еще до пострижения» (Сергий Радонежский); «но большинство проходило иноческий искус в каком-либо монастыре, обыкновенно также пустынном, и оттуда потом уходили для лесного уединения и создавали новые пустынные обители, являвшиеся как бы колониями старых. Три четверти пустынных монастырей XIV и XV в.в. были такими колониями, образовались путем выселения их основателей из других монастырей, большею частью пустынных же». Некоторые из северных монастырей оказались особенно частыми и удачными основателями колоний. «Первое место между ними занимал монастырь Троицкий Сергиев, возникший в 40-х годах XIV века; преп. Сергий был великий устроитель монастырей». Его призывали строить монастыри в разные города; и сам он «пользовался всяким случаем завести обитель, где находил то нужным». Так, на дороге в Нижний-Новгород, «мимоходом, он нашел время в глуши Гороховского уезда, на болоте при р. Клязьме, устроить пустынку, воздвигнуть в ней храм Св. Троицы и поселить старцев (т.-е. иноков) пустынных отшельников, а питались они лыками и сено по болоту косили». Из собственной Сергиевой обители в XIV веке «вышло 13 пустынных монастырей-колоний и 2 в XV».—«Потом ее ослабевшую деятельность в этом отношении продолжали ее колонии и колонии колоний, преимущественно монастырь преп. Кирилла Белозерского, вышедшего из основанного преп. Сергием подмосковного Симонова монастыря (в конце XIV века). Вообще в продолжение XIV и XV в.в. из Сергиева монастыря или из его колоний образовалось 27 пустынных монастырей, не говоря о 8 городских».

Значение колонизационной деятельности этой группы монастырей определяется тем, что именно ею «намечены были главные направления монастырской колонизации» в XIV, XV и частью даже в XVI столетии. «Если вы проведете (говорит В. О. Ключевский) от Троицкого Сергиева монастыря две линии, одну по р. Костроме на р. Вычегду, другую по р. Шексне на Белоозеро, этими линиями будет очерчено пространство, куда с конца XIV века усиленно направлялась монастырская колонизация из монастырей центрального междуречья Оки—Волги и их колоний. Небольшие лесные речки, притоки Костромы, верхней Сухоны и Кубенского озера, Нурма, Обнора, Монза, Лежа с Комелой, Пельшма, Глушица, Кушта унизывались десятками монастырей, основатели которых выходили из Троицкой Сергиевой обители, из Ростова (св. Стефан Пермский), из монастырей Каменного на Кубенском озере и Кириллова Белозерского. Водораздел Костромы и Сухоны, покрытый тогда дремучим Камельским лесом, стал русской Заволжской Фиваидой. «Но этим водоразделом не ограничилось монастырское движение. Оно шагнуло далее в Поморье «с Белоозера прямо на Соловецкий остров, сливаясь с боковым течением, шедшим туда же к Белому морю из Новгорода». С Белоозера же монастырская колонизация перешла в бассейн реки Онеги (монастыри Кенский и Ошевенский), а оттуда на Двину, где постриженник Кенской пустыни «основал среди озера на притоке Двины Спи Сийский монастырь». Одновременно с ним, в середине XVI века, возник еще севернее около Холмогор (в Чухченеме) монастырь Николаевский. Наконец, и на самом море появились в достаточном числе обители, из которых можно назвать монастыри Николаевский Корельский в Двинской губе,

Кандалакшский при устье р. Нивы, Усть-Кольский на устье р. Колы, и всех севернее Печенгский на Мурмане. Так далеко завлекала безоружных иноков-колонистов жажда «найти себе и дать другим надежный приют для строгой монашеской жизни и подвигов». Однако, высокий ценитель монашеских подвигов в древней Руси митрополит Макарий, давая общую историю монастырей в средней и северной полосе России [1]), не закрывает глаза на то, что рассеяние иночествующей братии по дебрям севера далеко не всегда имело своим началом ревность по вере и желание духовного подвига. Бродячесть иноков рождалась в общей наклонности населения к передвижению, в общем стихийном порыве, влекшем народные массы к освоению новых и новых пространств. Таков был дух века, и иночество подчинялось ему наравне со всеми. «Самая большая часть наших тогдашних обителей», говорит митрополит Макарий [2]): «были основаны едва ли не потому только, что устроять их было так легко и никому не возбранялось; едва ли не по одному увлечению основателей примером других, не по одному господствовавшему направлению в монашеском мире. Всякий инок, вскоре после своего пострижения, в каком-либо монастыре, уже начинал мечтать, как бы удалиться в пустынь, как удалялись другие, как бы основать свой новый небольшой монастырек или пустыньку... Случалось, что первый жар и увлечение проходили, и строители монастырей отправлялись скитаться по миру с иноками для собирания милостыни на свою обитель... а церкви, ими основанные, оставались пусты, без пения. Случалось, что подобные монастыри существовали год, два, три или закрывались со смертью своих основателей. Случалось, что иноки заботились об устроении себе отдельных пустынь для того только, чтобы жить на своей воле, не подчиняться никаким монастырским правилам... Эта страсть наших черноризцев уходить в пустыни и открывать новые монастыри заметна была еще в монгольский период, но не доходила до крайностей, как теперь. И неудивительно, если даже поселяне и землевладельцы, при всем тогдашнем уважении к монашеству, не всегда дружелюбно относились к таким пустынникам, напротив, старались вытеснять, удалять их из своих мест, а иногда даже умерщвляли» [2]).

Случаи вражды поселян и иноков, как бы часто они ни происходили, не определяли собою общего отношения крестьянства и иночества в деле колонизации. В основе, по выражению В. О. Ключевского, «монах и крестьянин были попутчики, шедшие рядом, либо один впереди другого», и монастырская колонизация имела очень важное и полезное значение для колонизации крестьянской. «Во-первых, лесной пустынный монастырь сам по себе, в своей тесной деревянной или каменной ограде, представлял земледельческое поселение», действие которого простиралось и на окружное население: «вокруг пустынного монастыря образовывались мирские, крестьянские селения, которые вместе с иноческою братиею составляли один приход, тянувший к монастырской церкви». Случалось, что «впоследствии монастырь исчезал, но крестьянский приход с монастырскою церковью оставался». «Во-вторых (продолжает В. О. Ключевский), куда шли монахи, туда же направлялось и крестьянское население... Не всегда можно указать, где которое из обоих движений шло впереди другого, где монахи влекли за собою крестьян, и где было наоборот; но очевидна связь между тем и дру-

---

[1]) История русской церкви, т. VII, стр. 54 и сл. (изд. 1874 г.).

[2]) Любопытные подробности об этом у Н. Коноплева («Святые Вологодского края» стр. 124—130).

гим движением. Значит, направления, по которым двигались пустынные монастыри, могут служить показателем тех неведомых путей, по которым расходилось крестьянское население». Соседство крестьян и монахов нередко выражалось в тесном их содружестве. «В житиях есть намеки на то, что отшельники, строя церкви и при них монастыри, нередко имели в виду доставить расходившимся по заволжским лесам переселенцам возможность помолиться, постричься и похорониться в недалеком храме с обителью». Так, Дионисий Глушицкий (на верхней Сухоне) строит в разных местах один храм за другим «на прихождение православному христианству», ибо, «не бяше тогда церкви на том месте», а деревни вокруг все множились. Трогательную повесть о единении преп. Макария Желтоводского с окружавшими его мирянами находим в его житии. Начал он с того, что основал пустыньку около Решмы на Волге, где его хижина привлекала к себе мирское население. Конечного ради безмолвия он оставил эту свою обитель, ушел на левый берег Волги и поселился в «зело малой пещере», среди озер, на Желтых водах. И здесь нашел его народ: «к нему отовсюду стекахуся миряне множайшие», потому что «братолюбив бяше зело во общем жительстве». Даже окружающие новую обитель Макария черемисы относились к нему хорошо, так как видели «нестяжательное в пустыне его пребывание». Они приносили ему «яже на потребу», пшеницу и мед, и «славили» его, а он и этих «сарацин любезно приемаше и упокоиваше». Но не пощадили обители Макария татары, завоевавшие этот край (1439). Они разорили монастырь и его села, избили монахов и поселян, а остаток живых и в том числе самого Макария, взяли в плен. Однако, татарский воевода освободил старого настоятеля, отдал ему всех уцелевших его людей, но с условием оставить Желтые Воды, «понеже (сказал он) земля та наша есть, Казанскому царству прилежащая». Макарий увел остаток своей паствы, иноков и мирян с семьями, на север, в область Галича. Дойдя до реки Унжи, они осели в бывшем там городке; но сам Макарий снова отделился от спасенных им сожителей. Он в третий раз отыскал себе «место достойно молчания» и построил хижину в 15 верстах от города. Здесь прожил он еще пять лет, не оставляя своими заботами близких ему горожан; среди них он и скончался (1444 г.), завещав похоронить себя «в пустыни его, идеже житие имяше». И пустынь почитаемого отшельника вскоре разрослась в значительный Макарьев-Унженский монастырь.

4.

Итак, по замечанию В. О. Ключевского, направления, по которым двигалась монастырская колонизация на север, могут служить «показателями тех неведомых путей», «по которым расходилось крестьянское население» в его стихийном движении на север и северо-восток. В древнем Владимиро-Суздальском (потом Московском) великом княжестве наиболее северными областями были Ярославское и Костромское княжества. Русское население в них сидело исстари, с тех пор, как Русь вообще стала оседать на верхней и средней Волге. В Заволжских частях Ярославского княжества по рекам Шексне и Мологе уже в XIII—XIV в.в. были свои особые князья Моложские, Белозерские, Шехонские. Главным образом в XIII в. в бассейне реки Костромы уже существовало особое Галичское удельное княжество. Но, составляя исконные части Владимирского княжества и имея старинное русское население, эти заволжские области представили собою первые на севере пространства, куда начали вливаться народные массы,

поднятые с юга татарскими погромами. Они стали здесь первыми колониями для Владимиро-Суздальской метрополии, как первою колониею для нее на востоке стала Нижегородская окраина до Курмыша на реке Суре. Обстоятельства сложились так, что из этого Заволжского пространства между р.р. Шексною и Унжею дальнейший выход был затруднен. На западе лежали новгородские погосты, откуда шла на северо-восток своя волна колонизации. На севере, на волоках между Волжскими притоками и Поморскими реками (главным образом Сухоною), залегли громадные леса, сами по себе представлявшие трудно одолимую преграду; а за ними были «волости Новогородские», куда господин Великий Новгород норовил не пускать низовских людей. За окрестности Вологды и за берега Сухоны шла долго глухая постоянная борьба между Новгородскою и Низовской властью, Новгородской и Ростовской церковью, Новгородским и Суздальским населением [1]). С большим трудом и длительными усилиями южные «приходцы» пробились на Сухону и отодвинули новгородскую границу с водораздела Кострома-Сухона на водораздел Сухона-Вага, переведя этим самым Вологду, Тотьму и Устюг в сферу Низовского влияния (позднее—под московскую власть). В этой долгой борьбе за волоки пустынным монастырям достались большие труды и весьма важное значение передовых бойцов южной колонизации. Если выход в Заволочье и Поморье сопряжен был с разного рода трудностями и требовал борьбы, то и движение на восток, через р. Унжу было надолго затруднено, даже можно сказать, вовсе остановлено. В лесах между Унжею и Ветлугою (так хорошо описанных П. И. Мельниковым) в XIV веке сидели черемисы, сдвинутые туда с юга мордвою. Все попытки русских от Галича и Костромы продвинуться к Ветлуге через Унжу, встречали отпор со стороны этой народности. Когда же в XV веке черемисы подчинились казанским татарам, дело для русских стало, пожалуй, еще хуже: черемисы сделались активнее, и в Унженских (или «Унежских») лесах «бесперестани жила черемисская война». Разбои черемис на рубежах и набеги их на Галицкие места и на волока к Сухоне стали обычными и угнетали русское население. Необходимы были крутые и крупные меры, чтобы добиться спокойствия и безопасности, и они принимались. В 1468 г. большая рать великого князя Ивана Васильевича опустошила всю Черемисскую землю. На Николин день (6 декабря 1467 г.) в «студеную зиму» воеводы московские собрались в Галиче и пошли на черемис лесами «без пути». На Крещение (6 января 1468 г.) пришли они в землю Черемисскую и прошли ее всю: «до Казани за один день не доходили». Летопись резкими чертами рисует разорение черемис: «много зла учиниша земле той: людей иссекоша, а иных в плен поведоша, а иных изожгоша; а кони их и всякую животину, чего нельзя с собою имати, то все иссекоша; а что было живота их, то все взяша; и повоеваша всю землю ту, а досталь пожгоша» [2]). Позже, с подчинением Казани (1552 г.), Москва систематически повела покорение и замирение Черемисской земли между р.р. Волгой и Вяткой. «В Черемисской стороне было сооружено несколько крепостей: Козмодемьянск, Цивильск, Кокшайск, Санчурск, Уржум. Главные водные пути страны—Ветлуга, Кокшага и Цивиль—были

---

[1]) А. О. Экземплярский, «Великие и удельные князья Сев. Руси», II, стр. 366—368; И. Покровский, «Русские епархии в XVI—XIX в.в.», стр. 103 и сл. 114 и сл.; Д. К. Зеленин, «Великорусские говоры», стр. 436 и сл.

[2]) П. собр. Р. Летопис., XII, стр. 118—119.

теперь заперты» [1]). Черемисы были усмирены, и через их землю прошел новый путь от Нижнего через Яранск на Урал и в Сибирь. С этих пор преграда для русского населения за Унжею перестала существовать, и открылась дорога с Унжи на Вятку через город Котельнич.

В такой обстановке, местности по р. Костроме и на холмистом плоскогорье вокруг озер Галицкого и Чухломского оказались весьма заселенными. Колонизация приводила сюда народные массы в общем их движении с юга на север и северо-восток; волна за волною вливались они в этот край, не имевший до времени свободного выхода, и оседали в нем, уплотняясь все более и более. Все плоскогорье было заселено и распахано уже в XV веке, и Галицкие князья получили в свое распоряжение большие хозяйственные средства. Людный и богатый удел дал возможность князю Юрию Дмитриевичу и его сыновьям, Косому и Шемяке, начать и долго выдерживать борьбу с московским князем Василием Темным за великое княжение. Когда в 1425 г. в самом начале этой борьбы, московский митрополит Фотий поехал к Юрию в Галич «о миру», чтобы склонить его к соглашению и покорности, Юрий устроил ему торжественную встречу и показал ему свою силу: «собра всю отчину свою и срете его с детьми своими и с бояры и с лучшими людьми своими; а чернь всю собрав из градов своих и властей, и из сел и из деревень, и бысть их многое множество, и поставя их по горе от града, с приезда митрополича, сказывая и являя ему многих людей своих». Митрополит был удивлен многолюдством и понял, что это своего рода политический ход против него и против Москвы. Он не скрыл своего удивления и сказал: «сыне князь Юрьи, не видах столько народа во овчих шерстях» («вси бо бяху в сермягах», поясняет летописец [2]). Летописное сказание о Галицком многолюдстве можно подтвердить и точными данными, правда позднейшими: по официальному подсчету второй половины XVII века, уезды Костромской и Галицкий оказались в числе наиболее богатых по населению во всем государстве. Костромской занимал даже первое место (40.122 двора), а Галицкий—пятое (31.204 двора) из 128 сочтенных уездов Европейской России [3]). Понятно, что когда с переходом Поморья и Поволжья в московские руки уничтожены были препятствия к выходу на север и восток из Костромских и Галицких мест и из Ярославского Заволжья, то скопившееся здесь население с особою энергиею пошло на новые места.

Вопрос о том, как далеко на север проникло в Вологодском крае колонизационное течение с юга, с Волги, вызвал несколько исследований [4]). В их результате можно сказать, на основании исторических и лингвистических наблюдений, что границей между Новгородским и Суздальско-Московским течениями колонизации может служить линия Белозерск—В. Устюг. Конечно, это лишь приблизительное определение: спорным остается вопрос, например, о верховьях Волги, где среди Новгородской стихии известна группа селений с именем «Ростовщины», и о самом Устюге, первоначальное население которого не может быть точно определено. Справедливо то мнение,

---

[1]) И. П. Смирнов. «Черемисы» (1889), стр. 35 и сл.; Платонова «Очерки по истории смуты», глава 1-ая, VI.

[2]) П. Собр. Р. Летоп., XII, стр. 2; VIII, стр. 92.

[3]) «Описание документов и бумаг Моск. Арх. М. Юстиции», IV. Н. Н. Оглоблин. («Обозрение историко-географич. материалов», стр. 404—405, 488—489).

[4]) О них у Д. К. Зеленина, «Великорусские говоры», § 163; Н. Рожков («Сельское хозяйство Моск. Руси», стр. 317—332) посвящает этому вопросу большое внимание.

что на значительных путях и в торгово-промышленных пунктах население всегда смешанное и что пришлое население «не засиживалось долго на одном месте, а шло дальше частью в своем естественном движении с подсеки на подсеку, частью же в одном стремлении к лучшему» (слова Д. К. Зеленина). Попадая с юга на Сухону, пришельцы двигались по ее течению и, следуя природному расположению путей, выходили на С. Двину; но, встречая там Новгородскую струю колонизации, они не шли далее на север, на низовья Двины и на Вычегду, а попадали на р.р. Юг и Молому—в Вятскую землю. Вот почему (заключает Д. К. Зеленин, стр. 442) «теперешнее население Вятки гораздо ближе к ростовцам, чем к новгородцам».

5.

Данные языка и истории, повидимому, ведут к одному и тому же заключению, что первоначальное заселение Вятской земли русскими поселенцами совершалось с севера, но что в этом заселении приходцы с юга играли не меньшую роль, чем колонизовавшие Подвинье новгородцы. Путь на Вятку русских людей, наиболее доступный, в древности, был один: с С. Двины и Сухоны на р. Юг, а с р. Юга или на р. Молому и Вятку, или же на р. Лузу, приток р. Юга, и р. Летку (Ледьку), приток Вятки. Это и был путь с севера. Пути же на Вятку с запада и юга были для русских недоступны, они были плотно забиты инородцами, и открылись только с покорением Казанского царства (1552) и построением города Яранска (1584), через который прошла новая дорога на Вятку и Пермь из Нижегородских мест. Когда именно русские стали пользоваться северным путем на Вятку, точно неизвестно. Пресловутая «повесть о граде Вятке» с ее известием, что «новгородцы-самовластцы» в XII веке основали г. Хлынов на р. Вятке и в нем «законы и обычаи новгородские имяху на лета многа»,—эта повесть всеми теперь признается баснею XVII века. Мнение, что Вятка стала русскою колонией уже в XII столетии, поддерживается, повидимому, одним А. И. Соболевским, который первых русских насельников на Вятку ведет из Белозерской области [1]). Исторически известно только то, что, начиная с XIV века, когда участились набеги новгородских ушкуйников (речных пиратов) на Волгу, местом их подвигов стала и Вятская земля. Ушкуйники побывали на Волге в 1366, 1371, 1374, 1375, 1391 г. [2]). В 1374 г. они появились на Вятке, по всем вероятиям, с севера, «пограбиша Вятку» и пошли «на низ Вяткой» в 90 ушкуях. После грабежей на Волге и Суре они сожгли свои ушкуи и «сами поидоша к Вятке на конех», по пути ограбив села на р. Ветлуге. В 1391 г. набег повторился: Ушкуйники появились на Вятке с севера, пошли «рекою Вяткою на низ», пограбили Казанские места и «тако возвратишася во свояси со многою корыстию и богатством». Есть мнение, что и все вообще свои набеги на Волгу ушкуйники предпринимали с севера «через Каму, куда они научились проникать по р. Вятке» [3]). Но если держаться этого мнения, все же нельзя считать разбойничьи шайки за колонизаторов края, как бы часто они ни появлялись на Вятке и как бы долго ни задерживались среди местного вотяцкого населения. Это был бродячий люд, имевший в виду возвратиться «с добычею» «во свояси». «Первая серьезная попытка русской

---

[1]) «Русск. Филол. Вестник», 1906, № 1—2.

[2]) П. Собр. Р. Лет. VIII, стр. 13—14, 18, 21, 23, 24, 61; XI, стр. 6, 15, 20, 23—24, 126.

[3]) А. А. Спицын «Древнейшая судьба Вятской области».

колонизации Вятского края», говорит А. А. Спицын: «была сделана, можно думать, только в начале XV века, именно Суздальским князем Семеном Дмитриевичем». Неудачливый противник московских князей, он попал в руки московского великого князя Василья Дмитриевича и «покорися» ему на всей воле его. Великий князь «пожаловал» его и, не возвратив ему его вотчины, Нижегородского княжения, отправил его с семьею на Вятку, вероятно, как на удел. Но князь Семен Дмитриевич прожил на Вятке всего с полгода и скончался, не успев устроить своего удела; а после его смерти Вятская область вошла прочно в состав московских владений и перешла в собственность Галицких князей. В последовавшей затем борьбе Галицких князей с Москвою, Вятка играла заметную роль; по договору Василия Темного с Дмитрием Шемякою в 1448 г. она отошла к Василию Темному и стала волостью великого князя Московского. Долгая смута между московскими князьями, а затем борьба Москвы с Новгородом и казанскими татарами помешали Москве установить на Вятке прочный порядок. Во второй половине XV века «вятчане» (под которыми надо разуметь все вообще население Вятской области, и русское и инородческое) проявили большую склонность к своеволию и разбойным набегам. Они не повиновались московским властям, имели у себя каких-то «воевод земьских» и «с поганством соединяющеся» (т.-е. с инородцами) грабили Сысолу, Вымь и Вычегду (зырян). Увещания из Москвы не помогли [1]); в 1458 и 1459 г.г. последовала репрессия. Московские воеводы пришли на Вятку с большою ратью, взяли города Котельнич и Орлов и осадили Хлынов. Вятчане смирились, но в последующее время (1466 г.) стали опять разбойничать на С. Двине, а затем сделали было попытку вовсе отложиться от Москвы. В 1486 г. они, «отступив» от великого князя, пришли ратью на Устюг. То же повторилось и в следующие годы, так что в 1488 г. даже особые воеводы великого князя «берегли земли Устюжские от вятчан». Москва решилась покончить с Вяткою и учинила ее разгром в 1489 г. Войска великого князя пришли в Вятскую землю разными путями. Конная рать от Москвы пришла к Котельничу, вероятно, со стороны Ветлуги; судовая рать с С. Двины приплыла туда же по Моломе, и, наконец, туда же подошел и воспомогательный отряд татарской конницы от Казани. Под начальством знаменитого воеводы князя Данила Щепяти рать великого князя выступила на г. Хлынов и осадила его. После упорной защиты город сдался, и вятчане выдали своих вождей. Описав падение Вятки, летописец говорит: «а на Семень день Летопроводца лета 6998 т.-е. 1 сентября 1489 года) воеводы великого князя Вятку всю развели и отпустили их (вятчан) к Москве мимо Устюг и с женами и с детьми». В Москве вятских вожаков повесили, а прочих пощадили: великий князь «иных вятчан пожалова», дал им «поместья в Боровску и в Алексине, в Кременце, и писалися вятчане в слуги великому князю» [2]). Другой летописец прибавляет, что вывели из Вятской земли «вятчан больших людей», и из числа их великий князь «земьских людей» посадил в Боровске и в Кременце, а «торговых людей вятчан в Дмитрове посадил»; «арских же людей» (т.-е. инородцев) «пожаловал князь великий отпустил в свою землю» [1]).

Приведенные подробности очень любопытны: они рисуют обычную в истории образования Московского государства картину «вывода», с помощью

Обл. Центр. Библиотекалöн — Сыктывкар

[1]) Акт Ист., I, № 261.
[2]) «Летописец (Архангелогородский)». М. 1819, стр. 195—198.
[3]) П. Собр. Р. Лет., XII, стр. 221.

которого Москва ассимилировала подчиняемые ею земли. «Вывод» состоял в том, что в момент завоевания или усмирения той или иной области московский государь, не довольствуясь наказанием зачинщиков и вожаков движения против Москвы, брал с места и выселял все руководящие группы местного населения, уничтожал местный господствующий класс и заменял его переселенцами из надежных Московских волостей. В 1478 г., при окончательном подчинении Новгорода Иваном III, новгородцы более всего боялись «вывода» и добились было у великого князя обещания, что вывода не будет из Новгородской земли. Однако, при первой же попытке новгородцев восстать, вывод в последующие годы был к ним применен, и, по словам летописи, за один только раз в 1488 г. «привели из Новгорода боле семи тысяч житьих людей на Москву». Тот же прием видим одновременно и на Вятке, когда «воеводы великого князя Вятку всю развели». Из каких бы племенных элементов ни составилось русское население Вятки ко времени «развода» или «вывода», все равно, эти элементы были водворены в Боровск, Алексин, Дмитров, а на Вятку пошли новые волны приходцев, приливавших туда как северным путем, с Сухоны, так и южным—из Нижегородского края. В эту позднейшую пору заселения Вятки присутствие на Вятке северных приходцев (устюжан, двинян, важан, вычегжан) бесспорно, но так же бесспорно и присутствие колонистов с Волги и вообще с юга (ярославцев, ветлужан, переяславцев). Документы XVI—XVII в.в. рисуют большую этнографическую пестроту в Вятской области, тем более заметную, что общее количество русского населения в четырех Вятских уездах (Хлыновском, Слободском, Орловском и Котельническом) было очень невелико. В пору уже значительной своей заселенности, в средине и исходе XVII века, Вятская земля заключала в себе всего 10—12 тысяч дворов, русских и инородческих. Политические события XVI века—завоевание Казани и Сибирского Кучюмова царства—произвели глубокий переворотт в судьбе Вятского края и в процессе его заселения. До этих пор положение Вятки между Подвинье и Казанским царством делало Вятские места удобною базою для военных действий как против Поморья, так и против Казани. Присоединение Казани и инородческих областей по средней Волге к Московскому государству связало Вятскую землю с Нижегородским краем и Москвою (через Яранск); а завоевание Сибири поставило Вятку на пути между Московским центром и вновь приобретенною окраиною. Значение Вятки с этим изменилось. Ранее о Вятке летопись сообщала в связи с военными операциями Москвы против Казани и «луговых» черемис или в связи с походами вятчан на север. Позднее документы говорят о Вятке в связи с усилиями Москвы укрепить за собою Сибирское царство. В этих Зауральских колонизационных мероприятиях Москвы Вятка должна была принять свою долю, и притом большую долю участия, о чем будет еще речь ниже.

Многое из сказанного о Вятке может быть применено и к Пермскому краю, т.-е. к тому пространству земли, которое лежало по р. Каме, от р. Чусовой на север, и по ее притоку Вишере с р. Колвою. Этот край прикрывал с востока вятские места и все вообще Поморье от татар, вогуличей и остяков. Как Вятка, Пермь получила первых русских насельников из Великого Новгорода, и, как на Вятке, новгородскую колонизацию здесь осложнило движение из Московской Руси, шедшее (не позднее XV века) по р.р. Вычегде, Югу и Лузе на верховье Камы, а затем (со второй половины XVI века) и прямым южным путем через Яранск и Вятские места. Наконец, как на Вятке, в Перми довольно призрачная новгородская власть с XV века смеша-

лась с более твердою московскою. Наиболее ранними представителями Новгородской колонизации в Перми были известные Строгоновы—семья, повидимому, новгородского происхождения, владевшая обширными вотчинами в Устюжском уезде и по р. Вычегде. Торгуя с инородцами и вываривая соль, Строгоновы достигли громадного богатства. В числе немногих уцелевших, при московском завоевании севера, новгородских фамилий, они продолжали богатеть и распространили свои хозяйственные заимки с р. Вычегды на р. Каму и р. Чусовую. Представляя собою главную экономическую силу на всей этой окраине, Строгоновы обратили на себя милостивое внимание московского правительства. Оно дало Строгоновым в XVI веке (начиная с 1558 г.) ряд жалованных грамот, которыми создало для этих землевладельцев исключительно льготное положение на Каме и в Приуралье, но вместе с тем и возложило на них особые обязанности по охране и защите края от инородцев. Строгоновы получили право поставить «собою», т.-е. на свои средства, укрепленные городки с гарнизонами и под их защитою вести свои промыслы и торги. Население их земель состояло в их юрисдикции и было изъято из ведения местной администрации. Сами Строгоновы подлежали суду только самого государя московского и были освобождены на длительный срок от податей, повинностей и торговых пошлин. Но зато они должны были «прибрать» на собственный счет в своих городках воинскую силу, «охочих людей, стрельцов и казаков», и с нею охранять земли и «войною ходити и воевать» черемису, остяков, вотяков и ногай, которые государю изменили [1]). Постепенно земли Строгоновых перешли за Уральский хребет до р. Тобола и поставили их в соприкосновение с Сибирским ханством [2]), завоевание которого и связалось с именем Строгоновых.

Вместе с государевыми воеводами и наместниками, сидевшими в городах Чердыни и Соликамске, Строгоновы, содержавшие на свой кошт городки Орел (Кергедан) и Канкор, несли на себе нелегкую обязанность защиты не только своих вотчин, но и всего Пермского края. По обстоятельствам эта защита должна была быть активною: приходилось не только отсиживаться от нападений инородцев за стенами городков, но и самим нападать на немирных соседей и держать их в должном страхе и подчинении. Для того, чтобы «ходити войною» против своих и государевых врагов, Строгоновы не могли обойтись силами местного населения. Они нанимали на свою службу бродячих «вольных» казаков, следуя в этом примеру самого московского правительства. Недостаток регулярных войск оно пополняло вербовкою с Дона и Волги казачьих отрядов, которые и вливались в действующие войска. Для отражения татар от московского центра в 1572 г. в «большом полку» в Серпухове состоял, например, «прибранный» на государеву службу казачий отряд атамана Мишки Черкашенина; но там же был приспанный Строгоновыми состоявший у них на службе отряд в 1.000 казаков с пищалями. Во время Ливонской войны Грозного в Прибалтийском крае действовал казачий отряд атамана Ермака, а позднее тот же Ермак с государевы службы попал на службу к Строгоновым и прославил себя завоеванием Сибири. Таким образом вотчины Строгоновых вместе с Чердынским уездом послужили

---

[1]) По истории Строгоновых данные сведены всего доступнее у Д. И. Иловайского «История России», т. III (М. 1890), примеч. 68. См. также А. А. Дмитриева «Пермская Старина», выпуски I, IV и V.

[2]) В. И. Огородников, «Очерк истории Сибири до начала XIX стол.» Ч. I. Иркутск 1920, стр. 217—234.

для московской власти базою в наступлении за Урал в область р.р. Тобола и Иртыша, а частные средства богатой промышленной семьи были обращены на достижение государственных целей, совершенно так же, как на далеком северо-западе, в Поморье, частными средствами богатого Соловецкого монастыря обеспечена была охрана границы и побережья Белого моря от вражеских покушений с запада, со стороны Финляндии.

Если до завоевания Сибирского царства заселение Пермского края велось по преимуществу из Поморья, с севера, то с этим завоеванием на Пермь обратилось усиленное внимание Московского центра и началась оттуда народная тяга в Сибирь через Пермь по различным путям, туда ведшим. Первые мирные русские колонисты Сибири пошли из Пермского и Вологодского края; но за ними потянулись и «окальщики» южно-великоруссы, частью переходившие за Урал, частью же оставшиеся в Пермских местах [1]). Их влекла из центра или правительственная власть, желавшая скорейшего освоения Сибири, или же помещичья власть, искавшая на юге рабочих рук для первых промышленных предприятий в горах Урала. Население в Пермь и на Урал в древности и до XVIII в. двигалось главным образом четырьмя маршрутами: а) с р. Вычегды на р. Нем, волоком на оз. Чусовское, р.р. Колву и Вишеру; б) с р. Сухоны на р.р. Юг и Лузу, волоками на г. Кай на р. Каме; в) с устья р. Ветлуги на Царевосанчурск, Яранск и р. Вятку, а оттуда на г. Кай и Каму и г) от Казани на г. Уржум, Вятку и Кай [2]). Два первые пути вели в Пермь из Поморья, второе—из Поволжья. В XVI веке через Пермскую землю, от г. Кая до Соликамска и Чердыни, пролегала торная государева дорога в Сибирь, и по ней началось оживленное движение людей и грузов, потребных для новоустроенных Сибирских городов. Правительство с особым вниманием стало относиться к сибирским делам и для закрепления за Москвою новоприобретенного края требовало с Вятки и Перми присылки в сибирские города хлеба, разного рода припасов и рабочих людей. В этих условиях через Пермские места потянулись бесконечные обозы с казенными грузами и вереницы людей, посылаемых на восток для постоянного житья и для временных работ. Вся Пермь начала работать на Сибирь разными способами: сбором денег, хлеба и подвод, возкою хлеба, железных грузов и всякой иной клади, перевозкою служилых людей и переселенцев. Все это вызывало чрезвычайное напряжение сил у местного населения, и оно само по себе не могло выполнить всех правительственных требований. Поэтому правительство озабочено было привлечением населения как в самую Сибирь, так и в те области, которые служили базою для овладения Сибирью, т.-е. на Вятку, а главное—в Пермь. В Пермские места собирали население и Строгоновы. С каким успехом накоплялось здесь население, всего удобнее проследить именно по данным Строгоновских вотчин. В 1579 г. в них числилось 352 двора, в 1632—1634 г.г.—1.032 двора, в 1647 г.—1.602 двора и в 1678 г. 2.855 дворов [3]). Правда, за это время росло и самое пространство колонизуемых Строгоновыми земель; но приобретались ими пустующие вотчины и заселялись они главным образом «приходцами», а потому приведенные нами цифры дворов весьма показательны для роста колонизационной энергии в крае.

---

[1]) Д. К. Зеленин, «Великорусские говоры», стр. 520 и сл.
[2]) Это главнейшие пути—было несколько и второстепенных.
[3]) А. А. Дмитриев, «Пермская старина», II стр. 99, 171, срвн. 188—189.

6.

До сих пор мы собирали черты для общей картины первоначального заселения русского севера и освоения его Великорусским государством. В составе этого государства Поморье сразу стало одною из важнейших экономических областей—по обилию тех естественных богатств, какими наделила его природа, и по тем удобствам хозяйственной жизни, каких не знал московский центр и государственные окраины. В центре и по границам западным и южным народный труд подвергался частой опасности вражеского нашествия. Население пограничных и центральных областей не только было обременено постоянными военными повинностями для защиты страны, но оно стало военным и по самой своей внутренней организации. Необходимость сражаться на три фронта, с «немцами», «литвой» и татарами, заставила правительство создать значительное войско, которое было бы всегда готово к действию. Десятки тысяч «детей боярских великого князя» были размещены по границам и в тылу пограничных позиций, в Замосковьи, на государевых землях—«поместьях». Весь запас личных великокняжеских и крестьянских земель, за немногими исключениями, был пущен «в роздачу» служилым людям для их обеспечения, чтобы с этих земель они могли поспевать на государеву службу по первому зову. Земля должна была кормить войско прикрепленным к ней трудом земледельческого крестьянского населения, и всякий «сын боярский» вместе с государевым поместьем получал право на даровой крестьянский труд. Для обороны государства все служили: одни—«своими головами», «копьем и мечом»; другие—обязательным трудом в пользу служащих «головой». Так война и оборона тяготела над всем населением центра и окраин, внедряя в общественную жизнь начало «крепости»—или служебной перед государством, или трудовой перед помещиком.

Этого тяжелого условия московской общественности север не знал, по крайней мере в тех острых формах, какие наблюдаются в центре. Мелкое поместье на севере, в области Беломорских рек вовсе не существовало. Оно не переходило за волоки от Волжских притоков нигде, кроме разве окрестностей Вологды и Белого озера; но и там поместные земли не становились господствующим видом землевладения. Над крестьянским населением не тяготела власть мелкого землевладельца. Служилый вотчинник или помещик не был надобен на севере с его службою, дорого обходившеюся государству. Слишком много стоило бы правительству содержание помещика и его конной дворни в крае неплодородном, где полевая конница не была пригодна, потому что враг или приходил на ладьях по морю и рекам, как «свейские» и «каянские» немцы, или же держался в лесах и топях, пустоша страну «изгоном», набегами, как делали инородцы на востоке. Крупные же землевладельцы на севере, монастыри,—при всем развитии их земельных стяжаний—успели овладеть лишь ничтожным сравнительно количеством крестьянских волостей и не разрушали в этих волостях «мирского» устройства. На монастырских землях, как бы ни была велика зависимость земледельца от монастыря, крестьянин чувствовал государево тягло, которое падало на его крестьянский мир и давало этому миру внутреннюю организацию. На громадном же большинстве поморских земель их действительным хозяином со всеми чертами собственника был крестьянин, владевший «своими деревнями» «на государевой земле», образовавший своеобразную податную общину в государстве и своеобразный «погост»—приход в церкви. Свободный

ото всяких частных воздействий и зависимости на черных (государственных) и дворцовых землях, крестьянский «мир» жил и работал с полною самостоятельностью «в государевой вотчине, а в своем поселье». В недрах этого «мира» не все было ладно и приглядно; но главное условие общественного благополучия—свобода труда и почина—там было налицо. И историк может удостоверить, что в системе московского правительственного хозяйства Поморье было главнейшею доходнейшею статьею, источником разнообразных поступлений, денежных и натуральных. Когда во второй половине XVI столетия московский центр стал жертвою жестокого экономического кризиса, подвергся хозяйственному запустению и обезлюдел вследствие усиленного выселения трудовых масс, Поморье удержалось на прежней степени хозяйственного расцвета. Мало того, именно в эту пору, в середине XVI века, в жизни Поморья произошло крупнейшее событие, послужившее причиною еще большего оживления русского севера.

Этим крупнейшим событием было появление торговых иноземцев в русских северных гаванях, Печенге, Коле и Двинском устье, и начало морского торга русских с англичанами и голландцами. До середины XVI века русский отпуск за границу шел через Новгород и Псков и «немецкие» гавани Балтийского моря. С началом Ливонской войны Грозного дело изменилось. Когда Грозный овладел Нарвою (1558 г.), у него мелькнула было надежда с приобретением этой гавани упрочиться на Балтике и завязать непосредственные сношения с Западом, независимо от Швеции и Ливонии. Но неудачный ход войны не позволил осуществиться надеждам Грозного. В 1581 г. была потеряна Нарва, а через два года Москва потеряла и все Финское побережье. Вся западная граница государства была заперта для русских купцов, и торговое общение с Балтикой стало под недружелюбный контроль враждебных соседей. Да и в течение всего боевого периода (1558—1583), если не считать торгового оборота Нарвской гавани, Москва не могла торговать через свою западную окраину, на которой шли военные действия. Вот почему появление на севере торговых судов, голландских и датских в Печенге и Коле и английских в устьях С. Двины, было для Москвы очень важно и приятно. С 60-х годов XVI века торг на севере достиг большого оживления. Русские промышленники ходили в норвежские гавани; так, в Вардегусе побывал Печенгский игумен Трифон с монахами его монастыря для торга рыбой, рыбьим жиром и другими товарами. В Печенгу и Колу в свою очередь приходили норвежцы, датчане и всего чаще голландцы. Торговый агент Антверпенской компании Симон фон-Салинген вместе с членом этой компании Корнелиусом де-Мейером предприняли даже поездку внутрь Московского государства. Они надели русское платье и отправились в самую Москву через Кандалакшу, Кемь, Суму, Онегу и Каргополь. Туда они явились без всякого разрешения со стороны властей и тайком сыскали своего знакомого торгового гостя Степана Твердикова. Так как в то время (1566—1567 г.г.) в Москве уже действовала опричина и настал террор, Твердиков выпроводил приезжих, не объявив их властям. Они отправились в Новгород. Мейер оттуда поехал в Нарву, а Салинген остался в Новгороде, торговал там жемчугом и драгоценностями и благополучно вернулся в Колу на свой корабль [1]). Эта любопытная частность показывает, как быстро иностранцы освоились с новою для них страной и как мало в сущности было препятствий для пере-

[1]) «Сборник Русск. Истор. Общества», т. 116, стр. XXIII и сл.; «Литературный Вестник», 1901, I, кн. 3, стр. 297—305.

движения по огромным пространствам Московского государства. Одинаково и англичане, попав в Двинское устье и на Холмогоры, с чрезвычайной быстротой освоились с новой бытовой обстановкой. Они не только легко достигали самой Москвы, куда их приглашало правительство, но распространились по всему северу, исследуя берега Белого моря и океана и главнейшие пункты народно-хозяйственной жизни [1]). Пользуясь разрешением Грозного заводить свои дворы в городах, лежащих на торговых путях, англичане построили себе конторы, склады и жилища на Холмогорах, в Вологде и Ярославле; на Вычегде они основали железоделательный завод; в Москве на улице Варварке имели свою усадьбу. Они исследовали все сколько-нибудь важные пути на севере, проникли на Мезень и Печору, осмотрели дорогу от устья р. Сев. Двины до Новгорода и Нарвы через р.р. Выг и Свирь. Словом, они обжились на русском севере очень скоро и к началу XVII века стали даже господствовать над всем торговым оборотом северной Руси, держа в своих руках важнейшие рынки и возбуждая против себя живейшее неудовольствие их конкурентов голландских купцов и русских торговцев. Впрочем, недовольство голландцев не имело серьезных оснований, так как и они пользовались правом приезда не только в Колу и Архангельск, но и в прочие города, и могли сами строить дворы на Холмогорах и в Москве. Видя их энергию и подвижность, англичане склонны были думать, что голландцы победят их на московской почве, и горько жаловались на их пронырство. Английский посол в 1617 г. указывал боярам, что английские купцы в Москве в розницу не торгуют и не отнимают промысла у русских купцов, тогда как голландцы не только сами продают товары в розницу, но и посылают их «мелким обычаем» по всему Московскому государству и тем у русских купцов «хлеб изо рта вырывают». Как бы то ни было, обе нации пустили на московской почве глубокие и раскидистые корни и создали на русском севере оживленное торговое движение. В отношении заграничного торга Русь, если можно так выразиться, обратилась в XVI веке лицом к северу, к «божьей дороге» великому морю океану. Отторгнутая от Балтийских берегов, она радовалась, что ее северные берега свободны: «и которую дорогу Бог устроил, великое море-океан, и тое дорогу как мочно затворить», говорили русские люди. Однако, осмотревшись в новых условиях заморских сношений, они кое-что на этой дороге сами затворили. Московское правительство в 1584—1585 г.г. решило закрыть гавани на Мурмане и сосредоточить весь товарообмен с иноземцами в построенном для этой цели новом Архангельском городе. Повидимому, причина такого решения лежала в военной опасности от датчан, норвежцев и финнов: защищать очень далекую Мурманскую окраину от вражеских нападений было трудно; да и мирное с нею сообщение было затруднено чрезвычайною далью и трудностями пути по морю и тундрам. В 1585 г. Кольский воевода объявил датскому «державцу» в «приездном городке датских немец» Варгаве (Вардегусе), что московский государь «в Коле волости торговати велел троскою и палтасом и салом троскиным и китовым; а иных некоторых товаров в Коле нет, потому что государь . . . корабельную пристань велел учинити в своей же государевой вотчине на усть-Двины реки у нового города (Архангельска) на Холмогорах; и двор гостин там поставлен для торговли, и государя нашего многие

---

[1]) Гамель, «Англичане в России в XVI и XVII ст.», Инна Любименко, «История торгов. сношений России с Англией», вып. I. Юрьев. 1912, главы III и IV.

гости со многими товары там на Двине готовы; а в Коле—волости государь наш торговым людям никоторых земель никакими большими товары торговати не велел». На просьбу датского короля Фредерика II отменить это распоряжение и оставить торг в Коле, в 1586 г. последовал отказ. Царь Феодор Иванович отвечал королю: «а что писал еси к нам в своей грамоте о торговле в нашей отчине в Лопской земле, что был учинен торг в Малмиюсе, то есть в Коле, и нам бы то торговое место опять в Малмиюсе велети устроити,—и мы ныне торг изо всего Поморья, из своей вотчины Двинския земли и из Колы и из иных мест перевели и учинили в одном месте на усть-Двины реки у нового города у Двинского... а в Коле волости торгу есмя быти не велели, занеже в том месте торгу быти непригоже: то место убогое» [1]). Так совершилось закрытие Мурманских гаваней, и создалась торговая монополия нового Архангельска.

Сосредоточение внешней торговли в одном Архангельском порту повело за собою важные последствия для всего севера. Пути из московского центра, ведшие на север, получили как бы новую бытовую расценку. Среди них сразу же стал важнейшим путь от Москвы на Холмогоры и на Двинское устье к вновь основанному (1584) городу Архангельску. Он шел через Ярославль, Вологду, Устюг, и в этих пунктах к нему примыкали боковые пути с разных сторон. Около Устюга сходились дороги с востока—с Вычегды и юга, соединявшие с магистралью Вятку, Пермь и Урал. Став в узле двух особенно оживленных в исходе XVI века путей, связывавших Москву с ее единственным портом и с новой провинцией Сибирью, Устюг быстро вырос до первенствующего значения в крае и в начале XVII столетия стал даже больше Холмогор, уступая только Вологде и внешними размерами и торговым значением. Положение же Вологды стало исключительно важным. Она всегда была как бы посредницею между Поморьем и центральными московскими волостями, как бы воротами в Поморье. Теперь же, когда устроился торг с иноземцами в Двинском устье, Вологда стала играть особую роль—пункта, откуда начинался речной путь, «судовой ход», к Архангельску для всех товаров, подходивших туда сухопутьем. Поэтому Вологда оказалась неизбежною станцией для всех грузов, шедших с Поволжья на север и с севера в центр государства. Здесь товар должен был перегружаться с телег и саней на суда, или обратно, и выжидать полой воды или же зимнего пути. Весь среднерусский отпуск в Архангельский порт сосредоточивался весною в Вологде и перед погрузкою на суда подвергался таможенному досмотру. Иноземцы, главным образом англичане, сами являлись в Вологду для закупки товаров по более сходной цене, стараясь миновать лишних посредников, и сами же везли с моря товары по Двине и Сухоне до Вологды, устроив здесь для них склады в своем доме, «обширном, как Замок» (по выражению голландца Исаака Массы, видевшего этот дом). Таким значением Вологды объясняется ее большой рост в XVI веке. Сам Грозный обратил внимание на Вологду, посетил ее и выстроил в ней каменный большой кремль; с той поры, с 60-х годов XVI века, Вологда заняла одно из самых видных мест во всем Московском государстве, как по своему торговому значению, так и по количеству жителей (свыше 1.500 дворов). В смутное время начала XVII века все боровшиеся в государстве стороны стремились овладеть Вологдою, понимая ее важность и отдавая ей первенство среди всех северных городов. Особенное значение Вологда получила в зиму 1608—1609 г.г.

[1]) «Русск. Историч. Библиотека», т. XVI, стр. 213—214; 235—236.

Весь иностранный привоз навигации 1608 г. с окончанием торга и выгрузки в устьях С. Двины был направлен по обычаю к Москве, но по военным обстоятельствам застрял в Вологде, так как смута закрыла ему дальнейший путь на юг. Осенью 1608 г. торговые иностранцы не поехали южнее Вологды; а вместе с ними на Вологде остались и «все лучшие люди московские гости», которые выехали из Москвы на север для государевых и своих торговых дел. С ними были их «великие товары» и государева казна, состоявшая не только в деньгах, но и в мехах. Понятно, какую ценность получала Вологда по сосредоточенному в ней богатству и какой социальный вес имели сидевшие в ней «большие» люди. Правительство царя Василия Ивановича Шуйского образовало в Вологде особую «думу» для обороны города и всего северного края, и в эту думу входили под главенством воевод выборные люди от московских гостей и иноземцев. Военные действия, приведшие к поражению войск второго самозванца на севере, были в значительной мере ведены при участии и под влиянием этого Вологодского совета или «думы». Вологда оказалась в фокусе военных и политических операций той эпохи и жестоко пострадала от смуты. Пережив много превратностей, торжествуя над врагами и подвергшись грабежам и вражеским нашествиям, Вологда в результате разорилась и опустела. В 1627 г. в ней на тысячу жилых дворов было более 500 пустых, и притом в жилой тысяче только около 300 было признано налогоспособными, остальное же была беднота, «не пригодившаяся в тягло». Но город, отлично расположенный в узле торговых путей, скоро оправился от своих бед и во второй половине XVII века опять расцвел до прежней степени населенности и благосостояния.

V.

Старообрядческая колонизация Севера.

Сильный толчек передвижению населения от центра к окраинам дал возникший в середине XVII века церковный раскол старообрядчества. Во главе движения стали видные представители духовенства, составлявшие ранее, до исправления патриархом Никоном богослужебных книг и введения новых, заимствованных у современных ему греков, обрядов, круг лиц, близко стоявших к влиятельному царскому духовнику Стефану Вонифатьеву и друживших с Никоном до назначения его патриархом, каковы были протопоп Аввакум, протопоп Иван Неронов, Павел, епископ Коломенский и другие. К движению примкнули и братия великой северной Святыни, Соловецкой обители. Получив в 1656 г. новоисправленные книги и усмотрев в них новины, братия опорочила их, отказалась править по ним службу и решила запереть в сундуки, а продолжать служение по старым, о чем и сообщила в Москву. Такое противление обители стало вскоре известным приверженцам старины, и вот, по стародавнему, проторенному богомольцами и торговыми людьми, пути потянули старообрядцы на север, чтобы укрыться от преследования за старую веру, рассчитывая получить убежище за крепкими стенами Соловецкой обители. Путь шел через нынешнюю Олонецкую губернию по р. Свири, на Онежское озеро, на Повенец и по р. Выгу на Сумский острог, а оттуда уже по морю в обитель. Малочисленны были в этих местностях церкви, а церковнослужители были малообразованы, не могли настоящим образом удовлетворять духовным нуждам их паствы. К тому же, приходы были весьма обширны, селения разбросаны,

и, вследствие бездорожья, редко посещались служителями алтаря. О духовном просвещении не могло быть и речи, так как, при тогдашних условиях жизни, паства лишена была своевременного исправления даже самых насущных треб.

Поселки, расположенные по берегу Белого моря, составляли вотчины Соловецкого монастыря. Очень естественно поэтому, что население, в них жившее, узнав о сопротивлении обители принять новшества, последовало ее примеру, и стоило появиться выходцам из монастыря с горячею проповедью о гибели православной веры от Никоновых новшеств, все приморское население признало себя приверженным вере отцов и дедов и поверило появлению на земле антихриста. Число приверженцев старой веры во всем Олонецком крае тоже быстро росло по мере распространения среди него Соловецких беглецов. Особенно ревностным проповедником был черный диакон Игнатий, первый заговоривший о появлении в церкви антихриста. Но были и другие проповедники, смущавшие народ. В Олонецких пределах скитался и проповедывал игумен Тихвинского Николы Беседного монастыря Досифей, видный представитель и защитник старой веры; в Палеостровский монастырь был сослан Павел, епископ Коломенский, единственный епископ, отказавшийся принять Никоновы исправления. К нему отовсюду стекались почитатели и получали доступ к узнику, вели с ним беседы, получали благословение.

Приток беглецов еще усилился после усмирения мятежа в Соловецком монастыре в 1676 г. и стрелецких волнений в 1682 г. и издания указов в 1684 и 1685 г.г. о предании приверженцев старой веры градскому суду. В селениях нашлись христолюбцы, которые давали приют беглецам, предупреждая их, в случае опасности, угрожающей им от преследователей. Они указывали им лесные дороги и звероловные тропы, которыми и воспользовались беглецы. Особенно удобной оказалась покрытая лесом местность в бассейне реки Выга, мало доступная, изобилующая озерами. В нее направлялись пришельцы. И вот эти-то лесные дебри и топи, представлявшиеся никем неизведанными пространствами, стали оживляться сначала одиноко селившимися странниками, перебегавшими с места на место, а потом осдавшими в более безопасных от преследований и удобных для жизни местах. Они строили сначала одинокие кельи, близ которых новые пришельцы пристраивали еще кельи, и таким образом возникал небольшой поселок, получавший наименование скита. Местные сказания, записанные старообрядцами и облеченные ими в литературную форму житий, сохранили нам сведения о том, как и при каких условиях заселилась эта пустыня.

В конце XVII века так скитался инок Корнилий, родившийся в пределах Великого Устюга и проведший 24 года в монастыре Корнилия Комельского. Когда объявились новшества, Корнилий, вместе с Тихвинским игуменом Досифеем, бежал на Дон, где пробыл три года, отсюда Корнилий ушел в Нилову пустынь, а затем в Олонецкие пределы и поселился на р. Водле; отсюда, скрываясь от преследований, прошел на Кяткозеро, затем на Нигозеро, на Водлезеро, на Белый остров, на Немозеро, на Мангозеро и на Гавшозеро и, наконец, на р. Выг, где провел остаток дней и благословил основателей Выгорецкой обители на ее построение.

Инок Виталий жил на р. Свири, оттуда пошел в Машезерский монастырь, посетил затем Корнилия и от него ушел в Москву, отсюда он вернулся в Олонецкие пределы, поселился на р. Водле, перешел опять на р. Свирь, оттуда в Машезерский монастырь, прошел на р. Суну к иноку Кириллу, от него ушел на р. Выг к иноку Корнилию и умер у него в скиту.

Такие передвижения по Олонецкому краю были сопряжены с большими опасностями. Летом болота и топи были малопроходимы; к тому же там нападала «гнусь», т.-е. разные насекомые, почему странники двигались по преимуществу зимой по снегу на лыжах. Но и зимой странствования не лишены были опасностей: странникам угрожали сильные морозы, снежные мятели и хищные звери. Но странники предпочитали погибнуть, чем попасть в руки преследователей. Так, когда некий Симеон шел в Богоявленскую обитель, внезапно ветер переменился, завилась мятель и вьюга; он сбился с пути и только случайно спасся от гибели, набредя на тропу. Другой инок, Василий Кенозерец, заблудился на Соловецком острове, проплутал три дня и выбрался только потому, что набрел на лыжный след, приведший его к пещере старца Андрея. В северных старообрядческих поминальниках (синодиках) мы постоянно встречаем имена поминаемых умерших, при коих указано, что они замерзли в пути или растерзаны хищными зверями.

На своих стоянках иноки строили себе кельи. Одни вырывали в земле ямы и над ними ставили небольшие срубы; другие строили избы; напр., знаменитый инок Епифаний сложил себе одну пятистенную деревянную (курную) избу, между углами которой было сажень с локтем расстояния; она служила ему для отдыха и рукоделия, и другую белую, в полсажени ширины для моления и чтения книг. Кельи он покрыл досками и срубил к ним сени. Он предполагал завести здесь монастырь, расчистить место для пашни, посеять хлеб.

Кельи часто горели, и иноки принуждены были вновь строиться. Они выбирали места для селения по преимуществу близ рек и озер ради воды и рыбной ловли. Питались они частью собственными трудами—сеяли на росчищах хлеб и репу, частью подаянием христолюбцев. Когда хлеба не было, они драли и сушили луб, потом толкли его и пекли из этого хлеб; ели они и траву, размачивая ее в воде. Землю обрабатывали они мотыками.

Если место выбрано было удачно, то келья старца быстро обрастала кельями новых пришельцев, и таким образом вырастал скит или поселок. Управлялись они выборными настоятелями из иноков и старостами из бельцов, т.-е. живших при ските мирян.

Из более людных скитов известен Сергиев скит, основанный на том месте, где впоследствии был построен принадлежавший Выгорецкой обители кирпичный завод невдалеке от нее.

Другое общежительство, куда собиралось до 70 человек, основал инок Варлаам, в мире Василий Быков, расположено в 20 поприщах, т.-е. верстах, от Сергиева скита. Впоследствии Варлаам переселился на Кодозеро, где тоже основал скит. Еще одно такое общежительство основал житель Толвуйской волости, Захарий Степанов на берегу р. Выга.

Убегая от преследования, дьячек погоста Шуньги Даниил Викулин, по преданию ученик Тихвинского игумена Досифея, поселился на берегу р. Оли. Под влиянием проповеди иеродиакона Игнатия Соловецкого стали искать себе места для пустынного жития Андрей Денисов, потомок захудалого рода князей Мышецких и с ним Иван Белоутов, жившие в Повенце. В 1691 г. они построили себе кельи недалеко от Даниила, между Тагозером и озером Белым. В виду большого стечения пришельцев Даниил и Андрей ушли и поселились близ Боровского скита. Вскоре Андрей сманил к себе сестру свою Соломонию. Их усиленно звал к себе вышепоименованный Захарий Степанов, они долго не соглашались; но когда пожар уничтожил скит Даниила Викулина и Андрея Денисова, они, с благословения инока

Корнилия, переселились к Захарию после Покрова 1694 г. Здесь-то и было положено основание знаменитой Выгорецкой обители.

В 1697 г. Даниил и Андрей призвали к себе остальных членов семьи Андрея: его отца Дионисия, двух братьев Семена и Ивана и родственника Петра Прокопьева. Поселился у них почитаемый всеми инок Пафнутий Соловецкий. Вскоре, вследствие неурожая, имевшего последствием голод, разбрелось Сергиево общежительство: Сергий и Варлаам ушли в Нижегородские пределы, а братия перебралась к Даниилу и Андрею. Таким образом их скит все вырастал и становился наиболее обширным и многолюдным общежительством среди остальных.

Во главе обители стал настоятель Даниил Викулин, от которого она получила свое название «Данилов». Даниил и Андрей ревностно принялись за упорядочение монастырской жизни. Они отделили мужчин от женщин, построив для последних отдельную ограду, тогда как в других скитах оба пола жили совместно по кельям, что часто приводило к немалому соблазну. В лице Петра Прокопьева они приобрели знатока монастырского и церковного устава; он стал вводить его со всей надлежащей строгостью. Андрей с Даниилом обучили певчих и чтецов и стали учить детей, живших при ските, грамоте. Введено было чинное богослужение, совершавшееся торжественно, чего нельзя было встретить в то время в церквах. Служба совершалась в часовне иноком; т. к. престола не было, то литургии не служили.

Установив внутренне благоустройство, Андрей озаботился завести сношения со старообрядцами, жившими в других городах. Этому помогло случайное обстоятельство—постигший обитель неурожай, а затем и голод, о котором мы выше упоминали. Андрей направился в путь просить помощи и подаяния у христолюбцев на прокормление голодающих. Его поездка увенчалась полным успехом: столичные старообрядцы одарили его большой милостыней, с которой он проехал на Волгу, где закупил хлебных запасов и доставил их в общежительство. Попутно собирал он подаяние на нужды обители и привез в нее книг и икон. Сношения были установлены, и Андрей сумел впоследствии их использовать. Но все же, несмотря на ловкость руководителей, умевших ладить с местными властями, положение обители не могло почитаться прочным: ей всегда угрожала опасность быть разоренной, в случае желания поступить с ней по закону. Для обеспечения ее существования, Андрей ловко воспользовался проездом Петра Великого в 1702 г. через Повенец. Царю была подана челобитная о разрешении старообрядцам жить в Выгорецкой обители и служить по старым книгам с обещанием нести государеву службу, какую он укажет. В это время Петр создавал близ Повенца чугуноплавильные заводы, поручив организацию дела Меньшикову. Меньшиков предложил Выговцам приписаться к новым заводам и исполнять на них посильные работы, за что им была обещана неприкосновенность и независимость от заводских властей. Выговцы на это согласились, стали поставлять на заводы дрова, лес, выжигать уголь, занялись перевозками заводских грузов. За это они получили право открытого и свободного богослужения по старопечатным книгам, и существование общежительства было признано властями законным, даже без уплаты посельниками двойного подушного оклада. Им было предоставлено самоуправление по делам гражданским по образцу существовавшего тогда в других северных сельских общинах. Была заведена земская изба для «бытности старосте и выборному, управления дел и для сходу мирским людям»; жители поселков выбрали себе старостой Никифора Никитина, который был признан властями (со-

гласно указу), были выбраны дьяки и ходоки по делам и для сношения с властями. Все разбросанные вновь заведенные поселки и скиты выбрали своих старост и были подведомственны Никифору Никитину. В указе предписывалось, чтобы во всех Выгорецких новопоселенных местах выбрали меж себя десятников, которые бы в десятке своем управление имели по повелению старосты и выборного; было обещано «какие им, Выгорецким жителям, еще для распространения в прибавку надобны земли и угодья и иные довольности и то, по доношению, все дано будет». Таким образом, Выгорецкое общежительство, признанное властями законно существующим, стало во главе всех скитов и поселков. Вся площадь, на которой они были расположены, стала именоваться «суземком».

Упрочив положение обители, Андрей и Семен построили в 1706 г. на р. Лексе в 20 верстах от Данилова монастыря новую женскую обитель, игуменьей коей стала сестра их Соломония. За старостью, Даниил отказался от должности настоятеля, и в 1702 г. братия избрала себе на его место Андрея, наименовав его кинодиархом, который принял этот выбор лишь по соборному приговору, под коем братия рукоприкладством своим подтвердила поставленное им условие—безусловного повиновения его распоряжениям.

Став во главе обители, Андрей с помощью брата Семена, начал заботиться о ее просвещении для успешной борьбы с духовенством господствующей церкви, которому Петр Великий приказал воздействовать на старообрядцев мерами кротости, т.-е. проповедью и убеждением, а не казнями и заточением. Составление увещевательных сочинений было поручено иерархам, получившим образование в Киевской Академии, искушенным в богословских и словесных науках, почему для успешности борьбы с ними было необходимо подготовить столь же опытных и образованных заступников старой веры. Андрей и Семен усвоили себе это и первые принялись за самообразование, для чего Андрей сначала поучился в Киевской Академии, а потом, вместе с Семеном получал необходимые руководства из Московской и Новгородской школ. Они предпринимали, кроме того, с учениками своими путешествия для списывания книг и ознакомления с хранящимися в монастырях древними иконами и священными предметами, набирая таким способом материалы для защиты старых книг и обрядов указаниями на чудотворные древние иконы и предметы, на которых изображалось двуперстное сложение, осьмиконечный крест, написание имени Христа Исус, а не Іисус, как то печаталось в новоисправленных книгах.

Они завели в обители обширную по тому времени библиотеку, которой пользовались сами, и по книгам, в ней собранным, обучили словесным наукам целый ряд учеников, после сего сами совместно с ними вступали в письменные споры, как с представителями других старообрядческих толков, так и с православными миссионерами. Из таких сочинений особенно замечательны так-называемые Диаконовы ответы, составленные по просьбе поповцев Андреем Денисовым в 1719 г. на вопросы, переданные им Нижегородским епископом Питиримом, и Поморские ответы, поданные в 1723 г. иеромонаху Неофиту, посланному Синодом на Олонецкие заводы для увещания старообрядцев. Кроме полемической, Денисовы и их ученики создали довольно обширную литературу. Они составили жития наиболее почитаемых иноков, первых насельников Выговской пустыни—Корнилия, Кирилла, Епифания, а поздней и Андрея и Семена Денисовых, собрали сказания о мучениках, погибших от руки Никониан («Виноград Российский» Семена Денисова), сохранили историю возникновения и развития Выгорецкой

обители (История Выгорецкой пустыни Ивана Филиппова), написали целые сборники поучений на двунадесятые праздники, которые читались за трапезой, постоянно выступали с устной проповедью во время богослужения: такие слова тоже дошли до нас в рукописях. За отсутствием печатного станка для размножения своих сочинений, были обучены особому письму на манер старинного и близкому к печатному шрифту особые грамотники и по преимуществу грамотницы; они украшали свои рукописи изящными рисунками, как то было в обычае в старину в рукописях. Число таких грамотниц во время расцвета пустыни доходило до 200. Книги переплетались в собственной мастерской в крепкие, покрытые тисненой кожей, доски с изящными застежками и продавались в пользу обители. Для подарков христолюбцам писались изящные святцы, разукрашенные цветами, расписанные красками и золотом, посылались написанные в монастыре картины духовного содержания. Все это щедро оплачивалось христолюбцами и увеличивало доходы обители.

Девицы занимались шитьем шелками и золотом по шелку, бархату и парче, изготовляя пелены к иконам для украшения часовен и на продажу. Ставя своим единоверцам в обязанность поклоняться и творить молитву перед иконами и священными изображениями, исполненными по старинным образцам, они постарались удовлетворить этой потребности тем, что завели в обители собственных иконописцев, которые художественно писали иконы, передавая преемственно свое искусство ученикам, вплоть до половины XIX в., и создали своеобразную манеру письма, именуемую поморским письмом или школой. Она отличалась изяществом и сложностью рисунка, богатым разнообразием красок и обилием золота.

Но так как каждый должен был иметь всегда при себе икону, особенно в путешествии, то они стали отливать из латуни кресты, отдельные иконы, створы (складни) по образцам, по их указаниям скомпанованным, с изображением на них больших праздников и особо чтимых святых, роскошно украшали изделия эти финифтью (эмалью) и позолотой через огонь. Отливали они и другие предметы—чернильницы, застежки для переплетов, пуговицы для кафтанов и все это также украшали финифтью. Поморское литье, превосходящее такие же изделия других литейщиков, получило широкое распространение по всей России.

Развивая внешние сношения, Денисовым удалось завести прямые отношения с правящими всесильными вельможами в Петербурге и даже добиться разрешения посылать к Высочайшему двору подарки, которые милостиво принимались, что, конечно, способствовало обеспечению существования обители.

Особенно заботились Денисовы о расширении хозяйства обители; на работы наряжались обитатели ее, а для наблюдения за ними посылался особый нарядчик, который отвечал за порядок и успешность работ. Они разделывали леса, устраивая в них обширные расчистки для пашен, разводили в изобилии скот, строили мельницы, завели кожевенные и кирпичные заводы. Рогатого скота числилось в обители при Денисовых 300 голов и 100 лошадей. Они занялись рыбной ловлей на море и торговлей, завели свою пристань на Онежском озере, именуемую Пигматкой, с которой по водным путям отправляли северные товары—рыбу, лен, шкуры, заграничные (амбурские) сукна в Россию и с которой получали скупленный в России хлеб для продажи его на севере; потянулись они на Белое море, добыли собственные суда и послали с торгом и за тюленем на Новую землю и на Груман (Шпицберген).

...ородных ей
...к ней население.
...рообрядцы со всей
... обители Даниловской

... жителей суземка дошло до
...боего пола. Скитов и поселков
...г. в одной ограде Даниловской
... вокруг часовни.
...ошения с Поволжьем, Уралом и

... пре... ...ых (Андрей умер в 1730 г., а Семен
...воили приемы их деятельности, и обитель продолжала процветать
. Правда, нравы в ней уже не были столь строги, богатство оказало
...вое влияние: завелась роскошь, распутство. Один из позднейших на-
...лей (30-х г.г. XIX в. Федор Бабушкин) в слове, обращенном к Выговцам,
...ял их в том, что нравы их изменились, ибо где прежде у иноков висели
...лки с книгами, там в его время они были заменены люльками с рябятами.

По данным генерального межевания 1785 г., за Выговской пустынью значилось 2.344 десятины пашни, 4.058 десятин покоса и 78 дес. под поселками; по 6 ревизии ей принадлежало уже 368 т. десятин удобной земли и леса и 22 т. десятин неудобной земли. В 1833 г. в двух обителях Даниловской и Лексинской числилось 1.020 душ мужского и 1.800 душ женского пола. Доходы были исчислены следующие: ржи вымолачивалось 4.000 четвертей; от продажи крестов выручалось до 5.000 р.; от продажи рукописей 15.000 р., а всего с разными другими статьями 200.000 руб.

С воцарением Николая I переменилась правительственная политика по отношению к старообрядчеству вообще: веротерпимость заменилась жестоким преследованием, почему особое внимание властей привлекла к себе и Выговская обитель, как влиятельный центр и рассадник беспоповского толка не только на севере, но и во всей России. Начали применять общие ограничительные меры по отношению и к ее насельникам. С 1828 г. было запрещено старообрядцам вновь приписываться к скитам и поселкам; в 1837 г. запечатали колокола–на их часовнях, а в 1855 г. были выселены из обителей и скитов на места приписки все проживавшие в них люди, приписанные по 8 ревизии к другим селениям. Оставлены были на местах только престарелые и больные. Опустевшие строения приказано было заколотить, а часовни запрещено было чинить. В Данилов и Лексу были переселены православные крестьяне из Псковской губернии, чтобы окончательно порвать связь населения с преданиями о былом величии обителей. Последняя моленная была запечатана в доме большака Степана Иванова в 1857 г., но самый дом сохранился, и в нем в 1915 г. скончался последний Даниловский выборный большак Н. Н. Лубаков.

Так покончила свое существование Выгорецкая обитель, возникшая в необитаемой пустыне бессейна р. Выга, развившая там обширное по тому времени земельное хозяйство, завязавшая обширные торговые сношения с русскими и иностранными купцами и оставившая по себе яркий след в литературе, искусстве инокописания, меднолитном деле, шитье, художественной переписке книг.

Нам остается сказать несколько слов о вероисповедании поморцев. Выше мы упомянули, что отсутствие духовного просвещения в Олонецком

крае способ
обращенного к
убежденные в том
рился на земле, легк
настало оскудение церкви
церкви, приняв Никоновы
самыми необходимыми таинс
и молитвословиями, доступным
ним, когда люди должны были
нилась надобность в священстве,
такого учения было уже проповеда
цев-протопопом Аввакумом и другими,
поведью о появлении на земле антихриста принадлежит изве
Соловецкому дьякону Игнатию; он же внушил его своим ученика
Викулину и Андрею Денисову, которые разработали его в своих по
и сочинениях и распространили его при помощи проповеди среди
ников Выговской обители. Так образовалось учение Поморского т
Сначала поморцы отрицали брак и молитву за царя, но жизнь заставила
принять то и другое: последнее они ввели под давлением внешних обстоя-
тельств, после доноса Круглого в 1737 г. о том, что они не молятся за царя
и являются супротивниками его власти, а первое заставила их признать
жизнь. Но принятие молитвы за царя стоило им отпадения некоторой части
своих единоверцев, которые признали молитву за неправоверного царя
противоречащей церковному уставу и которые, под руководством инока
Филиппа, в 1737 г. отделились от них и ушли вместе с ним в Архангельскую
губернию и поселились на р. Умбе и основали там Топозерские скиты.
Последователи Филиппа стали именоваться Филипповцами; они остались
также и в Олонецкой губернии среди Поморцев.

Проповедь наступления царства антихриста, опасение попасть в его руки, и, получив на себя печать его, потерять возможность попасть в Царство небесное, а иногда притом же преследования властей, оказали и другое влияние на темные массы: они собирались в лесах, строили срубы и в них сами себя сжигали. Сам диакон Игнатий сжегся с 2.700 своими единоверцами в Палеостровском монастыре. И таких «гарей» было множество в конце XVII и начале XVIII столетий.

НАТАЛЬЯ
Обл. Центр. Библиотекарь
г. Сыктывкар

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРА

1921 г.

Пути Новгородской колонизации в Поморье.

Пути низовских князей в XII в. для эксплоатации северных богатств.

Пути колонизации в Пермь и Сибирь до XVIII века

Пути из Поволожья через черемис в Пермь и Сибирь XVII и XVIII в.

Область Новгородских пятин

Места обитания черемис до XVI века.

Места Московской крестьянской и монастырской колонизации XIII и XIV в.в.

То-же XV в.

Р. В. Ц.

15 Госуд. тип.

ЧТАЛЫЛ
Гол. Центр. Бібліотекалӧн
— Сыктывкар —